

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 9 / 2020

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Выходит с 1998 г., издается ежемесячно

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибуллин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Лебедева О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, чл.-корр. РАО,

заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бакин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Истоки правовой реальности

Исаев И.А. Закон и истина в утопии 3

Плигин В.Н. Понимание легитимности
Ю. Хабермасом и отдельные вопросы практики
функционирования государства и права (часть 2) ...8

Сунцова Е.А., Правкин С.А. Особенности
зарождения и развития форм русского
(российского) права 16

Ткаченко С.В. Реципиент как субъект рецепции
права 22

Корнев А.В. Суверенитет, власть, сети:
машина в эпоху «постчеловека» 30

Левчук С.В. Принципы права как средство
разрешения онтологических коллизий
естественных и позитивных начал
правопонимания 38

Рымарь С.В. Нация и этнос 46

Локальные проблемы права: аспекты истории

Ящук Т.Ф. Хронологические собрания
российского законодательства советского периода....52

Колошинская Н.В. Организационно-правовые
аспекты регулирования оборонительных работ
и противохимической защиты населения
Ленинграда (осень 1941 — весна 1942 г.) 58

Овсянников П.Ю. Правовое регулирование
иммиграционной политики США в 1950-е годы 66

Лескина Э.И. Аксиология трудового права:
традиции и современность.....70

Мун В.А. Правовая охрана материнства и детства
в сфере трудовых отношений в России во второй
половине XIX — начале XX в. 75

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 10.

Номер подписан в печать 13.08.2020.

Номер вышел в свет 20.08.2020.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Объединенный каталог.

Пресса России — 85492 (на полуг.)

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга,

ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов
без письменного разрешения авторов статей
или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной
комиссией при Министерстве науки и высшего
образования Российской Федерации для публикаций
основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 9 / 2020

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. PI No. Ф077-30776 from December 25, 2007. Issued since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., LL.D., professor

Editorial Board:

Aronov D.V., Doctor of History, professor;
Babich I.L., Doctor of History;
Zhil'tsov N.A., PhD (Law),
PhD in Pedagogy, professor,
Honorary Worker of Justice of Russia;
Mel'nikov S.A., LL.D., professor;
Migushhenko O.N., LL.D., associate professor;
Nigmatullin R.V., LL.D., professor,
Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan;
Rasskazov L.P., LL.D.,
Doctor of History, professor;
Romashov R.A., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation;
Safonov V.E., LL.D., professor;
Tumanova A.S., LL.D.,
Doctor of History, professor;
Khabibulin A.G., LL.D., professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;
Cherdakov O.I., PhD in History,
LL.D., professor

Editorial Staff:

Lebedeva O.G., PhD (Law),
associate professor;
Zenin S.S., PhD (Law), associate professor;
Klimenko A.I., LL.D.,
associate professor;
Nedobezhkin S.V., PhD (Law),
associate professor;
Sigalov K.E., LL.D., associate professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding
member of the RAE, Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Tel.: (495) 953-91-08.

Authors shall not pay for publication of their articles.

Legal Reality Sources

- Isaev I.A.** Law and Truth in an Utopia 3
Pligin V.N. The Understanding of Legitimacy
by J. Habermas and Some Issues of the Practice
of Functioning of State and Law (Part 2) 8
Suntsova E.A., Pravkin S.A. Peculiarities
of the Origination and Development of Russian
Law Forms 16
Tkachenko S.V. Recipient as a Subject of Reception
of Law 22
Kornev A.V. Sovereignty, Power, Networks:
Machines in the Posthuman Epoch 30
Levchuk S.V. Legal Principles as a Means
of Solution of Ontologic Collisions of Natural
and Positive Origins of Legal Consciousness 38
Rymar S.V. Nation and Ethnos 46

Local Law Issues: Aspects of History

- Yaschuk T.F.** Chronological Collections
of Russian Laws of the Soviet Period 52
Koloshinskaya N.V. Organizational and Legal
Aspects of the Regulation of Defense Works
and Anti-Chemical Protection of the Population
of Leningrad (Autumn of 1941 to Spring of 1942) 58
Ovsyannikov P.Yu. The Legal Regulation
of the U.S. Immigration Policy in the 1950s 66
Leskina E.I. Labor Law Axiology: Traditions
and the Modern Times 70
Mun V.A. Legal Protection of Motherhood
and Childhood in Labor Relations in Russia
in the Second Half of the XIX
to the Early XX Century 75

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper No. 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 10.
Conventional printed sheet 10.
Passed for printing 13.08.2020.
Issue was published 20.08.2020.

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription:

United Catalogue. Russian Press — 85492
(for 6 months).
Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya,
Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Science and Higher Education of
the Russian Federation for publications of basic results
of PhD and doctor theses.

Founder:
Jurist Publishing Group

Закон и истина в утопии*

Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igp@yandex.ru

Статья посвящена анализу одной из форм виртуального правового пространства, известного как утопическое пространство. История проблемы достаточно известна. Однако ее актуальность не всегда отмечается. Фигура законодателя имеет архетипическое значение в обществах Европы, сформировавшихся в конце XVIII в. в результате революций. Особое значение она приобрела и в современных демократических государствах.

Ключевые слова: закон, право, легальность, легитимность, диктатура, демократия, революция, утопия, виртуальность, иерархия.

Law and Truth in an Utopia

Isaev Igor A.
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Honored Scientist of the Russian Federation
LL.D., Professor

The article is dedicated to an analysis of one of the forms of virtual legal space known as utopian space. The history of the issue is well known. However, its relevance is sometimes ignored. The legislator's figure has an archetypal meaning in the European societies formed in the late 18th century as a result of revolutions. It has acquired special importance in modern democratic states.

Keywords: act, law, legality, legitimacy, dictatorship, democracy, revolution, utopia, virtuality, hierarchy.

Кажется, что «век закона» уже миновал. Вслед за ним ушел и общественный договор: «Мы оставили позади не только эру правила и ритуала — мы распрощались также с эрой закона и договора. Жизнь наша облекается Нормой и Моделями, и у нас нет даже слова, чтобы обозначить то, что не сегодня-завтра наследует в наших глазах социальности и социальному... Минимум реальности и максимум симуляции — вот чем отныне мы будем довольствоваться в своей жизни». «Симуляция порождает нейтрализацию полюсов, упорядочивавших перспективное пространство реальности и закона. Мы погружаемся в холодную имманентность нормы и моделей»¹.

¹ Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. М.: Ad marginem, 2000. С. 268–269.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-19-16124.

Попытки практической реализации утопических проектов (государство иезуитов в Парагвае, китайские коммуны 1960-х гг. и советские 1920-х гг.) независимо от их идеологической окраски основывались на определенных и сходных метафизических принципах. Вера, религиозная или научная, лежала в основе проектов, скорректированных мощной рациональной интенцией, вера в то, что предлагаемое утопистами общество будет справедливым и гуманным (в соответствии с представлениями, осовремененными для данных проектов). Однако не только результаты таких экспериментов показали обратное, но одновременно появилось также большее число антиутопий, в которых предполагались явно негативные выводы из утопической идеи.

Сущность утопии в отрицании уже существующего порядка. Взамен же предлагается полное его устранение (но не перестройка и усовершенствование как в реформизме) и создание. Этот эсхатологический мотив в любой его трактовке оказывается навеянным религиозной традицией, что проявляется даже в умеренно атеистических утопиях.

Деформация централизованной формы «быть» начинается уже со средневековой формулы, воспроизведенной Паскалем: «Бог есть шар, центр которого везде, а окружность нигде». Эксцентризация пространства, где любая точка приобретает автономное и вместе с окружающими ее лицами образует лишённые центры структуры, такое пространство становится индифферентным и нейтральным: такова сущность иерархического как «способности одного номоса отношения охватывать противоположный номос»².

«Когда-то соответствие предмета его употреблению, функции — учреждению, всех вообще вещей — их объективной детерминации определяло принципы реальности; сегодня — совпадение желания с моделью... определяет принцип удовольствия» (Ж. Бодрийяр). Закон описывает всеобщую систему смысла и ценности, имея в виду их объективное признание. На базе этой трансцендентности закон «складывается в инстанцию тотализации реальности, все трансгрессии и революции прокладывают путь к универсализации закона».

Правило же имманентно определенной, ограниченной системе, очерчивая ее и не выходя за ее пределы. Оно не нацелено на всеобщее и не устанавливает внутреннего рубежа. «Трансцендентность закона основывает необратимость смысла и ценности. Имманентность правила, его произвольность и описательность вызывают в его собственной области обратимость смысла и реверсию закона»³.

Вернер Йегер проанализировал связь платоновской идеи справедливости как необходимого утопического постулата с реальной ситуацией, в которой рождалась утопия. Убеждение в том, что все граждане подчиняются обязательно — для всех праву, позволяло избежать межпартийной борьбы, но таило в себе другую серьезную опасность. Закон, который, как это представлялось сначала, должен был существовать вечно, вдруг оказался чем-то недостаточным и требующим корректирования. Оказалось, что все зависело от того, в чьих руках находилось дальнейшее формирование законов в государстве — будь то отдельные личности или порядочные массы. Стала очевидной явная относительность права вообще. При попытках привести неустойчивое многообразие законов к общему знаменателю возможной оказалась формула, согласно которой действующее право является выражением мнений и интересов самой сильной в данный момент партии. Право стало представляться функцией власти, не основанной на каком-либо моральном авторитете, а как правовой порядок, который должен быть осуществлением идеала: «...не более, чем завеса, за которой в действительности скрывается борьба различных интересов»⁴.

Жан Бодрийяр намечал три стадии становления ценностной системы: бытовая, рыночная (господствуют средства обмена) и структурная (ценность как символ). Им соответствуют закон естественного развития, закон рынка и структурный закон ценностей. На первой стадии в представлении выступает естественное состояние мира, на второй — эквивалентность и ложка торговли, на третьей появляется некий свод правил и ценность развивается в соответствии с существующей совокупностью образов.

² Слотердаик П. Сферы: микросферология : в 3 т. СПб. : Наука, 2010. Т. 3. С. 208.

³ Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 234.

⁴ Йегер В. В. Пайдейя. Воспитание античного грека: (Эпоха великих воспитателей и воспитательных систем) : в 2 т. / пер. с нем. М. Н. Ботвинника. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. Т. 2.

В итоге ценности распространяются во всех направлениях — наступает четвертая, диффузная стадия, — без какой-либо логики уже нет закона ценности, имеет место рассеяние, зависящее лишь от воли случая. «Вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций», они вступают «на путь бесконечного самовоспроизводства... Все сущее продолжает функционировать...» при полном безразличии к собственному содержанию. «Идея исчезла в политике, но политические деятели продолжают свои игры, оставаясь втайне совершенно равнодушными к собственным ставкам»⁵.

При этом утопия явно склоняется к преобразованию самих политических институтов в нейтральные хозяйственные организационные дополнительные формы. Но это как раз и ведет к неожиданному авторитаризму, ведь не только мысли и чувства регламентируются, но они распределяются в обществе «как пар по трубам; или обладали и применили их как на фабрике».

Ни одна утопия на деле так и не показала, как гармонично соединить личность с коллективом, чтобы эта связь не превратилась в тягость, но утопия маневрирует между коллективным принуждением и анархичным своеволием, поскольку трудно найти формулу подготавливаемых приходящих норм»⁶.

Группы рожают в «себе самых некую нормативную архитектуру, которая так сверхличностна, величественна и прочна, чтобы восприниматься в качестве действительного закона, обязательной инструкции и реальности императивных правил». Это — нравственный эфир, говоря словами, Гегеля, а платоновские подвыборы тогда представляются перенесенными на небо институтами⁷.

Жан Рансьер говорит, что политика достаточно рано начинает порывать

с утопическими идеями будущего и идеалами «другого места». Она испытывает ту же секуляризацию, что и другие виды деятельности, касающиеся производства индивидов и групп. На этом фоне центр политического скрывается из виду. Символы политического разделения уступают место чистому динамизму общества, т.е. социальному, политическое искусство становится искусством подавления политического. Утопия становится интеллектуальной конструкцией, способствующей совпадению места мести с интуитивно воспринятым странством⁸.

По сути, все идеологические конструкции несут в себе зерно утопичности. Особенно ясно это проявляется в содержании политических деклараций и конституций. (В конституции социалистического типа основные принципы были весьма заметно обусловлены общими евангельскими постулатами — «кто был ничем, тот станет всем», революционные лозунги: свобода, равенство, братство, формировались одновременно с культом Верховного Существа, путь к коммунистическому обществу вел прямо в «райские гуши», Идея «прав человека» и «Естественного права» нормами уходит в Ветхий Завет.)

Совсем иное дело — реализация этих постулатов, воплощение утопических обещаний в жизни не всегда оказывается благим делом: Николай Бердяев говорил, что опасность утопий заключается в том, что они никогда реализуются.

Усовершенствования в общественной организации возможны только при технической организации, и здесь машина получает решающий голос при строительстве социальных структур и связей: технологическое мышление не только не исключает утопизма в проектировании общества, но и кажется необходимым (Менгер считал детальное изображение идеального общественно-го строя не только возможным, но прямо необходимым, если социалистическое движение желает достичь своих целей.

⁵ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла : сборник эссе / пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. 4-е изд. М. : Добросвет, 2010. С. 234.

⁶ Свенгоховский А. История утопий. От античности до конца XIX века / пер. с польск. Е. Загорского ; вступ. ст. А.Р. Ледницкого. 2-е изд. М. : URSS : ЛИБРОКОМ, 2011. С. 409–410.

⁷ Слотердайк П. Указ. соч. С. 474.

⁸ Рансьер Ж. На краю политического. М., 2006. С. 30–35.

Утопия только тогда ненаучна, когда, изображая будущий строй, полагает, что в нем люди будут руководствоваться другими побуждениями, или возникает иное соотношение между причиной и следствием, чем имеет место в настоящее время⁹).

«Но вполне возможно также появление и такой утопии, которая перенесет цель своих стремлений в иную сторону и из коммунистической превратится в индивидуалистическую. Она не будет интегрировать общественную волю, но будет дифференцировать волю индивидуумов», — резонно замечал польский исследователь Александр Свентоховский¹⁰.

В конфликтности совместного существования политическое искусство создавало интервалы расходящихся сосуществующих интересов, тем самым пробуждая социальное, где частное и публичное гармонизируется на расстоянии. «Деполитизация — вот древнейшее занятие политического искусства, то, что добивается достижений, приближаясь к своему концу; достигает совершенства у края обрыва»¹¹. Противопоставляя «голую жизнь» политическим конструкциям, утопия возвращается к докисическому уровню сознания, тем самым трансформируя и саму виртуальность.

Утопия представляет собой виртуальный уход от реально существующего хаоса и неуравновешенности. И это часто порождает обратную реакцию — обращение к более жесткому порядку и авторитарности. В этом заключается парадокс жанра, когда политические идеалы

прошлого или воображаемого будущего жестко фиксируются, чтобы преодолеть отчуждение посредством фантазии. Стремление к чуду упорядоченности становится своего рода «деятельным сновидением»¹², воплощенным в социальную программу.

Символическая сила эффективна лишь как виртуальная сила, как обещание или угроза ее применения в полной мощи. На самом деле сила скрывается «за пустотой господствующего означающего» как несостоятельность его содержания без означаемого. Отступления «символического закона, управляющего нашим существованием, совпадает с переходом от символического закона к суперэго: действующая сила, которая навязывает субъекту пожертвования, которое спасет видимость»¹³.

Закон тогда уже не рассматривается как зависимый от истины, сама истина становится зависимой от закона. Закон теперь не основывается на каком-то высшем принципе, наделяющем его властью, он самообоснован и правомерен уже в силу собственной формы. Но он также непостижим и неуловим, он функционирует не будучи известным: он определяет область нарушений, в которых субъект виновен, нарушает границы, даже не зная, где они проходят: пустая форма закона выступает здесь как своего рода обещание отсутствующего содержания¹⁴.

¹² Ласки М. Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление : антология зарубежной литературы / пер. с англ., нем., фр. и др. яз. ; сост., авт. предисл., ред. В.А. Чаликова. М. : Прогресс, 1991. С. 174.

¹³ Жижек С. Чума фантазии / пер. с англ. Е. Смирновой ; ред. О.В. Свинченко. М. : Гуманитарный центр, 2017. С. 271.

¹⁴ Там же. С. 364.

⁹ Цит. по: Свентоховский А. Указ. соч. С. 414.

¹⁰ Там же. С. 425.

¹¹ Рансьер Ж. Указ. соч. С. 41.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла : сборник эссе / Ж. Бодрийяр ; перевод с французского Л. Любарской, Е. Марковской. 4-е изд. Москва : Добросвет, 2010. 257 с.
2. Бодрийяр Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр ; перевод с французского А. Гараджи. Москва : Ad marginem, 2000. 317 с.

3. Жижек С. Чума фантазии / С. Жижек ; перевод с английского Е. Смирновой ; редактор О.В. Свинченко. Москва : Гуманитарный центр, 2017. 388 с.
4. Йегер В.В. Пайдейя. Воспитание античного грека: (Эпоха великих воспитателей и воспитательных систем). В 2 томах. Т. 2 / В.В. Йегер ; перевод с немецкого М.Н. Ботвинника. Москва : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. 334 с.
5. Ласки М. Утопия и революция / М. Ласки // Утопия и утопическое мышление : антология зарубежной литературы : перевод с английского, немецкого, французского и других языков / составитель, автор предисловия, редактор В.А. Чаликова. Москва : Прогресс, 1991. С. 170–209.
6. Рансьер Ж. На краю политического / Ж. Рансьер ; перевод с французского Б.М. Скуратова. Москва : Праксис, 2006. 238 с.
7. Свентоховский А. История утопий. От античности до конца XIX века / А. Свентоховский ; перевод с польского Е. Загорского ; вступительная статья А.Р. Ледницкого. 2-е изд. Москва : URSS : ЛИБРОКОМ, 2011. 425 с.
8. Слотердаjk П. Сферы : микросферология. В 3 томах. Т. 3. Пена / П. Слотердаjk ; перевод с немецкого К.В. Лошевского. Санкт-Петербург : Наука, 2010. 922 с.

References

1. Baudrillard J. Prosrachnost zla : sbornik esse ; perevod s frantsuzskogo L. Lyubarskoy, E. Markovskoy. 4-e izd. [The Transparency of Evil : collection of essays ; translation from French by L. Lyubarskaya, E. Markovskaya. 4th edition] / J. Baudrillard. Moskva : Dobrosvet — Moscow : Dobrosvet, 2010. 257 s.
2. Baudrillard J. Soblazn ; perevod s frantsuzskogo A. Garadzhi [Seduction ; translation from French by A. Garadzhi] / J. Baudrillard. Moskva : Ad marginem — Moscow : Ad Marginem, 2000. 317 s.
3. Žižek S. Chuma fantazii ; perevod s angliyskogo E. Smirnovoy ; redaktor O.V. Svinchenko [The Plague of Fantasies ; translation from English by E. Smirnova ; editor O.V. Svinchenko] / S. Žižek. Moskva : Gumanitarny'y tsentr — Moscow : Humanitarian Center, 2017. 388 s.
4. Jaeger W.W. Paydeyya. Vospitanie antichnogo greka: (Epokha velikikh vospitateley i vospitatelny'kh sistem). V 2 tomakh. T. 2 ; perevod s nemetskogo M.N. Botvinnika [Paideia: The Ideals of Greek Culture. In 2 volumes. Vol. 2 ; translation from German by M.N. Botvinnik] / W.W. Jaeger. Moskva : Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina — Moscow : Yuriy Shichalin's Museum Graeco-Latinum, 1997. 334 s.
5. Lasky M. Utopiya i revolyutsiya [Utopia and Revolution] / M. Lasky // Utopiya i utopicheskoe my'shlenie: antologiya zarubezhnoy literatury` : perevod s angliyskogo, nemetskogo, frantsuzskogo i drugikh yazy'kov ; sostavitel, avtor predisloviya, redaktor V.A. Chalikova [Utopia and Utopian Thought: An Anthology of Foreign Literature : translation from English, German, French and other languages ; compiled, foreword, edited by V.A. Chalikova]. Moskva : Progress — Moscow : Progress, 1991. S. 170–209.
6. Rancière J. Na krayu politicheskogo ; perevod s frantsuzskogo B.M. Skuratova [On the Shores of Politics ; translation from French by B.M. Skuratov] / J. Rancière. Moskva : Praksis — Moscow : Praxis, 2006. 238 s.
7. Świątochowski A. Istoriya utopiy. Ot antichnosti do kontsa XIX veka ; perevod s polskogo E. Zagorskogo ; vstupil'naya statya A.R. Lednitskogo. 2-e izd. [Utopias in Historical Development ; translation from Polish by E. Zagorskiy ; introductory article by A.R. Lednitskiy. 2nd edition] / A. Świątochowski. Moskva : URSS : LIBROKOM — Moscow : URSS : LIBROCOM, 2011. 425 s.
8. Sloterdijk P. Sfery` : mikrosferologiya. V 3 tomakh. T. 3. Pena ; perevod s nemetskogo K.V. Loshevskogo [Spheres : microspherology. In 3 volumes. Vol. 3. Foams ; translation from German by K.V. Loshevskiy] / P. Sloterdijk. Sankt-Peterburg : Nauka — Saint Petersburg : Science, 2010. 922 s.

Понимание легитимности Ю. Хабермасом и отдельные вопросы практики функционирования государства и права (часть 2)*

Плигин Владимир Николаевич,
ведущий научный сотрудник сектора философии права, истории
и теории государства и права Института государства и права
Российской академии наук (ИГП РАН),
кандидат юридических наук
theory-of-law@igpran.ru

Целью данной статьи является философско-правовой анализ концепции легитимности Ю. Хабермаса в контексте современных политико-правовых реалий (с приведением конкретных примеров из истории СССР и современной России). Ценность легитимного правления политического режима, сложившегося государства и общества — это единый ценностный комплекс, в основе которого заложено соответствие ожиданиям граждан. Однако рассмотрение идей теоретиков легитимности власти вне контекста правовой и политической среды, в которой она и может осознаваться наиболее эффективно, как представляется, ведет к отрыву от фундаментальных оснований самой власти как особой формы деятельности.

Ключевые слова: легитимность, государственная власть, обоснование права, легитимность власти, конституционная законность.

The Understanding of Legitimacy by J. Habermas and Some Issues of the Practice of Functioning of State and Law (Part 2)

Pligin Vladimir N.
Leading Researcher of the Sector of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences (ISL RAS)
PhD (Law)

The purpose of this article is a philosophical and legal analysis of the concept of the legitimacy of J. Habermas in the context of modern political and legal realities (with specific examples from the history of the USSR and modern Russia). So, the value of the legitimate rule of the political regime, the established state and society is a single value complex, which is based on compliance with citizens' expectations. However, the consideration of the ideas of theorists of the legitimacy of power outside the context of the legal and political environment, in which it can be realized most effectively, seems to lead to a separation from the fundamental foundations of the government itself as a special form of activity. The theoretical significance of this work is to clarify the key philosophical and legal aspects of the concept of legitimacy of J. Habermas, and the practical significance is to use specific historical examples (USSR and modern Russia) to consider this issue in relation to a legal and political environment.

Keywords: legitimacy, the state authority, basis of law, legitimacy of power, constitutional legality.

Особенности легитимации обществ

Последовательное изучение истории показывает, что развитие легитимности совпадало с развитием политических режимов. Первоначально политические режимы складывались вокруг власти монарха-судьи, трактующего законы и предотвращающего государство от распада. Судья легитимно вмешивается там, где обществу угрожает опасность. При этом государство не устанавливает идентичности нации, не формирует смыслов.

Оно лишь поддерживает функционирование общества¹.

При этом и политические режимы, и типы государств (империя, городское государство, национальное государство) имеют свои порядки легитимации и порядок организации обществ². И в этом во-

¹ Habermas J. Legitimation Problems in the Modern State // Habermas J. Communication and the Evolution of Society / trans. T. McCarthy. Boston : Beacon Press, 1979. P. 179–180.

² Ibid. P. 180.

*Продолжение, начало статьи см. в № 8 за 2020 г.

просе важно учитывать три особенности легитимации обществ, организованных через институт государства:

1) покорность масс позволяет эффективно управлять государством без растраты ресурсов. При этом покорность обеспечивается через социальную интеграцию, посредством ценностей и норм, которые государство продвигает, и последующей легитимации³. Учитывая, что ценности генерируют легитимность, отмечает Ю. Хабермас, утверждение о зависимости легитимности от успехов экономики или эффективности бюрократического аппарата не имеет определяющего значения.

«Этому соответствует утверждение о том, что работа системы может сделать представления о легитимности излишними, что нейтрально наблюдаемая эффективность государственного аппарата или экономической системы (а не только эффективность, воспринимаемая и оцениваемая участниками) эффективна для легитимации»⁴. Принимая данное утверждение, вместе с тем следует обратить внимание на то, что ценностная система для достижения указанного эффекта должна быть лишена излишней патерналистской наполненности. Если этого не происходит, то перенесение достижения собственной экономической успешности полностью на внешнего участника может привести практически к полной зависимости легитимности и экономической эффективности. Кризисы легитимности в этой ситуации могут преодолеваться, если система сохраняется, только за счет жесткого внешнего давления.

В контексте легитимности правовой нормы данный эффект (эффект излишности легитимности) следует из некоего «права давности», то есть доказанной временем благотворности конституции или закона⁵. Однако здесь также возможна усталость от нормы, «благотворность» перестает восприниматься как ценность, возникает нерациональная потребность изменения порядка, которое в дальнейшем, может, и будет осуждаться, но в кон-

кретных условиях понимается как желаемое и неизбежное;

2) проблемы легитимности существовали задолго до появления современных государств. Уже в Древнем Риме и Греции задавались вопросами легитимности власти. Фактически конфликты из-за легитимности появились с первым государством.

«Формулы законного правительства или законного права собственности были широко распространены в Риме и в европейском средневековье. И мы можем продемонстрировать существование конфликтов легитимности во всех старых цивилизациях... В традиционных обществах, — продолжает Хабермас, — конфликты легитимации обычно принимают форму пророческих и мессианских движений, которые обращаются против официальной версии религиозной доктрины, которая узаконивает государство или священническое господство, церковь или колониальное господство»⁶. Вместе с тем, как утверждает И.А. Исаев, «в римской традиции авторитет был тем самым „ускользающим элементом, который придавал власти ее особенный характер законности“, возвышая ее над грубым применением силы»⁷;

3) проблемы легитимации зависят от классовой борьбы. Перераспределение доступа к средствам производства при перенесении центра влияния напрямую связывает ее (классовую борьбу) проблемами легитимности⁸. Классовая борьба затрагивает многие аспекты делегитимации. Хотя конфликты легитимности не носят исключительно экономического характера, они затрагивают вопросы классовой идентификации⁹.

Глобальные процессы изменения характера трудовой деятельности привели к тому, что на первый взгляд предыдущая структурность общества практически полностью утратилась. Однако мы скорее сталкиваемся с тем, что современное понимание классов, несомненно, усложнилось, оно отходит от классического представления. Применительно к той модели,

³ Ibid. P. 181.

⁴ Ibid. P. 181.

⁵ Исаев И.А. Консервативные парадигмы: власть и традиция // История государства и права. 2015. № 22. С. 36–43.

⁶ Habermas J. Op. cit. P. 181.

⁷ Исаев И.А. Новый порядок и принуждение // История государства и права. 2014. № 7. С. 3–9.

⁸ Habermas J. Op. cit. P. 181–182.

⁹ Ibid. P. 182.

которая доминирует в настоящее время в развитых обществах, скорее можно говорить о материальном расслоении участников социального механизма, что, однако, не исключает противоречий нового вида классового характера, которому подвержены практически все, в том числе развитые, общества. Действующие механизмы противодействия новому стратификационному расслоению, включая налоговые механизмы, не работают. Зримыми формами вызываемых указанными процессами явлений становятся новые формы забастовочных движений, проявлений антиглобализма и массовые погромы (худшая форма).

Это приводит нас к выводу, что легитимация во многом зависит, конечно, от того, насколько общество будет объединено едиными ценностями, но и также насколько сам правящий политический класс (управляющая элита) будет соответствовать его ценностным нормам.

Легитимность государств: внутреннее и внешнее проявление

Основания для легитимации, подчеркивает Ю. Хабермас, лежат в рамках социальной идентичности, которая становится базисом для построения эффективного политического режима и государства¹⁰. Только легитимное современное государство может получить право на монополизацию власти, границы и централизованное управление¹¹. Подтверждение этому мы находим и в общетеоретическом представлении о государственной власти, важнейшим атрибутом которой является монопольное право на насилие¹².

Для того чтобы вывести проблемы с легитимизацией режимов, которые могут возникать в современных государствах, Хабермас описывает процесс формирования государств-наций со своей точки зрения. Он указывает, что государство *существует* в двух ипостасях: внутренней и внешней. Внутренне государство можно рассматривать как систему, регулируемую экономические взаимоотноше-

ния и рынок. Государство предоставляет гарантии *обеспечения* «буржуазных гражданских законов», управляет монетарным механизмом, обеспечивает часть инфраструктуры.

«Государство организует условия, на которых граждане, как конкурирующие и стратегически действующие частные лица, осуществляют производственный процесс... Так как государство само не занимается капиталистическим предпринимательством, ему приходится отсеивать ресурсы для своих заказных достижений из частных доходов. Современное государство — государство, основанное на налогообложении (Шумпетер)»¹³.

С внешней части государство не возникает в единичном формате, оно создается в системе государств. Государства появлялись в рамках не только внутренней экономической системы, но и внешней. Именно поэтому, отмечает Ю. Хабермас, суверенность государства сравнивается с суверенностью других государств, а не сама с собой¹⁴.

Легитимность: строительство государств и наций

Ю. Хабермас отмечает, что строительство государств всегда основывалось на организации коллективных идентичностей. Применялись для этого разные методы: подчинение, порабощение, ассоциация. При этом нации — явление, порожденное современными государственными структурами. Нация считается «созданной», если она отвечает двум факторам: 1) она создает формальные эгалитарные структуры с буржуазным законодательством; 2) создает возможность мобилизации населения.

«Процесс государственного строительства должен был реагировать на форму коллективной идентичности... Идентичность таких империй должна была закрепляться внутри сознания лишь небольшой элиты. Она могла бы сосуществовать с другими слабо интегрированными, предгосударственными идентичностями архаичного происхождения. Появление наций показывает,

¹⁰ Ibid. P. 182–183.

¹¹ Ibid. P. 188.

¹² Исаев И.А. Власть, господство, диктатура: проблемы легитимности // История государства и права. 2012. № 21. С. 3–6.

¹³ Habermas J. Op. cit. P. 189.

¹⁴ Ibid. P. 190.

как этот вид коллективной идентичности трансформировался под давлением современного государственного устройства. Нация — это (еще не проанализированная адекватно) структура сознания»¹⁵.

Процесс государственного строительства во многом в предыдущем веке воспринимался как заверченный, возникавшие отклонения, связанные с некоторыми вооруженными конфликтами, чаще всего не вели к распаду самой государственной ткани. Однако и здесь (если изъять из текста слово «философия») история «начинает рисовать своей серой краской по серому», возвращая нас в целом ряде случаев к началу государственнообразующего формирования, прежде всего представленного в распавшихся странах. При этом модели воссоздания системной структуры чаще всего не обнаруживаются в течение десятилетий. Кажущееся очевидным организующее внешнее управление результата не достигает, общество погружается в хаос племенного строя.

«Сюжеты» для легитимации государств

Ю. Хабермас указывает, что процесс формирования буржуазных государств помогает понять процесс легитимации данных государств. Он выделяет пять возможных «тем» легитимизации власти:

- 1) секуляризация;
- 2) рациональный закон;
- 3) капиталистическая товарная биржа;
- 4) суверенитет;
- 5) народ (нация).

Секуляризацию Ю. Хабермас рассматривает как ответ, обусловленный нуждами государства. «С функциональной спецификацией задач государственного управления была разработана политическая концепция, которая требовала политически неиссякаемого обоснования»¹⁶.

Рациональный закон Ю. Хабермас раскрывает через конфликт правопонимания. «Рациональный закон. Большая полемика между рациональным естественным правом и классическим естественным правом, действие кото-

рого также дошло до XIX века, было сосредоточено на выработке процедурного типа легитимации. Ром, Гоббс, Руссо и Кант, ведущие идеи рационального согласия и самоопределения были раскрыты в той мере, в какой вопросы справедливости и общественного благосостояния были лишены всех онтологических коннотаций»¹⁷.

Капиталистическая товарная биржа выступает как предпосылка гражданского общества, управляемого абстрактным правом, защищающим свободу. «Абстрактное право, и капиталистическая товарная биржа... Возникла теория гражданского общества, объясняющая буржуазную систему гражданских права, основные свободы гражданина и капиталистический экономический процесс как порядок, гарантирующий свободу и максимизированное благосостояние. На новом уровне обоснования можно было бы отстаивать только порядок государства и общества, организованный по универсальному принципу»¹⁸.

Трансформация идеи суверенитета от собственно абсолюта персонифицированного суверена-монарха или представителя высшего нобилитета к абсолюту-властисточнику — народу. «Установление монархического суверенитета внутри и без разжигания конфликта, который проводился сначала по фронтам религиозных войн... В течение восемнадцатого века была попытка переосмыслить княжеский суверенитет в суверенитет народа, чтобы внешний суверенитет государства мог быть объединен с политической демократией. Суверенитет народа был, конечно, диффузным боевым криком, который разворачивался в конституционных дебатах XIX века. В ней сливаются различные мысленные мотивы: суверенная власть государства выглядит как выражение нового принципа легитимации, господства третьего сословия, а также национальной принадлежности»¹⁹.

Наконец, концепт «народ» раскрывается через идею развития национального самосознания. «Народ. Этот последний

¹⁵ Ibid. P. 190–191.

¹⁶ Ibid. P. 191.

¹⁷ Ibid. P. 191–192.

¹⁸ Ibid. P. 192.

¹⁹ Ibid. P. 192.

комплекс имеет особое место, поскольку национальное сознание развивалось заметно в очень дифференцированных культурах, часто на основе общего языка, прежде чем оно было драматизировано в движениях за независимость. Фактически национальная принадлежность стала спорной темой (в XIX веке) только там, где процессы модернизации затягивались, как в государствах-правопреемниках империи, распущенных в 1804»²⁰.

Проблемы с легитимностью в «современных демократиях всеобщего благоденствия»

Ю. Хабермас указывает, что «современные массовые демократии всеобщего благоденствия» (mass democracy welfare state) устраняют рабочее движение из политической жизни через регулирование политического пространства. Также он упоминает, что такой режим институционализировал ограниченное количество оппозиционных ролей, формализовал и периодизировал процесс постоянной легитимации, включил все население в процесс легитимации как избирателей²¹.

Предложенный взгляд, несомненно, отражает «благополучие» второй половины XX в. Русская революция и две войны еще не ушли из памяти, они заставили политический механизм пригласить население в процесс легитимации, предложить ему развитую систему партий и движений. Однако «колесо» начало останавливаться: партийные структуры воспринимаются как устаревшие, выборы максимально начинают зависеть от финансовой состоятельности — новая модель социального предложения отсутствует.

Кроме того, государство в таком режиме может поддерживать легитимацию при успешном исполнении обязательств социального обеспечения, занимаясь перераспределением благ.

«В массовых демократиях выполнение этой государственной программы социального обеспечения является, если не основой, то, по крайней мере, необходимым условием легитимности; оно, разумеется, предполагает наличие эконо-

номической системы, относительно свободной от нарушений. Таким образом, государство программно берет на себя ответственность за устранение недостатков в функционировании экономического процесса»²².

В условиях вытеснения человека из рабочего пространства потребуется новая *способность* доступа к благу, которая уже, возможно, полностью исключит саму работу и будет определяться содержанием, связанным просто с принадлежностью к конкретному гражданству (подданству).

Перед государством такого вида встанут три задачи: 1) поддерживать рост бизнеса; 2) влиять на структуру производства для поддержания нужд общества; 3) балансировать социальное неравенство²³.

Легитимизация государства, констатирует Ю. Хабермас, заключается в нивелировании побочных эффектов системы²⁴.

Примерно в этом же ключе рассуждает другой теоретик легитимности, Д. Истон: по его мнению, легитимность — это возможность, благодаря которой политическая система может справиться с проблемами обеспечения стабильности системы в целом²⁵.

Легитимация: эффективные ограничения

Ю. Хабермас выделяет ряд ограничений, существующих для государств, которые позволяют эффективнее легитимизировать государственные режимы.

Первая важнейшая точка ограничений — выявление модели оптимального государственного вмешательства в экономику, по сути, выбор между преваляцией социальной политики или политики максимизации прибыли. «Взаимодополняемость отношений между государством и экономикой приводит к целевому конфликту, о котором широко известно, особенно на нисходящих этапах бизнес-цикла; конфликт заключается между политикой стабильности, которая

²⁰ Ibid. P. 192.

²¹ Ibid. P. 194.

²² Ibid. P. 194.

²³ Ibid. P. 194.

²⁴ Ibid. P. 196.

²⁵ Истон Д. Системный анализ политической жизни (1965) // Политология : хрестоматия / сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин. М., 1999.

должна адаптировать свои меры к независимой, циклической динамике экономического процесса, и, с другой стороны, политической реформы, направленной на компенсацию социальных издержек капиталистического роста, которая требует инвестиций независимо от деловой ситуации и соображений прибыли»²⁶.

Вторая точка ограничений — влияние глобализации и проблема легитимации власти не только внутри государства, но и по отношению к другим государствам. «Развитие мирового рынка, интернационализация капитала и рабочей силы также наложили внешние ограничения на свободу действий национального государства. Проблемы, возникающие у развивающихся стран в связи с международным расслоением, можно, действительно, разделить до такой степени, что они не отреагируют на процесс легитимации в развитых странах. Но последствия переплетения национальных экономик друг с другом нейтрализовать нельзя. Необходимость координации на сверхнациональном уровне не может быть легко удовлетворена до тех пор, пока правительства должны легитимизировать себя исключительно с точки зрения национальных решений и, таким образом, реагировать на национальные события, которые являются крайне несинхронизированными»²⁷.

Вместе с тем последние события, связанные с развитием мировых кризисных явлений, говорят о том, что государственные системы, претендующие на ведущее положение, могут существенно изменять правила мирового порядка, ориентируясь на задачи собственного национального развития.

Третий элемент ограничений — стирание границ национальной идентичности при одновременном изменении полюсов дихотомии глобальная-локальная социальная интеграция. «До середины этого века национальная идентичность в развитых европейских странах развивалась настолько сильно, что кризисы легитимации могли бы быть преодолены националистическими средствами, если бы не было иного пути. Сегодня появляется все

больше признаков не только того, что истошение стало причиной перенасыщения национального сознания, но и того, что во всех более старых странах идет процесс эрозии. Расслоение между глобальными механизмами системной интеграции (мировой рынок, системы вооружения, новостные СМИ, личное общение) и локализованной социальной интеграцией государства может стать способствующим фактором. Сегодня уже не так просто отделить внутренних и внешних врагов по национальным характеристикам. Характеристики, связанные с противодействием системе, служат в качестве замены... И наоборот, членство в системе, похоже, не может быть построено до позитивной идентифицирующей характеристики»²⁸.

Наконец, четвертый элемент — кризис старых моделей идеологического управления ввиду изменения подходов в образовании. «Не особенно благоприятны и социоструктурные условия для „планирования идеологии“ (Луман). Горизонтальное и вертикальное расширение системы образования действительно облегчает осуществление социального контроля через средства массовой информации. Но символическое использование политики тем самым также становится все более и более восприимчивым к упражнениям в самопротивоборстве»²⁹.

Реконструирующий подход к легитимности

Для изучения легитимности Ю. Хабермас предлагает собственный подход, отличный от идей М. Вебера (нормативный подход), Д. Истона, Т. Парсонса (системный подход) и других. Свой концепт легитимности Ю. Хабермас называет «реконструирующим». Для этого Ю. Хабермас предлагает комплексную систему обоснования справедливости, которая дает возможность оценки легитимности:

«Я начну с того, что предложение „Рекомендация X легитимна“ имеет то же значение, что и предложение „Рекомендация X отвечает общим (или общественным) интересам“, где X может быть действием, а также нормой действия или

²⁶ Habermas J. Op. cit. P. 196.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. P. 196–197.

²⁹ Ibid.

даже системой таких норм (в случае, если мы рассматриваем, системой господства). „X отвечает общим интересам“ означает, что нормативная претензия, связанная с X, считается обоснованной. Обоснованность конкурирующих требований о действительности определяется системой возможных обоснований; единственное обоснование называется легитимацией. Восстановление данных легитимаций может привести, во-первых, к открытию оправдывающей системы, S, которая позволяет оценивать данные легитимации как действительные или недействительные в S. „Действительные в S“ означает только то, что любой, кто принимает S-миф или космологию, или политическую теорию, должен также принять основания, приведенные в действительных легитимациях»³⁰.

Предлагаемые Ю. Хабермасом оценки и решения, несомненно, методологически интересны для функционирования

современных государств и должны учитываться в практике.

Ю. Хабермас дает комплексную картину функционирования легитимности. Мы видим, что ценность легитимного правления политического режима, сложившегося государства и общества, — это триединый ценностный комплекс, в основе которого заложено соответствие ожиданиям граждан.

Однако рассмотрение идей теоретиков легитимности власти вне контекста правовой и политической среды, в которой она и может осознаваться наиболее эффективно, как представляется, ведет к отрыву от фундаментальных оснований самой власти как особой формы деятельности. В этой связи продемонстрированные ранее примеры из практики конституционного дизайна Советского Союза и Российской Федерации позволяют достраивать модели легитимности до их завершенного вида, открывая между тем новые вопросы относительно динамики легитимности государственной власти.

³⁰ Ibid. P. 204.

Литература

1. Баранов П.П. Конституционная легитимность: теоретико-методологический аспект / П.П. Баранов, А.И. Овчинников // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 3–6.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 томах. Т. 1. Социология / М. Вебер ; перевод с немецкого В.А. Брун-Цеховой [и др.] ; под общей редакцией Л.Г. Ионина. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 444 с.
3. Исаев И.А. Власть, господство, диктатура: проблемы легитимности / И.А. Исаев // История государства и права. 2012. № 21. С. 3–6.
4. Исаев И.А. Консервативные парадигмы: власть и традиция / И.А. Исаев // История государства и права. 2015. № 22. С. 36–43.
5. Исаев И.А. Легитимность и легальность в конституционном процессе / И.А. Исаев // История государства и права. 2012. № 6. С. 2–6.
6. Исаев И.А. Новый порядок и принуждение / И.А. Исаев // История государства и права. 2014. № 7. С. 3–9.
7. Истон Д. Системный анализ политической жизни (1965) / Д. Истон // Политология: хрестоматия : для студентов, аспирантов и преподавателей вузов ; составители М.А. Василик, М.С. Вершинин ; под редакцией М.А. Василика. Москва : Гардарики, 1999. 843 с.
8. История философии: Запад-Россия-Восток : учебник для студентов вузов / под редакцией Н.В. Мотрошиловой. Кн. 4. Философия XX в. ; под редакцией Н.В. Мотрошиловой, А.М. Руткевича. 2-е изд. Москва : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2000. 446 с.
9. Коновалова Л.Г. Многопартийность и обеспечение связи населения с механизмом государства как признаки парламентаризма: вопросы конституционно-правовой теории / Л.Г. Коновалова // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 28–31.
10. Савин Н.Ю. Легитимность власти в России в условиях социетальной инволюции / Н.Ю. Савин // Бизнес. Общество. Власть. 2012. № 12. С. 45–64.
11. Фомиченко М.П. Институт президентства в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития / М.П. Фомиченко // Административное право и процесс. 2015. № 1. С. 78–82.
12. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас ; перевод с немецкого Л.В. Воробей. Москва : Праксис, 2010. 264 с.

13. Grafstein R. The Legitimacy of Political Institutions / R. Grafstein // *Polity*. 1981. Vol. 14. Is. 1. P. 51–69.
14. Habermas J. Legitimation Problems in the Modern State // Habermas J. *Communication and the Evolution of Society* / translator T. McCarthy. Boston : Beacon Press, 1979. 264 p.

References

1. Baranov P.P. Konstitutsionnaya legitimnost: teoretiko-metodologicheskii aspekt [Constitutional Legitimacy: A Theoretical and Methodological Aspect] / P.P. Baranov, A.I. Ovchinnikov // *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo — Constitutional and Municipal Law*. 2015. № 8. S. 3–6.
2. Weber M. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushey sotsiologii. V 4 tomakh. T. 1. Sotsiologiya ; perevod s nemetskogo V.A. Brun-Tsekhovoy [i dr.] ; pod obschey redaktsiei L.G. Ionina [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. In 4 volumes. Vol. 1. Sociology ; translation from German by V.A. Brun-Tsekhovaya [et al.] ; under the general editorship of L.G. Ionin] / M. Weber. Moskva : Izd. dom Vy'sshey shkoly' ekonomiki — Moscow : Publishing house of the Higher School of Economics, 2016. 444 s.
3. Isaev I.A. Vlast, gospodstvo, diktatura: problemy' legitimnosti [Power, Supremacy, Dictatorship: Legitimacy Issues] / I.A. Isaev // *Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law*. 2012. № 21. S. 3–6.
4. Isaev I.A. Konservativny'e paradigmy': vlast i traditsiya [Conservative Paradigms: Power and Tradition] / I.A. Isaev // *Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law*. 2015. № 22. S. 36–43.
5. Isaev I.A. Legitimnost i legalnost v konstitutsionnom protsesse [Legitimacy and Legality in a Constitutional Procedure] / I.A. Isaev // *Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law*. 2012. № 6. S. 2–6.
6. Isaev I.A. Novy'y poryadok i prinuzhdenie [New Procedure and Coercion] / I.A. Isaev // *Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law*. 2014. № 7. S. 3–9.
7. Easton D. Sistemny'y analiz politicheskoy zhizni (1965) [A System Analysis of Political Life (1965)] / D. Easton // *Politologiya: khrestomatiya : dlya studentov, aspirantov i prepodavateley vuzov ; sostaviteli M.A. Vasilik, M.S. Vershinin ; pod redaktsiei M.A. Vasilika [Political Studies: Anthology : for students, postgraduate students and lecturers of higher educational institutions ; compilers M.A. Vasilik, M.S. Vershinin ; edited by M.A. Vasilik]. Moskva : Gardariki — Moscow : Gardariki, 1999. 843 s.*
8. Istoriya filosofii: Zapad-Rossiya-Vostok : uchebnik dlya studentov vuzov ; pod redaktsiei N.V. Motroshilovoy. Kn. 4. Filosofiya XX v. ; pod redaktsiei N.V. Motroshilovoy, A.M. Rutkevicha. 2-e izd. [The History of Philosophy: the West — Russia — the East : textbook for students of higher educational institutions ; edited by N.V. Motroshilova. Book 4. Philosophy of the XX Century : edited by N.V. Motroshilova, A.M. Rutkevich. 2nd edition]. Moskva : Greko-latinskii kabinet Yu.A. Shichalina — Moscow : Yuriy Shichalin's Museum Graeco-Latinum, 2000. 446 s.
9. Konovalova L.G. Mnogopartiynost i obespechenie svyazi naseleniya s mekhanizmom gosudarstva kak priznaki parlamentarizma: voprosy' konstitutsionno-pravovoy teorii [The Multiplicity of Parties and Securing the Link Between the Population and the State Mechanism as Attributes of Parliamentarism: Issues of the Constitutional Law Theory] / L.G. Konovalova // *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo — Constitutional and Municipal Law*. 2018. № 1. S. 28–31.
10. Savin N.Yu. Legitimnost vlasti v Rossii v usloviyakh sotsialnoy involyutsii [The Legitimacy of Power in Russia in Conditions of Societal Involution] / N.Yu. Savin // *Biznes. Obschestvo. Vlast — Business. Society. Power*. 2012. № 12. S. 45–64.
11. Fomichenko M.P. Institut prezidentstva v Rossiyskoy Federatsii: problemy' i perspektivy' razvitiya [The Institution of Presidency in the Russian Federation: Issues and Development Prospects] / M.P. Fomichenko // *Administrativnoe pravo i protsess — Administrative Law and Procedure*. 2015. № 1. S. 78–82.
12. Habermas J. Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma ; perevod s nemetskogo L.V. Voropay [Legitimation Crisis ; translation from German by L.V. Voropay] / J. Habermas. Moskva : Praxis — Moscow : Praxis, 2010. 264 s.
13. Grafstein R. The Legitimacy of Political Institutions / R. Grafstein // *Polity*. 1981. Vol. 14. Is. 1. S. 51–69.
14. Habermas J. Legitimation Problems in the Modern State // Habermas J. *Communication and the Evolution of Society* ; translator T. McCarthy. Boston : Beacon Press, 1979. 264 s.

Особенности зарождения и развития форм русского (российского) права

Сунцова Елена Анатольевна,
заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
suntsovanelly@mail.ru

Правкин Сергей Алексеевич,
доцент кафедры финансового права и налогообложения
Российского университета транспорта (МИИТ),
кандидат юридических наук, доцент
pravkin@bk.ru

Форма права, ее строение и содержание — настоящая находка для исследователя, способная удовлетворить различные поисковые задачи: какова была цель принятия правового акта, чьи интересы им охранялись, какие системные связи существуют между отдельными нормами, институтами и даже отраслями права, насколько правовая система суверенна от внешнего воздействия и проч.

Генезис форм права также представляет для исследования определенный интерес, поскольку этот процесс позволяет определить черты заимствования и самобытности, быть подлинным показателем фактически сложившихся отношений, на которые, как следствие, необходимо реагирует правосознание и право. Самобытность форм права может также свидетельствовать о сложившейся сильной цивилизации, относительно свободной от внешнего правового влияния. Данное доказательство позволит упрочить авторитет российской правовой системы в геополитическом правовом пространстве.

Ключевые слова: форма права, источник права, Русская Правда, обычаи, правовое регулирование, договор, Конституция.

Peculiarities of the Origination and Development of Russian Law Forms

Suntsova Elena A.
Head of the Department of State and Legal Disciplines
of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

Pravkin Sergey A.
Associate Professor of the Department of Financial Law
and Taxation of the Russian University of Transport (RUT)
PhD (Law), Associate Professor

Form of law, its structure and content are a real boon for a researcher, able to satisfy different search tasks: what was the purpose of the adoption of the legal act, whose interests they guarded, what systemic relationships exist between individual rules, institutions, and even branches of the law, how the legal system of the sovereign from external influences, and so on.

The genesis of forms of law is also of some interest for the study, since this process allows us to determine the features of borrowing and identity, to be a true indicator of the actual relations that, as a result, need to react legal consciousness and law. The identity of the forms of law may also indicate an established strong civilization relatively free from outside legal influence. This proof will strengthen the authority of the Russian legal system in the geopolitical legal space.

Keywords: form of law, source of law, the Russian Truth, customs, legal regulation, treaty, Constitution.

В период генезиса у восточных славян, как и у большинства других народов, в качестве источника права преобладали разнообразные обычаи, которые

перерастали в правовые обычаи, находя после проверки временем отображение в государственном законодательстве.

Правопонимание уже тогда позволяло дифференцировать закон и обычай с иерархией нормативных предписаний.

Генезис древнерусского права до принятия христианства включал в себя в основном три традиционных отраслевых направления: государственное, гражданское и уголовное право. Договорные отношения, имевшие место, свидетельствуют о существовании международно-правовых актов, в которых нашли отражение нормы византийского и древнерусского права¹.

В межгосударственных отношениях сильно сказывалось влияние договорного права, особенно высокого уровня достигло древнерусское наследственное право, являющее собой компромиссный вариант русского и греко-византийского права.

Первоначальной юридической основой выступил, прежде всего, «Закон русский», на который легли другие, в том числе рецепированные, источники. В сравнении с Русской Правдой, грамоты Новгорода и Пскова продолжали разработку многих правовых вопросов, например, гражданско-правовых институтов (собственности, наследства, владения и пользования имуществом, залога и др.). Большое развитие здесь получила разработка норм различных гражданско-правовых договоров. Судебный процесс, как и в Русской Правде, носил обвинительно состязательный характер. В ряде случаев правовые источники Новгорода и Пскова восприняли в себя нормы европейских феодальных городов-республик.

Последующие Судебники в значительной мере являлись новыми редакциями предшествующих Судебников, т.е. сводными нормативно-правовыми актами, отличающимися большей степенью новизны, большей регулятивной значимостью, степенью совершенства систематизации и стройности. Сохраняли свое регулятивное значе-

ние договоры, обычаи и прецеденты. «Создаются новые сложные формы законодательства — общерусские кодексы: Судебники, Соборное Уложение, указные (уставные), в которых систематизировались нормы, не вошедшие в основной текст Судебников: Уставная книга Разбойного приказа, указные книги Поместного и Земского приказов. Все большее место в системе источников права начинают занимать разного рода частные акты — духовные грамоты, договоры, акты, закрепляющие собственность на землю, и др.»².

Основным источником права в период становления абсолютной монархии оставалось Соборное Уложение 1649 г. В первой четверти XVIII в. появились манифесты, именные указы, уставы, регламенты, учреждения, объявленные указы, утвержденные доклады (резолуции монарха) и др. Законодательство становится более четким по форме и менее казуальным, усиливаются черты юридического формализма и абстрактности³. Законодательных актов накопилось такое количество, что требовалась кодификация права. Новые акты приводились в соответствие с Судебниками и Соборным Уложением. Источниками кодификации послужили: Соборное Уложение, указы, Кормчая книга, Военный и Морской уставы, иностранные законы. Результатами кодификационной работы первой четверти XVIII в. стали Воинские Артикулы (свод военно-уголовного законодательства), Генеральный регламент (административное законодательство), Пункты о вотчинных делах (дополнение к законам о наследовании). Происходило дальнейшее становление отраслевого законодательства.

Основными источниками права этого периода являлись законы, изданные в форме указов, регламентов, уставов, манифестов. Указы распространялись на важнейшие стороны

¹ История государства и права России : учебник / под ред. Ю.П. Титова. М. : ТК-Велби, 2003. С. 25.

² Кузнецов И.Н. История государства и права России : курс лекций. Минск : Амалфея, 2000. С. 51.

³ Там же. С. 95.

деятельности государства. Регламенты же создавали правовые рамки организации и деятельности государственных органов управления, их состав, формы и порядок работы. Уставы являлись сборниками законов в определенной отраслевой сфере регулирования, а манифесты — особыми актами главы государства, обращенными к населению и принятыми по поводу важного политического события.

В период «просвещенного абсолютизма» Соборное Уложение продолжало оставаться основным источником права. Все сильнее укрепляют свои позиции такие формы права, как уставы, регламенты, учреждения, манифесты, именные указы и др. Но стремление привести эти новые формы права в соответствие с Соборным Уложением не всегда приводило к сохранению стройной системы законодательства, хотя и наблюдалась положительная тенденция усиления абстрактного характера изложения норм (юридического формализма) по сравнению с казуистичным характером изложения норм в Соборном Уложении.

В результате деятельности М. М. Сперанского в 1832 г. было издано 45 томов Полного собрания законов Российской империи (от Соборного Уложения включительно по законодательство времен Николая I) и 15 томов Свода законов Российской империи, последний, в свою очередь, имел большое теоретико-практическое значение для дальнейшей кодификации русского права в виде специальных отраслей права.

В период великих реформ Александра II были созданы основы системы конституционализма, особенно важное значение имело издание Манифеста от 19 февраля 1861 г., ряда других законодательных актов по крестьянской реформе, принятие судебных Уставов (уголовного судопроизводства, о наказаниях и др.), «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» и др. Император не успел подписать уже подготовленный текст первой русской

Конституции. В 1864 г. были утверждены документы, составившие в целом судебную реформу: Учреждения судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Позднее, при Александре III, продолжает осуществляться периодическое переиздание под руководством Сената Собрания узаконений и распоряжений правительства, принимаются Положение «О найме рабочих для казенных и общественных работ», «Устав о промышленности заводской и фабричной», «Ремесленный устав», вносятся редакционные изменения в «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». В 1881 г. было принято Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. В 1892 г. издается закон «О военном положении», регулирующий соответственно режим военного положения. В 1889 г. было принято Положение о земских участковых начальниках, заменявших институт мировых судей. В целом продолжал свое действие в новых редакциях Свод законов Российской империи.

При Николае II завешается процесс создания конституционного правления, где основные государственные законы закрепили в ограниченном виде систему разделения властей. 17 октября 1905 г. был издан «Манифест об усовершенствовании государственного порядка», даровавший основные гражданские свободы, утвердивший порядок создания Государственной думы и порядок всеобщего избирательного права. Законы могли иметь юридическую силу только после их одобрения Государственной Думой. «Однако преобразование 20 февраля 1906 года 23 апреля 1906 г. Государственного совета в Верховную законодательную палату, издание 8 марта 1906 правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов и Основных законов от 23 апреля 1906 года сократили

круг вопросов, находившихся в ведении Государственной Думы»⁴. Император имел право принимать указы законодательного характера в особых случаях, с последующим их утверждением в Думе. Законы вносились в Государственную думу с предварительного их обсуждения в Совете министров. Принимаются процессуальные кодексы, велелись работы по созданию Гражданского кодекса, подготовлен проект Уголовного уложения. Свод законов Империи пополнялся отраслевыми Уставами, регулярно выходило «Собрание узаконений и распоряжений правительства».

«Манифест об усовершенствовании государственного порядка» провозгласил основные политические и гражданские права и свободы и обязательный порядок утверждения Государственной думой всех издаваемых законов. Сформировалась многостепенная система выборов. Самое важное в принципах и основах государственного законодательства состояло в том, что изменение «Основных государственных законов» могло происходить только по инициативе императора. Новые законы также не вступали в юридическую силу без его одобрения. Кроме того, по предложению Совета министров император имел право принимать указы законодательного значения.

Аграрная реформа под руководством П.А. Столыпина повлекла за собой создание нового массива законодательства в области землевладения и землепользования. Ужесточается в целом уголовное законодательство. Но кроме охранительного характера имело большое регулятивное значение принятие в 1906 г. указа «О временных правилах об обществах и союзах», который впервые в отечественном законодательстве четко определил правовые основы деятельности юридических лиц (обществ и союзов). В системе источников права появляются постановления Сове-

та министров и мнения Государственного совета. Закон, выражая волю императора, Государственного совета и Государственной думы, становился основным источником права. Законы делились на общие, местные, особенные и специальные.

Источники советского права в первый период становления социалистической системы включали в основном в себя такие формы правотворчества, как декреты, кодексы, положения, резолюции, инструкции, наказания. Сами понятия «закон» или «указ» практически не употреблялись, так как были связаны с предшествующим периодом истории и должны были стереть в правовой памяти нежелательное прошлое.

Законотворческая деятельность высших органов Советского государства определялась положением, что материальное право, коммунистическое по духу, пролетарски направленное, грамотно корректируется чутким партийным руководящим началом. Данное положение распространяется и на конституцию Советской республики. Подзаконные акты принимались наркоматами. Поэтапно формируется новый тип правового мышления, где правосознанию отводится регулятивная и охранительная роль наравне с другими источниками права. Обычное право себя не изжило и в ходу и используется в деревнях для разрешения дел местного значения.

В деревне при разбирательстве местных дел широко применялись в качестве источника права обычаи.

Первая Конституция РСФСР особняком стоит среди источников нового государственного порядка: в ней выпячивается классовый характер, отрицается идея народа, как источника власти, насаждается идея об установлении диктатуры пролетариата.

В отличие от нее Конституция РСФСР 1925 г. имела более совершенную юридическую форму. Она детально определяла статус и права субъектов властных отношений, но ее несовершенство заключалось, прежде всего,

⁴ Яценко И.С. Конституционное право Российской Федерации. М. : Бератор-Пресс, 2003. С. 75.

в ее содержании, в классовой сущности. «Но форма выражения этой сущности изменилась. Было отменено лишение граждан политических прав по социальному признаку, введено всеобщее равное избирательное право»⁵.

Конституция СССР (1936 г.) не включала уже в себя Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, ее место заняли главы об общественном устройстве и об основных правах и обязанностях граждан. В Конституции был сформулирован исчерпывающий перечень прав Федерации, права союзных республик определялись по принципу остаточной компетенции. Конституция закрепила демократические принципы избирательной системы. Конституция не просто декларировала права, но закрепляла гарантии их осуществления. Аргументацией этому может служить установление связи между субъективными правами и позитивным юридическим обязыванием.

Конституция РСФСР 1937 г. с юридической стороны имела более совершенное выражение, четко были выражены основные государственно-правовые институты, включается норма о том, что вне пределов прав Союза ССР РСФСР осуществляет государственную власть самостоятельно, сохраняя полностью свои суверенные права.

В период военного времени в целом сохранилась правовая система, сформированная в предшествующее время, но происходит усиление мер административной и уголовной репрессии (карательное право). Подзаконное регулирование стало использоваться значительно шире, расширяются формулировки многих составов преступлений и использование принципа аналогии. В гражданско-правовом законодательстве снижалась сфера договорного регулирования, усиливались плановые и распределительные механизмы. Нормативно-правовое регулирование в основном носило мобилизационный характер.

⁵ Там же. С. 79.

В послевоенный период обоснованно уделяется внимание обеспечению стабильности материальных отношений между гражданами, где ключевую роль призваны сыграть слаженные договорные конструкции.

Постановление Совета Министров СССР «О заключении хозяйственных договоров» устанавливало систему генеральных и локальных хозяйственных подрядов. Вводились обязательные (существенные) условия договоров, разрабатывались их типовые формы, получила новое распространение практика заключения коллективных договоров, создавались КТС и другие органы по урегулированию трудовых споров. Быстрыми темпами осуществлялась кодификационная деятельность. В 1960-е годы были приняты новые кодексы в ряде отраслей права. Универсальный характер этих актов, своеобразный запас прочности состоял в том, что многие из кодексов действовали с изменениями и дополнениями до конца столетия и еще дольше, т.е. уже в период действия Конституции РФ 1993 г.

Конституция СССР 1977 г., как результат пятнадцатилетнего труда, и принятые в соответствии с ней Конституции союзных республик в целом продолжали определенную конституционно-правовую преемственность. Конституция СССР 1977 г. декларировала создание «общенародного государства». При этом закреплялась не только руководящая и направляющая роль коммунистической партии, но и новые формы непосредственной демократии. Важным в ней становится закрепление политических и социальных прав.

Но, к сожалению, новая Конституция по аналогии с предшествующими конституционными актами провозгласила принцип выхода из состава Союза. Отрицательные последствия этого положения в полной мере проявились в период распада СССР, создав для этого своеобразную легитимную конституционно-правовую основу. Конституция РСФСР 1978 г. включила в себя

прямую норму о суверенитете РСФСР. Конституция закрепила расширенный объем прав и гарантий по сравнению с предшествующими Конституциями РСФСР.

Период реформ был подготовлен рядом законодательных инициатив, принятием законов и указов 1988–1990 гг. Огромные последствия имели поправки Верховного Совета СССР в текст Конституции: создание органов конституционного надзора и контроля, отмена руководящей и направляющей роли партии и др. Начался процесс по оформлению положений нового союзного договора. Но катастрофические последствия имели законы «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» и др. Снижение роли и легитимности союзного законодательства, «война законов» окончательно деформировали конституционную основу единого государства. Все республики приняли Декларации о своем государственном суверенитете.

Вместо конституционно-правового и законодательного регулирования

внутри государства стали практиковаться различные договорные (нестабильные) формы отношений между республиками. Внутри Российской Федерации усиливается роль и значение подзаконного нормативного регулирования. На смену регулированию общественных отношений посредством власти права приходит власть силы.

Нормативная основа новой России в данный период строилась на основе и во исполнение не законов, а указов Президента России, что отражало также реалии переходного этапа к системе законодательства, основанной на Конституции 1993 г.

Таким образом, памятники права являют собой принципиальных свидетелей дней минувших. Только на заре славянской цивилизации мы наблюдаем картину общую, где отношения регулируются при помощи обычного права, все другие этапы государственности моментально и остро реагируют и по форме, и по содержанию права на изменения в политической обстановке, свойственной исключительно российской действительности.

Литература

1. История государства и права России : учебник / под редакцией Ю.П. Титова. Москва : ТК-Велби, 2003. 544 с.
2. Кузнецов И.Н. История государства и права России : курс лекций / И.Н. Кузнецов. Минск : Амалфея, 2000. 528 с.
3. Яценко И.С. Конституционное право Российской Федерации / И.С. Яценко. Москва : Бератор-Пресс, 2003. 496 с.

References

1. Istorija gosudarstva i prava Rossii : uchebnik ; pod redaktsiej Yu.P. Titova [History of Russian State and Law : textbook ; edited by Yu.P. Titov]. Moskva : TK-Velbi — Moscow : TK-Velbi, 2003. 544 s.
2. Kuznetsov I.N. Istorija gosudarstva i prava Rossii : kurs lektсий [History of Russian State and Law : course of lectures] / I.N. Kuznetsov. Minsk : Amalfeya — Minsk : Amalfeya, 2000. 528 s.
3. Yatsenko I.S. Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii [Constitutional Law of the Russian Federation] / I.S. Yatsenko. Moskva : Berator-Press — Moscow : Berator-Press, 2003. 496 s.

Реципиент как субъект рецепции права

Ткаченко Сергей Витальевич,
доцент кафедры управления персоналом
Самарского государственного университета путей сообщения,
кандидат юридических наук
rektor2@rambler.ru

В статье рассматривается роль реципиента в механизме рецепции права. Выявлены тенденции, существующие в российской юридической науке, в отношении субъектного состава рецепции. Автор пришел к выводу, что реципиентом выступает исключительно государство в лице правящей политической элиты, принимающей основные решения по проведению правовых реформ, основанных на рецепции иностранных правовых идей. Изучение настроений правящей политической элиты как инициатора рецепции права позволит определить действительные цели и задачи рецепции, а также их успешность либо неуспешность.

Ключевые слова: рецепция права, реципиент, субъекты рецепции, механизм рецепции права, модернизация права, Совет Федерации.

Recipient as a Subject of Reception of Law

Tkachenko Sergey V.
Associate Professor of the Department of Human Resource Management
of the Samara State Transport University
PhD (Law)

The article discusses the role of the recipient in the mechanism of reception of law. The trends that exist in Russian legal science in relation to the subject composition of the reception are revealed. The author came to the conclusion that the recipient is exclusively the state in the person of the ruling political elite, which takes the main decisions on legal reforms based on the reception of foreign legal ideas. Studying the mood of the ruling political elite as the initiator of the reception of law will determine the real goals and objectives of the reception, as well as their success or failure.

Keywords: reception of law, recipient, subjects of reception, mechanism of reception of law, modernization of law, Council of Federation.

Несмотря на то что реципиент как субъект рецепции права является обязательным элементом механизма рецепции, тем не менее в российской научной литературе до настоящего времени не сложилось его однозначного понимания. В российской юридической литературе сложилось несколько тенденций по отношению к субъектному составу рецепции. Одна из них состоит в полном его игнорировании. В ее рамках многочисленная юридическая литература на протяжении длительного времени в своих определениях рецепции, как правило, акцентируется лишь на ее стадиях, объектах, практически полностью уклоняясь от какой-либо конкретизации субъектов рецепции. Примерами такого игнорирования являются типичные для нее определения в виде «заимствование правовых норм зару-

бежного законодательства получило название рецепции права»¹ и «правовая рецепция представляет собой стадии заимствования и воспроизведения, имеющие место при взаимодействии различных правовых систем на протяжении значительного времени»². Такое откровенное стремление уйти от обозначения субъектного состава в механизме рецепции особо проявляется в работах, посвященных рецепции римского права. Во множестве работ мы, как правило, не найдем каких-либо указаний на субъектный состав рецепции, как и на само определение рецепции римского права.

¹ Зайцев О.В. Становление и развитие современной доктрины гражданского права в России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 114.

² Самигуллин В.К. О природе рецепции права // Вестник ВЭГУ. 2013. № 5 (67). С. 68.

В результате такого «изучения» феномена рецепции римского права полностью теряется какая-либо научность подобных исследований. Ведь такое игнорирование субъектного состава в механизме рецепции никоим образом не позволяет определить те действительные цели и задачи рецепции права, которые ставит перед собой субъект рецепции, что закономерно ведет к неверным оценкам успешности либо безуспешности проводимых или проведенных правовых реформ, основанных на рецепции права.

Помимо тенденции полного игнорирования субъектного состава рецепции, в российской научной литературе также сложилась тенденция выделения в качестве реципиента субъектов, не обладающих такими отдельными от государства полномочиями. В рамках этой тенденции в качестве реципиента обозначены само общество³, в том числе и гражданское, политические партии⁴, общественные организации, группы по интересам, отдельные граждане⁵, «другие поколения»⁶, «законодательство-реципиент»⁷, «правовая система»⁸, «национальное

право»⁹, непосредственно сам объект рецепции¹⁰ и т.д. Такой хаос в определениях субъектного состава рецепции в российской юридической науке вполне объясним как грубым игнорированием положений теории права и государства, так и непониманием содержания механизма рецепции права. Показательно, что, как правило, большинство этих авторов в своих исследованиях принципиально не заходят дальше упомянутых обозначений субъектов рецепции, ничем не обосновывая свои суждения. Тем не менее как исключение в редких научных работах все же присутствуют определенные попытки обоснования такой правомочности того или иного лица выступать в качестве субъекта рецепции, что может служить основанием для выявления хотя бы какой-то логики такого определения субъектного состава рецепции права. Тем не менее данная аргументация этих авторов, сделавших попытки обоснования разнообразности субъектов рецепции права, удивляет своей противоречивостью, нелогичностью теоретических и практических положений. Так, при рассмотрении в качестве реципиента правоохранительных органов, «в первую очередь судов», приводится указание на некое «великое влияние» Конституционного Суда РФ при рецепции конституционных норм¹¹. Обосновывая утверждение, что Конституционный Суд РФ является реципиентом, вместо примеров реальной деятельности по рецепции указывается лишь на «некоторые направления деятельности Конституционного Суда РФ по выработке и корректировке основных направлений конституционной модернизации рос-

³ Скоробогатов А.В. Правовые заимствования как средство совершенствования национальной правовой системы // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 1 (45). С. 79; Сокольская Л.В. Рецепция как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8 (45). С. 1582.

⁴ Курьшев Е.Ю. Рецепция в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 97.

⁵ Дудко А.И. Рецепция в конституционном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 19.

⁶ Ердомаев Г.Г. Рецепция как форма взаимодействия международного права Российской Федерации и конституционного права Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 15. С. 7–10.

⁷ Ахрамеева О.В. Этимологический анализ рецепции и иных форм заимствования и их соотношение (в свете реформы наследственного права) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4. (70). № 3. С. 181.

⁸ Колесников Е.В., Сайбулаева С.А. Понятие рецепции в конституционном праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 27; Нездемковский В.В. Рецепция как фактор преемственности права: историко-теоретический аспект // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. 2012. № 5. С. 9.

⁹ Рыбаков В.А. Рецепция права: общетеоретические вопросы : монография. Омск, 2009. С. 273.

¹⁰ Линько В.В. Рецепция права в региональном правовом пространстве // Имитация как принцип интолерантного поведения : материалы Всероссийской научно-просветительской конференции (г. Краснодар, 6–7 сентября 2013 г.) : сб. науч. ст. / отв. ред. В.В. Шалин ; сост. Ю.Г. Тамбиянц. Краснодар : Кубанский государственный аграрный ун-т, 2013. С. 122.

¹¹ Мутай И.М. Рецепция и реставрация в праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 5 (30). С. 53–64.

сийской правовой государственности»¹². Тем самым косвенно утверждается, что рецепция представляет собой внутригосударственную интерпретацию норм отечественного конституционного права вместо заимствования и внедрения иностранных правовых идей. Кроме того, Конституционный Суд РФ при всей его значимости для формирования идеологии функционирования отечественной правовой системы выступает всего лишь как орган государства, не имеющий самостоятельной компетенции к заимствованию и внедрению иностранных правовых институтов в отечественную среду (ст. 125 Конституции РФ, Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Этой же компетенции лишены и другие суды, и уж тем более правоохранительные органы.

Также в качестве субъекта рецепции — реципиента определяют и Федеральное Собрание. Исследователи утверждают, что если на начальном этапе Федеральное Собрание развивало институты, предложенные другими ветвями власти, то в настоящее время следует отметить увеличения числа законопроектов, содержащих рецептированный материал¹³. При этом полностью игнорируется факт, что Совет Федерации, согласно ст. 94 Конституции РФ, также является лишь представительным и законодательным органом Российской Федерации.

Встречается также суждение, определяющее субъектом рецепции — реципиентом научно-исследовательские и учебные учреждения (заведения), непосредственно связанные с исследованиями в области права и подготовкой кадров для обеспечения функционирования правовой системы. В качестве обоснования этого приводится деятельность научных кадров в процессе принятия нового УПК РФ Государственной Думой 22 ноября 2001 г., которому предшествовал дли-

тельный процесс подготовки и бурного обсуждения пяти проектов, разработанных разными научными учреждениями и коллективами¹⁴. Безусловно, в этом процессе был использован передовой международный правовой опыт, но эту работу санкционирует все же государство в лице законодателя, и никто более. Вызывает обоснованные сомнения и утверждение, что «та юридическая доктрина, которую вырабатывают и сохраняют университеты, является основой всякой системной законодательной рецепции»¹⁵. Здесь, к сожалению, остался за скобками этого научного исследования вопрос о том, какие вообще доктрины как основу рецепции вырабатывают юридические сообщества. Тем не менее, даже если предположить наличие таких доктрин, научные заведения, как, например, Высшая школа экономики, могут лишь донести их содержание до отдельных представителей правящей политической элиты, но не более. Ответственность же за инициацию рецепции предложенных иностранных правовых идей несет исключительно государство.

При выделении в качестве реципиента физического лица указывается на деятельность претора в Древнем Риме¹⁶, полностью игнорируя факт, что претор также являлся всего лишь должностным лицом, действующим от лица государства. Таким же ошибочным утверждением и его обоснованием служит признание физического лица реципиентом. В качестве доказательства приводится личность российской императрицы Екатерины II, выпустившей «Наказ» 1766 г.¹⁷ И дело даже не в том, что этот документ не получил последующей законодательной силы, а в том, что императрица Екатерина II выступала лишь как высшее должностное лицо Российского государства в процессах рецепции иностранных идей.

Все эти вышеперечисленные обоснования субъектной роли в механизме рецепции различных органов государства,

¹² Дудко А.И. Рецепция в конституционном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2010. С. 168.

¹³ Там же. С. 176.

¹⁴ Курьшев Е.Ю. Указ. соч. С. 89.

¹⁵ Там же. С. 90.

¹⁶ Там же. С. 84–85.

¹⁷ Там же. С. 87.

его должностных лиц и т.д. с очевидностью демонстрируют существование лишь одного единственного реципиента — государства. Ведь именно государство выступает инициатором тех или иных реформ на основе рецепции иностранных правовых идей. Выразителем же интересов государства является правящая политическая элита, являющаяся во все времена существования государства центральным звеном государственного управления¹⁸, как следствие занимающая самые главные должности государства и единолично (как правило) определяющая внутреннюю и внешнюю политику, в том числе и правовую. Формируемая правящей политической элитой концепция правовых реформ, основанная на рецепции иностранных правовых идей, является тем самым идеологическим компонентом рецепции права, непосредственно определяющим весь ее процесс. В него включены цели, задачи, убеждения, принадлежность к определенной идеологии (марксизм, либерализм и т.д.) политической элиты, самостоятельность или подчиненность в принятии политико-правовых решений и т.д. Введенный мной термин «идеологический компонент рецепции» в российскую юридическую науку в 2006 г.¹⁹ стал положительно восприниматься российскими исследователями²⁰. Также в ка-

честве своих сторонников считаю и тех ученых, которые перепечатали мои статьи в научных изданиях под своей фамилией²¹, полноценно скопировали параграфы моей монографии в диссертационных исследованиях²² или же продублировали фрагменты моих работ об идеологическом компоненте рецепции без каких-либо ссылок, выдавая их за собственные утверждения²³. Но тем не менее, несмотря на такое фактическое признание наличия идеологического компонента рецепции, российские исследователи все так же традиционно игнорируют саму его суть, заключающуюся в изучении роли субъекта, в его действительных желаниях, т.е. целей и задач правящей политической элиты. Думается, что изучение ментальности политической элиты, ее настроений, целей и задач в отношении проводимых правовых реформ на основе рецепции иностранных правовых идей является необходимой задачей юридической науки, поскольку позволит отказаться от различных безосновательных суждений, домыслов и фантазий в отношении механизма рецепции права, его субъектного состава, оценки результатов рецепции прошлого, настоящего и будущего.

¹⁸ Кононенко В.А. Политическая элита как фактор переходных состояний политического режима в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2014. С. 13.

¹⁹ Ткаченко С.В. Рецепция римского права: вопросы теории и истории : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006 ; Его же. Рецепция права: идеологический компонент : монография. Самара, 2006.

²⁰ См., напр.: Кучумова Е.В. Рецепция зарубежного права как форма социокультурной интеграции России в мировое сообщество // Культура России и международные отношения. К 1150-летию Российского государства : коллективная монография / ред. В.А. Ачкасов ; отв. ред. И.Д. Осипов, С.Н. Погдин. СПб. : Изд-во политехнического ун-та, 2012. С. 27 ; Фатеев С.С. Определение компонентов рецепции как инструментов ее классификации в советском праве // Юридические записки. 2013. № 1. С. 44 ; Петрова В.В. Влияние римского права и его актуальность для современной России // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педа-

гогического университета. 2012. № 1 (8). С. 85 ; Сунгуров А. Нововведения и среда: на пути к политическим инновациям : учебное пособие. СПб., 2010. С. 29 ; и т.д.

²¹ Вербова О.В. Необходимость идеологического компонента в рецепции права // Инновационное развитие общества в условиях интеграции правовых систем : сб. науч. ст. / глав. ред. Н.В. Сильченко. Гродно : ГрГМУ, 2013. С. 52–55.

²² См., напр.: Дудко А.И. Рецепция в конституционном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. С. 25–34 ; Ткаченко С.В. Правовые реформы в России: проблемы рецепции западного права : монография. Самара, 2008. 2008. С. 16–24.

²³ Паршкова Н.В. Рецепция права: общетеоретический аспект // Новый университет. Сер. : Экономика и право. 2011. № 10 (10). С. 48 ; Приешкина Е.А. Категории рецепции в современной юридической литературе // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. 2011. № 4. С. 19 ; Нездемковский В.В. Указ. соч. С. 9 ; Бедарева А.А. Значение менталитета для рецепции в российском праве // Педагогическое образование на Алтае. 2014. № 2. С. 551–552.

Литература

1. Ахрамеева О.В. Этимологический анализ рецепции и иных форм заимствования и их соотношение (в свете реформы наследственного права) / О.В. Ахрамеева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 3. С. 181–197.
2. Бедарева А.А. Значение менталитета для рецепции в российском праве / А.А. Бедарева // Педагогическое образование на Алтае. 2014. № 2. С. 551–552.
3. Вербова О.В. Необходимость идеологического компонента в рецепции права / О.В. Вербова // Инновационное развитие общества в условиях интеграции правовых систем : сборник научных статей / главный редактор Н.В. Сильченко. Гродно : ГрГМУ, 2013. С. 52–55.
4. Дудко А.И. Рецепция в конституционном праве России : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.И. Дудко. Челябинск, 2010. 26 с.
5. Дудко А.И. Рецепция в конституционном праве России : диссертация кандидата юридических наук / А.И. Дудко. Челябинск, 2010. 202 с.
6. Ердомаев Г.Г. Рецепция как форма взаимодействия международного права Российской Федерации и конституционного права Российской Федерации / Г.Г. Ердомаев // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 15. С. 7–10.
7. Зайцев О.В. Становление и развитие современной доктрины гражданского права в России : диссертация доктора юридических наук / О.В. Зайцев. Москва, 2017. 447 с.
8. Колесников Е.В. Понятие рецепции в конституционном праве / Е.В. Колесников, С.А. Сайбулаева // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 24–30.
9. Кононенко В.А. Политическая элита как фактор переходных состояний политического режима в современной России : автореферат диссертации кандидата политических наук / В.А. Кононенко. Москва, 2014. 31 с.
10. Курышев Е.Ю. Рецепция в российском праве : диссертация кандидата юридических наук / Е.Ю. Курышев. Саратов, 2005. 194 с.
11. Кучумова Е.В. Рецепция зарубежного права как форма социокультурной интеграции России в мировое сообщество / Е.В. Кучумова // Культура России и международные отношения. К 1150-летию Российского государства : коллективная монография / редактор В.А. Ачкасов ; ответственные редакторы И.Д. Осипов, С.Н. Погодин. Санкт-Петербург : Изд-во политехнического ун-та, 2012. 379 с.
12. Линько В.В. Рецепция права в региональном правовом пространстве / В.В. Линько // Имитация как принцип интолерантного поведения : материалы Всероссийской научно-просветительской конференции (г. Краснодар, 6–7 сентября 2013 г.) : сборник научных трудов / ответственный редактор В.В. Шалин ; составитель Ю.Г. Тамбиянц. Краснодар : Кубанский государственный аграрный ун-т, 2013. С. 119–130.
13. Мутай И.М. Рецепция и реставрация в праве / И.М. Мутай // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 5 (30). С. 53–64.
14. Нездемковский В.В. Рецепция как фактор преемственности права: историко-теоретический аспект / В.В. Нездемковский // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. 2012. № 5. С. 6–9.
15. Паршкова Н.В. Рецепция права: общетеоретический аспект / Н.В. Паршкова // Новый университет. Серия: Экономика и право. 2011. № 10 (10). С. 47–50.
16. Петрова В.В. Влияние римского права и его актуальность для современной России / В.В. Петрова, А.В. Белоусов // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитар-

- но-педагогического университета. Серия: *Stadia Historica Jenium*. 2012. № 1 (8). С. 84–87.
17. Приешкина Е.А. Категории рецепции в современной юридической литературе / Е.А. Приешкина // *Актуальные инновационные исследования: наука и практика*. 2011. № 4. С. 19.
  18. Рыбаков В.А. Рецепция права: общетеоретические вопросы : монография / В.А. Рыбаков. Омск : Изд-во Омского государственного ун-та, 2009. 275 с.
  19. Самигуллин В.К. О природе рецепции права / В.К. Самигуллин // *Вестник ВЭГУ*. 2013. № 5 (67). С. 66–75.
  20. Скоробогатов А.В. Правовые заимствования как средство совершенствования национальной правовой системы / А.В. Скоробогатов // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2018. Т. 12. № 1. С. 77–88.
  21. Сокольская Л.В. Рецепция как историческая форма правовой аккультурации / Л.В. Сокольская // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 8 (45). С. 1581–1589.
  22. Сокольская Л.В. Рецепция как историческая форма правовой аккультурации / Л.В. Сокольская // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 1 (38). С. 47–56.
  23. Сунгуров А. Нововведения и среда: на пути к политическим инновациям : учебное пособие / А. Сунгуров. Санкт-Петербург : НИУ ВШЭ, 2010. 116 с.
  24. Ткаченко С.В. Правовые реформы в России: проблемы рецепции западного права : монография / С.В. Ткаченко. Самара : Самарский ун-т, 2008. 534 с.
  25. Ткаченко С.В. Рецепция права: идеологический компонент : монография / С.В. Ткаченко. Самара : СамГАПС, 2006. 154 с.
  26. Ткаченко С.В. Рецепция римского права: вопросы теории и истории : диссертация кандидата юридических наук / С.В. Ткаченко. Москва, 2006. 187 с.
  27. Фатеев С.С. Определение компонентов рецепции как инструментов ее классификации в советском праве / С.С. Фатеев // *Юридические записки*. 2013. № 1. С. 36–44.

References

1. Akhrameeva O.V. Etimologicheskij analiz retseptsii i iny'kh form zaimstvovaniya i ikh sootnoshenie (v svete reformy` nasledstvennogo prava) [An Etymological Analysis of Reception and Other Forms of Borrowing and the Correlation Between Them (in View of the Inheritance Law Reform)] / O.V. Akhrameeva // *Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki — Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences*. 2018. Vol. 4 (70). № 3. S. 181–197.
2. Bedareva A.A. Znachenie mentaliteta dlya retseptsii v rossiyskom prave [The Importance of Mindset for Reception in Russian Law] / A.A. Bedareva // *Pedagogicheskoe obrazovanie na Altae — Pedagogical Education in the Altai Region*. 2014. № 2. S. 551–552.
3. Verbova O.V. Neobkhodimost ideologicheskogo komponenta v retseptsii prava [The Need for the Ideological Component in the Reception of Law] / O.V. Verbova // *Innovatsionnoe razvitie obschestva v usloviyakh integratsii pravovy'kh system : sbornik nauchny'kh statey ; glavny'y redaktor N.V. Silchenko [The Innovative Development of the Society in Conditions of the Legal System Integration : collection of scientific articles ; editor in chief N.V. Silchenko]*. Grodno : GrGMU — Grodno : GrSMU, 2013. S. 52–55.

4. Dudko A.I. Retseptsiya v konstitutsionnom prave Rossii : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Reception in Russian Constitutional Law : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / A.I Dudko. Chelyabinsk — Chelyabinsk, 2010. 26 s.
5. Dudko A.I. Retseptsiya v konstitutsionnom prave Rossii : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Reception in Russian Constitutional Law : thesis of PhD (Law)] / A.I Dudko. Chelyabinsk — Chelyabinsk, 2010. 202 s.
6. Erdomaev G.G. Retseptsiya kak forma vzaimodeystviya mezhdunarodnogo prava Rossiyskoy Federatsii i konstitutsionnogo prava Rossiyskoy Federatsii [Reception as a Form of Cooperation Between International Law of the Russian Federation and Constitutional Law of the Russian Federation] / G.G. Erdomaev // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo — Constitutional and Municipal Law. 2009. № 15. S. 7–10.
7. Zaytsev O.V. Stanovlenie i razvitie sovremennoy doktriny` grazhdanskogo prava v Rossii : dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [The Establishment and Development of the Modern Doctrine of Civil Law in Russia : thesis of LL.D.] / O.V. Zaytsev. Moskva — Moscow, 2017. 447 s.
8. Kolesnikov E.V. Ponyatie retseptsii v konstitutsionnom prave [The Concept of Reception in Constitutional Law] / E.V. Kolesnikov, S.A. Saybulaeva // Pravovaya politika i pravovaya zhizn — Legal Policy and Legal Life. 2019. № 2. S. 24–30.
9. Kononenko V.A. Politicheskaya elita kak faktor perekhodny`kh sostoyaniy politicheskogo rezhima v sovremennoy Rossii : avtoreferat dissertatsii kandidata politicheskikh nauk [The Political Elite as a Factor of Transitional Political Regime States in Modern Russia : author's abstract of thesis of PhD in Politics] / V.A. Kononenko. Moskva — Moscow, 2014. 31 s.
10. Kuryshv E.Yu. Retseptsiya v rossiyskom prave : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Reception in Russian Law : thesis of PhD (Law)] / E.Yu. Kuryshv. Saratov — Saratov, 2005. 194 s.
11. Kuchumova E.V. Retseptsiya zarubezhnogo prava kak forma sotsiokulturnoy integratsii Rossii v mirovoe soobshchestvo [The Reception of Foreign Law as a Form of the Sociocultural Integration of Russia into the World Community] / E.V. Kuchumova // Kultura Rossii i mezhdunarodny`e otnosheniya. K 1150-letiyu Rossiyskogo gosudarstva : kollektivnaya monografiya ; redaktor V.A. Achkasov ; otvetstvenny`e redaktory` I.D. Osipov, S.N. Pogodin [Russian Culture and International Relations. On the 1,150th Anniversary of the Russian State : collective monograph ; editor V.A. Achkasov ; publishing editors I.D. Osipov, S.N. Pogodin]. Sankt-Peterburg : Izdvo politekhnicheskogo un-ta — Saint Petersburg : Publishing house of a Polytechnic University, 2012. 379 s.
12. Linko V.V. Retseptsiya prava v regionalnom pravovom prostranstve [The Reception of Law in the Regional Legal Environment] / V.V. Linko // Imitatsiya kak printsip intolerancemnogo povedeniya : materialy` Vserossiyskoy nauchno-prosvetitel'skoy konferentsii (g. Krasnodar, 6–7 sentyabrya 2013 g.) : sbornik nauchny`kh trudov ; otvetstvenny`y redaktor V.V. Shalin ; sostavitel Yu.G. Tambiyants [Imitation as a Principle of Intolerant Behavior : files of an all-Russian scientific and educational conference (Krasnodar, September 6 to 7, 2013) : collection of scientific works ; publishing editor V.V. Shalin ; compiler Yu.G. Tambiyants]. Krasnodar : Kubanskiy gosudarstvenny`y agrarny`y un-t — Krasnodar : Kuban State Agrarian University Named After I.T. Trubilin, 2013. S. 119–130.
13. Mutay I.M. Retseptsiya i restavratsiya v prave [Reception and Restoration in Law] / I.M. Mutay // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya — Journal of Foreign Legislation and Comparative Legal Studies. 2011. № 5 (30). S. 53–64.
14. Nezdemkovskiy V.V. Retseptsiya kak faktor preemstvennosti prava: istoriko-teoreticheskiy aspekt [Reception as a Factor of Succession of Law: A Historical and Theoretical Aspect] /

- V.V. Nezdemkovskiy // Izvestiya Natsionalnoy akademii nauk Respubliki Kazakhstan — News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. 2012. № 5. S. 6–9.
15. Parshkova N.V. Retsepsiya prava: obshcheteoreticheskiy aspekt [The Reception of Law: A General Theoretical Aspect] / N.V. Parshkova // Novy'y universitet. Seriya : Ekonomika i pravo — New University. Series : Economics and Law. 2011. № 10 (10). S. 47–50.
  16. Petrova V.V. Vliyaniye rimskogo prava i ego aktualnost dlya sovremennoy Rossii [The Influence of Roman Law and Its Relevance for Modern Russia] / V.V. Petrova, A.V. Belousov // Vestnik nauchnoy assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakulteta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya : Stadia Historica Jenium — Bulletin of the Scientific Association of Students and Postgraduate Students of the Historical Faculty of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series : Stadia Historica Jenium. 2012. № 1 (8). S. 84–87.
  17. Prieshkina E.A. Kategorii retsepsii v sovremennoy yuridicheskoy literature [Reception Categories in the Modern Legal Literature] / E.A. Prieshkina // Aktualny'e innovatsionny'e issledovaniya: nauka i praktika — Relevant Innovative Research: Science and Practice. 2011. № 4. S. 19.
  18. Rybakov V.A. Retsepsiya prava: obshcheteoreticheskie voprosy' : monografiya [The Reception of Law: General Theoretical Issues : monograph] / V.A. Rybakov. Omsk : Izd-vo Omskogo gosudarstvennogo un-ta — Omsk : Publishing house of the Omsk State University, 2009. 275 s.
  19. Samigullin V.K. O prirode retsepsii prava [On the Nature of the Reception of Law] / V.K. Samigullin // Vestnik VEGU — Bulletin of the VEGU. 2013. № 5 (67). S. 66–75.
  20. Skorobogatov A.V. Pravovy'e zaimstvovaniya kak sredstvo sovershenstvovaniya natsionalnoy pravovoy sistemy' [Legal Borrowings as a Means of the Improvement of the National Legal System] / A.V. Skorobogatov // Aktualny'e problemy' ekonomiki i prava — Relevant Issues of Economics and Law. 2018. Vol. 12. № 1. S. 77–88.
  21. Sokolskaya L.V. Retsepsiya kak istoricheskaya forma pravovoy akkulturratsii [Reception as a Historical Form of Legal Acculturation] / L.V. Sokolskaya // Aktualny'e problemy' rossiyskogo prava — Relevant Issues of Russian Law. 2014. № 8 (45). S. 1581–1589.
  22. Sokolskaya L.V. Retsepsiya kak istoricheskaya forma pravovoy akkulturratsii [Reception as a Historical Form of Legal Acculturation] / L.V. Sokolskaya // Aktualny'e problemy' rossiyskogo prava — Relevant Issues of Russian Law. 2014. № 1 (38). S. 47–56.
  23. Sungurov A. Novovvedeniya i sreda: na puti k politicheskim innovatsiyam : uchebnoe posobie [Novelties and the Environment: On the Way Towards Political Innovations : textbook] / A. Sungurov. Sankt-Peterburg : NIU VSHE — Saint Petersburg : NRU HSE, 2010. 116 s.
  24. Tkachenko S.V. Pravovy'e reformy' v Rossii: problemy' retsepsii zapadnogo prava : monografiya [Legal Reforms in Russia: Western Law Reception Issues : monograph] / S.V. Tkachenko. Samara : Samarskiy un-t — Samara : Samara University, 2008. 534 s.
  25. Tkachenko S.V. Retsepsiya prava: ideologicheskii komponent : monografiya [The Reception of Law: The Ideological Component : monograph] / S.V. Tkachenko. Samara : SamGAPS — Samara : Samara State Transport Academy, 2006. 154 s.
  26. Tkachenko S.V. Retsepsiya rimskogo prava: voprosy' teorii i istorii : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [The Reception of Roman Law: Issues of the Theory and History : thesis of PhD (Law)] / S.V. Tkachenko. Moskva — Moscow, 2006. 187 s.
  27. Fateev S.S. Opredeleniye komponentov retsepsii kak instrumentov ee klassifikatsii v sovetskom prave [The Determination of Reception Components as Instruments of Its Classification in Soviet Law] / S.S. Fateev // Yuridicheskie zapiski — Legal Notes. 2013. № 1. S. 36–44.

Суверенитет, власть, сети: машина в эпоху «постчеловека»*

Корнев Аркадий Владимирович,
заведующий кафедрой теории государства и права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
kornev_av@rambler.ru

В настоящей статье рассматриваются всего лишь некоторые проблемы, обозначившиеся буквально в последние месяцы. Человечество сделало шаг к созданию новой реальности — бесконтактной социальной организации, в которой «машина», технологии будут играть столь серьезную и всеобъемлющую роль, что мы можем только приблизительно об этом говорить. В этой связи возникает проблема новых форм коммуникации между институтами и, прежде всего, между государством и обществом, обществом, государством и человеком. Ключевой проблемой тем не менее остается власть, ибо только она в состоянии обеспечить нормальное существование общества, какую бы форму оно ни приобретало.

Ключевые слова: власть, господство, сети, суверенитет, машина, знания, коммуникации, технологии.

Sovereignty, Power, Networks: Machines in the Posthuman Epoch

Kornev Arkadiy V.
Head of the Department of Theory of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
LL.D., Professor

The article reviews just some of the issues, which have originated just in the recent months. The humanity has taken a step towards the creation of a new reality: a non-contact social organization where machines, technology will play such a decisive and fundamental role that we can only vaguely imagine. In this regard, the issue of new forms of communication between the institutions, primarily, between the state and the society; the society, the state and a man, appears. The power, however, remains the key issue, as it is only power that is able to ensure normal existence of the society irrespective of its form.

Keywords: power, supremacy, networks, sovereignty, machine, knowledge, communications, technologies.

Буквально несколько месяцев тому назад мир жил относительно спокойно. Локальные войны, конфликты, терроризм, санкционные и гибридные войны на фоне того, что происходит сегодня, кажутся несущественными пустяками. Все изменил Covid-19, именуемый коронавирусом. Оказалось, что мир не так уж прочен со всеми его технологическими достижениями, могущественными экономическими и политическими институтами, вооружениями и прочее. Невидимая зараза стала угрожать человечеству в такой степени, что многие в очередной раз задумались о бренности человеческого существования.

Так повелось, что в последние несколько лет какие-то события делят нашу историю на «до и после». Отдавая дань метафоричности нашего восприятия действительности, все-таки согласиться с этим трудно. Можно, конечно, воспринимать эволюцию общества, отталкиваясь от каких-то знаковых, эпохальных факторов. Например, развал (распад) СССР, бомбардировки самолетов стран НАТО Югославии, процветающей страны в центре Европы, катастрофа 11 сентября 2001 г. Были и менее заметные для мировой истории события. Обычно в таких случаях рождается формула «мир стал другим».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-29-16124.

Отнюдь. Мир, оправившись от острого события, продолжает жить обычной жизнью. История не скачет по ступеням. Она есть эволюция социальных форм бытия человека, общества и государства во времени. Безусловно, пандемия внесла свои коррективы в ход мировой истории. Но стала ли она столь неожиданной? Человечеству свойственно в каждый этап своего существования называть события подобного рода как нечто небывалое и страшное. Так некогда было с чумой, холерой, испанским гриппом, птичьим гриппом и лихорадкой Эболой. Если кто помнит, президент США Барак Хуссейн Обама еще относительно недавно сравнивал нашу страну с лихорадкой Эбола. Она якобы представляет для мира не меньшую опасность. Знал бы он, что эпидемия нового типа накроет его страну так, что это станет поистине общенациональной проблемой.

Мы пока не знаем природы этой катастрофы. Искусственно она создана или нет? Неизвестно. Одно можно сказать с определенностью: мир давно замер в ожидании события, которое бы послужило поводом для того, чтобы начать с «чистого листа». Совершенно очевидно, что та модель экономики, которая считалась безупречной, во всяком случае безальтернативной, терпит крах.

Это касается и политики. Если брать ее международный аспект, то мир долго существовал в рамках так называемой вестфальской системы, в основе которой лежала идея независимого суверенного национального государства. Затем были Ялтинская и Потсдамская конференции, которые закрепили послевоенное устройство мира. Многие потом квалифицировали итоги этих конференций как безусловный триумф советской дипломатии. Конечно, ничего этого не было бы, если бы не решающая роль нашей страны в разгроме фашизма. Не будем, однако, забывать, что на стороне Германии выступили многие европейские страны. Отдельные из них даже послали свои дивизии на восточный фронт, нашедшие свою смерть на полях сражений.

Буквально навязывались также и некоторые стандарты демократии. В качестве единственно возможной продвигались так называемые открытые политические

системы. Они базируются на политической конкуренции различных институтов и субъектов политического процесса. Все бы хорошо, но эти политические системы позволяют вмешиваться извне сторонним силам и менять неудобные режимы. Такого рода системы идеально созданы для «цветных революций». Попытки построить «управляемую» демократию или национальную объявляются нарушением фундаментальных основ демократии. Как будто бы кто-то знает, что они собой представляют.

Это касается и правовой сферы. Есть некоторые теоретические модели, которые обозначают контуры правового демократического государства. Под них и надлежит всем подстраиваться. Как, впрочем, и стандарты в области прав человека. Это тоже ахиллесова пята нашей политико-правовой конструкции. Далеко не секрет, что права человека — сфера в высшей степени протестуемая. Нарушения прав человека, реальные или мнимые, всегда использовались в идеологической борьбе. Настоящее время не является исключением. Россию постоянно критикуют за нарушения прав человека. Наши доводы о том, что права человека не должны входить в конфликт с традициями, обычаями, представлениями о нравственности, религиозными убеждениями, как правило, не принимаются во внимание оппонентами.

Одним словом, пандемия ускорила процесс девальвации неких стандартов, которые считались безальтернативными. Рано или поздно они сами бы разрушились. Однако комплекс факторов, включая пандемию как главное пока событие високосного года, поставил вопрос ребром: как дальше мы будем развиваться?

Представляется, что первой жертвой падет глобализация, по поводу которой написано столько восторженных, вдохновенных строк. Подчеркивалось, что глобализация несет человечеству практически сплошные выгоды: как отдельному человеку, так и каждой стране. И действительно, глобализационные тенденции активизировали многие процессы. Как объективно подчеркивают современные авторы, «глобализация человеческой активности становится все более интенсивной: больше глобальной

торговли, больше международной политики, больше глобальных средств общения, больше рутинных культурных обменов. Увеличивается общий объем активности на глобальном уровне. Многие социологи связывают начавшееся в 1970-е годы ускорение процессов глобализации с возникновением дигитализации, бурным развитием информационных технологий и прогрессом в транспортировке товаров, услуг и людей»¹.

Большое количество людей, особенно в нашей стране, воспользовавшись открывшимися возможностями, активно стало путешествовать по миру, покупать недвижимость, работать и учиться за пределами страны. Дошло до того, что летний и зимний отдых в России стал квалифицироваться чуть ли не признаком дурного тона.

Все это так, но есть и другая сторона медали. Неоднократно публично приходилось высказывать свою точку зрения в той части, что *глобализация представляет собой иную, ранее неизвестную форму господства*. Она приходит на смену окончательно скомпрометировавшей себя колониальной политике. Подумать только, что во многом благодаря СССР была разрушена мировая колониальная система. Многие страны Запада утратили возможность беззастенчиво грабить покоренные некогда территории, сохранив видимость «культурного покровительства».

А. Тойнби утверждает, что когда две или более цивилизаций вступают между собой в контакт, они чаще всего обладают разными потенциальными силами. Человеческой природе свойственно пользоваться своим превосходством. Поэтому и цивилизация, осознавшая свое превосходство над соседями, не преминет прибегнуть к силе, пока эта сила есть. Империалистические завоеватели долгое время видели в местных жителях только «туземцев», что предполагало полное отрицание политического и экономического статуса аборигена. «Цивилизованный» человек лишает их человечности, полностью отождествляя с флорой и фауной. Однако невозможно, совершив грех отрицания че-

ловека в другом, не *дегуманизовать* тем самым самого себя².

В этом, как мне представляется, и есть ответ на вопрос: почему *глобализация в культурно-историческом плане есть абсолютное торжество пошлости*? Именно здесь следует искать причины сопротивления глобализационным процессам, которые имеют место в современном мире. Незападные цивилизации, как правило, не имевшие длительного опыта колонизации чужих территорий и культур, не могут принять социокультурные нормы других культурно-исторических типов.

В контексте сказанного имеет смысл обратиться к мнению Т. Парсонса: «Ценность — нормативный стандарт, который определяет желаемое поведение системы относительно ее окружения без дифференциации функций единиц или их частных ситуаций. Норма, в свою очередь, является стандартом, определяющим желаемое поведение для единицы или класса единиц в специфических для них контекстах, дифференцированных от контекстов, связанных с другими классами единиц»³.

И нормы, и социальные стандарты, будучи включенными в систему социальных отношений, образуют некий феномен — нормативную культуру. Мы, юристы, привыкли оперировать категорией «правовая культура». Как мне представляется, между ними есть различия, но не очень существенные. Самое главное заключается в том, что нормы и стандарты, сформированные в одной среде, не могут быть автоматически перенесены в другую культурную среду. Вышеупомянутый А. Тойнби важнейшей оставляющей любой цивилизации считал религию. И если система ценностей не совпадает, то, как можно прийти к осознанию «общечеловеческих ценностей», которые, если смотреть на вещи объективно, вряд ли существуют.

Абсолютное большинство заболевших от коронавируса в самом начале эпидемии, которой ВОЗ присвоил статус пандемии, — это наши граждане, которые

¹ Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М., 2018. С. 16.

² Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2002. С. 73, 75.

³ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002. С. 703.

побывали за границей. В условиях глобализации перемещаться по миру довольно легко. Были бы время и средства. Сейчас контакты сведены до минимума. Некоторые страны закрыли свое воздушное пространство вовсе, а большинство существенно ограничило авиасообщение. И не только. Это что касается коммуникационных аспектов глобализации.

Возьмем экономический. Нас уверяли многие и многие годы, что советская экономика была неэффективной, поскольку она стремилась производить все: буквально от иголок до авианосных крейсеров. «Зачем?» — вопрошали наши экономические «гуру», ведь это невыгодно. А что выгодно, по их мнению, так это продавать углеводородное сырье, и на эти деньги покупать все необходимое. Таким образом, произошла деиндустриализация экономической системы. Мы опять превратились в отсталую страну, как это уже было. Сторонний наблюдатель А. Тойнби был совершенно прав: «Катастрофа 1914—1918 гг., сделавшая очевидной и общепризнанной промышленную и социальную отсталость России, способствовала приходу к власти большевиков, определив в некоторой степени и их программу»⁴.

А что было в основе их программы? Ответ: технологический рывок любой ценой. Он был сделан за счет огромных усилий и жертв. Даже трудно себе представить, что представляла бы собой современная Россия без того потенциала, который смог создать советский проект. Мы сегодня в неоплатном долгу перед многими поколениями советских людей, которые, не щадя себя, создавали богатства, которые за бесценок потом оказались в нечистоплотных руках назначенных властью олигархов.

Та международная система разделения труда, в которую втиснулась Россия со списком товаров, которые она в состоянии предложить миру (а их можно посчитать на пальцах одной руки), оказалась на периферии технологического развития. Нас просто никто не подпускает к высоким технологиям. Мы отстаем на 20—30 лет от промышленно развитых государств. Из-за отсутствия доступа к ка-

чественным медицинским услугам россияне в массе своей болеют чаще и живут значительно меньше, чем в абсолютном большинстве европейских стран и государствах Азии. Нас уже стали жалеть китайцы, которые 40 лет тому назад мечтали достичь социально значимых показателей СССР. Сейчас обнажилась проблема, и каждая страна пытается решить ее сама, справедливо полагая, что помощь можно ждать только от тех, у кого проблем нет. А разве есть такие страны? На наших глазах прерывается торговля, поставки товаров, перестают покупать нефть в прежних объемах. Что дальше? Всем практически очевидно, что подобная модель не сулит ничего хорошего. Необходимо срочно что-то менять. России нужно реальное собственное производство максимально возможного числа продуктов.

Строго говоря, экономические доктрины, как и политические, в своей основе содержат какую-то основополагающую идею. Предположим, в конце XIX — в первой половине XX в. в континентальной Европе господствовала идея о том, что национальная экономика должна быть построена таким образом, чтобы она максимально обеспечивала потребности внутреннего рынка. Страна не должна быть в сильной зависимости от других стран. Такой точки зрения придерживалась в основном немецкая экономическая мысль. К слову сказать, подобные доктрины развивались применительно к сухопутным цивилизациям. Следуя геополитикам Макиндеру и Челлену, К. Шмитт противопоставлял талассократические империи (Финикию, Англию, США) и теллуократические империи (Римская империя, Российская, Австро-Венгерская)⁵.

По его мнению, талласократии, выходя за рамки своего острова, начинают морскую экспансию, входят в противоречие с теллуократиями и по логике своего развития начинают дипломатически, экономически и милитаристически подтачивать основы континентальных «больших пространств». Превращение индивидуума и индивидуального фактора в отрыве от нации, традиции, культуры, профессии, семьи и т.д. в самостоятельную

⁴ Тойнби А. Дж. Указ соч. С. 49.

⁵ Шмитт К. Основы геополитики. М., 2000.

юридическую категорию означало, по мнению Шмитта, начало «разложение права», превращения его в утопическую эгалитарную химеру, противоречащую органическим законам истории народов и государств, истории режимов, территорий и союзов⁶.

После Второй мировой войны стала распространяться иная модель, если так можно сказать, обустройства мировой экономики. Следуя логике К. Шмитта, «цивилизация моря» стала навязывать свои правила игры миру. Очаги сопротивления были в конечном счете сломлены. Так, со временем и возник однополярный мир, который стал зависеть от выстроенной выгодоприобретателем экономической и финансовой системы. Кстати, США и Российская Федерация похожи в том смысле, что мы страны «одного товара». Условно, конечно. Они производят доллары, а мы — нефть. Таким образом, состояние российской экономики в ближайшей перспективе будет зависеть от мировых цен на нефть. Но и здесь нашу страну подстерегают трудности. Ученые прогнозируют в самом скором будущем снижение потребности в нефти и нефтепродуктах. Во всяком случае, в таком количестве она не будет нужна, ибо человечество переходит к новым технологиям — ресурсосберегающим и возобновляемым. Но и на этот счет у нас есть «оптимисты», полусерьезно предлагая в перспективе продавать чистую питьевую воду из озера Байкал. Конечно, она не такая уж и чистая. Человеческий фактор и здесь не преминул сказаться. Тем не менее, как полагают экологи, пригодной для питья воды на нашей планете почти не осталось.

Еще совсем недавно экономическое будущее представлялось следующим образом. География уже больше не выступает в виде рока, как полагали творцы геополитики. Один современный автор, Параг Ханна, занимающийся проблемами мировой экономики, пишет: «География — это судьба», этот тезис сегодня теряет актуальность. Скоро появится новый афоризм: «Связанность — это судьба»⁷. По его

мнению, рынок — самая мощная сила современности, а цепи поставок — ее мотор.

Хэлфорд Маккиндер, английский географ и геополитик, основатель теории Хартленда, утверждал, что тот, кто правит Восточной Европой, владеет Сердцем земли, тот, кто правит Сердцем земли, владеет Мировым островом (Евразия и Африка), тот, кто правит Мировым островом, владеет миром. «Хартленд» («Срединная земля») — центральная и северная часть Евразии.

Параг Ханна полагает, что эта геополитическая максима потеряла актуальность. Ныне более значимой является следующая аксиома: «Кто управляет цепями поставок, тот управляет миром». Из этого он приходит к выводу: «Давняя мантра юридического мира „Эта земля — моя“ в мире цепи поставок стала звучать иначе: „Используй территорию или потеряешь ее“»⁸.

По его мнению, связанность — основная причина комплексного характера глобализации. Обычно о глобализации говорят в контексте ее действия в рамках *существующего* порядка, а не создания *нового*. Но связанность — это трансформация, зарождающаяся внутри системы и в конечном счете изменяющая ее. Связующие нас сети, пронизывающие все сферы жизни, — это не просто каналы взаимодействия, их полезность экспоненциально возрастает по мере увеличения количества узлов (по закону Меткалфа).

Текущий момент он описывает следующим образом: «История зарождающейся сетевой глобальной цивилизации — это история постоянно расширяющихся потоков и сопротивлений»⁹.

Особый интерес представляют рассуждения Ханны о нашей стране. С его точки зрения, изменение степени связанности помогает устранить зависимость производимого впечатления от фактора территории. Россия — крупнейшая страна в мире, но на данный момент наименее подключенная среди ведущих экономик мира. Ее экономика почти полностью зависит от сырьевого экспорта, но по мере роста предложения нефти и газа на миро-

⁶ Дугин А. Русская война. М., 2015. С. 41.

⁷ Ханна П. Коннектография: будущее глобальной цивилизации. М., 2019. С. 31.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Там же. С. 52.

вых рынках влияние России за пределами так называемого ближнего зарубежья (бывших республик Советского Союза) будет ослабевать¹⁰.

С этим утверждением трудно спорить. Сырьевой и офшорный характер нашей экономики — данность. Аргументировать иную точку зрения сложно. Цифры говорят сами за себя. А вот с другим посылом можно и поспорить.

Создается общее впечатление, что мажорные настроения в части мирового экономического устройства не выдерживают проверки временем. Сейчас прежние модели перестали работать. О какой включенности идет речь, если все контакты практически прекратились? В условиях пандемии (биосоциальный фактор) экономика не просто забуксовала. Нанесен уже, и процесс еще идет, огромный урон мировой экономической системе и национальным экономикам. Причем речь идет о ведущих экономиках мира — США, Китае, ФРГ и некоторых других.

Эпоха модерна и его адепты видят современный мир как синтез *высоких технологий, комфорта и потребления*. «Машина» выходит на первый план. Не идем ли мы к тому устройству общества, когда люди превратятся в топливо для машин и миром будет управлять искусственный интеллект? Этот сюжет просматривается в фильме «Матрица». Вопрос к футурологам.

Что более или менее очевидно просматривается сегодня, так это то, что вероятнее всего мир движется *в сторону бесконтактной социальной среды*. «Машина» создает иллюзию присутствия человека. Некоторые авторы уже поспешили провозгласить наступления эры «постчеловека» и даже наступление бесчеловечной цивилизации в том смысле, что машинные технологии как бы устраняют физическое, то есть социально контактное присутствие человека. Сейчас форсмажорные обстоятельства принудили людей сидеть дома. Их присутствие «обеспечивает» виртуальный мир. Вузам рекомендовано перейти на дистанционное обучение, к примеру. А если у человека нет технической возможности, он есть или

его нет? Фикции в праве и фикция права как такового стали неожиданно актуальными. Полагаю, что после ликвидации угрозы пандемии и появления новой «дистанционность» прочно войдет в нашу жизнь. Кто-то видит в этом скорее плюсы, а большинство минусы. Человеку и человечеству свойственно общаться, контактировать, устанавливать социальные связи. Речь сейчас идет о новых формах «включенности», но не в том смысле, в каком о них пишет П. Ханна. Он имеет в виду цепочку поставок товаров. Вот сейчас она прервалась, и мир внезапно понял, что не все так хорошо, как представлялось ранее. Экономисты даже разработали «Индекс включенности». Он определяет количество производимых товаров, которые можно предложить на рынке, и то количество товаров, которое закупается. Причем производство одной единицы товара также предполагает поставку комплектующих. Чем выше этот индекс, тем более развитой в экономическом смысле является страна. Надо прямо сказать, что в создавшихся условиях это совсем неочевидно.

Постепенно начинает разрушаться и сложившаяся система постиндустриального урбанизма. Опять же некоторые экономисты стали квалифицировать город в роли политического и экономического субъекта, чуть ли не в качестве альтернативы национальному суверенному государству. Коль скоро в городах проживает уже более 70% населения, то они становятся новым, причем фактически самостоятельным субъектом экономической деятельности. Акцент делается на прибрежные города. И в этом можно увидеть наступление «цивилизации моря».

И здесь, как мне представляется, следуют поспешные выводы. Урбанизм разрушается даже не из-за вируса, а в силу объективных факторов. Автоматизированные и сетевые формы организации финансовой сферы, отчасти медицинской, образовательной, торговой и проч., делают просто ненужным огромное количество людей. Чем занять высвободившийся прекариат — изобретение политкорректности? А ведь это большие массы людей. Ответов пока нет.

¹⁰ Там же. С. 63.

И самое главное. Всемирный форсмажор в виде коронавируса обнажил множество проблем, но он помогает нам расставаться с привычными, либо аутичными, либо коллективными, иллюзиями. В какой-то степени это было ожидаемым событием. Не вирус, так что-то еще непременно должно было внести в повестку вопрос о реформатировании политико-экономической карты мира. Глобальную финансово-политическую элиту давно занимает проблема растущей экономической мощи Китая, и Россия — самая большая страна с огромными природными ресурсами, которых становится все меньше. Сегодня уже открыто говорят, что ресурсы планеты являются достоянием всех и на них не должна распространяться национальная юрисдикция.

Может поменяться система управления гигантскими международными концернами. Сегодня центры управления находятся в США, но могут переместиться в страны Юго-Восточной Азии, и прежде всего в Китай. Менеджмент управления финансово-промышленными группами очень различается в этих регионах. В США и Европе по-прежнему у руля финансисты, экономисты и юристы. В Китае и других странах Юго-Восточной Азии в основном преобладают инженеры, технологи. Они максимально используют мощь «машин», автоматизированных, сетевых технологий. В США и Европе понимают угрозу и стремятся максимально ее минимизировать. Опыт есть. В 70-е годы XX в. Япония была впереди планеты всей. «Покровитель и союзник» — Северная Америка сделала все, чтобы сдержать пугающее быстрое развитие Японии. Удалось, как мы видим. Крупнейшие компании США сейчас получают из бюджета гигантские суммы для скупки подешевевших активов. Китай давно стал «мастерской» мира. Успехи этой страны поражают воображение. И дают повод задуматься.

Пандемия неожиданно обнаружила проблему государства и его суверенитета. Если внимательно почитать литературу, даже отечественную (о зарубежной и речи нет), то в ней отчетливо прослеживается тенденция максимальной девальвации национального государства и его суверенитета. Вестфальскую систему, решения

Венского конгресса и Ялтинской конференции настойчиво призывают сдать в архив истории. И тут вдруг выясняется, что с форсмажорными обстоятельствами успешно справляются те страны, которые в экономическом плане являются самодостаточными. Во всяком случае, ключевые отрасли экономики, транспорта, связи, одним словом то, что иногда называют социально-технологическими системами, делают ту или страну относительно независимой как от внутренних, так и внешних угроз. «Включенность» в мировую экономику должна иметь разумные пределы. Иначе полная зависимость. Политический суверенитет немислим без экономического, и наоборот. Здесь не нужны никакие доказательства. Как писал К. Шмитт: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»¹¹. Коротко и убедительно.

Суверенитет предполагает право на легитимное принуждение. Это особенно актуально сейчас. Ранее с эпидемиями боролись, сочетая медико-биологические и полицейские меры. Правильно подмечено, что за государственным интересом, правом и законом всегда стоит сила, действующая посредством дисциплинарных принуждений и приведения к норме¹².

Суверенная власть осуществляет функции социального контроля. Юристы нередко называют это правовым регулированием, имея в виду, прежде всего, правоприменительную практику. В современном обществе эту функцию власти помогает осуществлять машина: «Практики социальной интеграции исключения, свойственные системе управления, все более становятся внутренней сущностью самих субъектов: теперь власть осуществляется посредством машин, которые напрямую и целенаправленно воздействуют на умы...»¹³.

Таким образом, мы можем констатировать, что идея об отмирании национального государства и его суверенитета оказалась преждевременной, и где-то даже политически вредной. Только са-

¹¹ Шмитт К. Понятие политического. СПб., 2016. С. 8.

¹² Исаев И.А. Технологии власти. Власть технологии. М., 2019. С. 129.

¹³ Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 35.

мостоятельное и экономически самостоятельное государство в состоянии решать проблемы форсмажорного характера, как показывает опыт наших дней. В мире обозначилась проблема постепенного формирования бесконтактной социальной среды, в которой машина создает

иллюзию присутствия человека. Однако в любом случае государство никуда не исчезнет, а может быть даже, его роль значительно возрастет. В систему социального контроля и управления все больше будет интегрироваться «машина», позволяющая решать разнообразные задачи.

Литература

1. Гидденс Э. Основные понятия в социологии / Э. Гидденс, Ф. Саттон ; перевод с английского Е. Рождественской, С. Гавриленко. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 333 с.
2. Дугин А.Г. Русская война / А. Дугин. Москва : Алгоритм, 2015. 272 с.
3. Исаев И.А. Технологии власти. Власть технологии / И.А. Исаев. Москва : Проспект, 2019. 144 с.
4. Карл Шмитт «Бегемот versus Левиафан» // Дугин А. Основы геополитики: Геополитическое будущее России ; Мыслить пространством. 4-е изд. Москва : АРКТОГЕЯ-центр, 2000. 924 с.
5. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс ; под общей редакцией В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. Москва : Акад. Проект, 2002. 877 с.
6. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории : сборник / А.Дж. Тойнби ; перевод с английского В.И. Уколовой, Д.Э. Харитоновича. Москва : Айрис пресс : Рольф, 2002. 588 с.
7. Ханна П. Коннектография: будущее глобальной цивилизации / П. Ханна ; перевод с английского Э. Кондуковой. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2019. 427 с.
8. Хард М. Империя / М. Хардт, А. Негри ; перевод с английского ; под общей редакцией Г.В. Каменской. Москва : Праксис, 2004. 440 с.
9. Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт ; перевод с немецкого ; под редакцией А.Ф. Филиппова. Санкт-Петербург : Наука, 2016. 567 с.

References

1. Giddens A. Osnovny'e ponyatiya v sotsiologii ; perevod s angliyskogo E. Rozhdestvenskoy, S. Gavrilenko [Essential Concepts in Sociology ; translation from English by E. Rozhdestvenskaya, S. Gavrilenko] / A. Giddens, P. Sutton. Moskva : Izd. dom Vy'sshey shkoly' ekonomiki — Moscow : Publishing house of the Higher School of Economics, 2018. 333 s.
2. Dugin A.G. Russkaya vojna [Russian War] / A. Dugin. Moskva : Algoritm — Moscow : Algorithm, 2015. 272 s.
3. Isaev I.A. Tekhnologii vlasti. Vlast tekhnologii [Technologies of Power. The Power of Technology] / I.A. Isaev. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2019. 144 s.
4. Carl Schmitt «Begemot versus Leviatan» // Dugin A. Osnovy' geopolitiki: Geopoliticheskoe budushee Rossii; My'slit prostranstvom. 4-e izd. [Carl Schmitt. "Behemoth versus Leviathan" // Dugin A. Fundamentals of Geopolitics. The Geopolitical Future of Russia; Spatial Thinking. 4th edition]. Moskva : ARKTOGEYA-tsentr — Moscow : ARKTOGEYA-center, 2000. 924 s.
5. Parsons T. O strukture sotsialnogo deystviya ; pod obschey redaktsiyey V.F. Chesnokovoy, S.A. Belanovskogo [The Structure of Social Action ; under the general editorship of V.F. Chesnokova, S.A. Belanovskiy] / T. Parsons. Moskva : Akad. Proekt — Moscow : Academic Project, 2002. 877 s.
6. Toynbee A.J. Tsvivilizatsiya pered sudom istorii : sbornik ; perevod s angliyskogo V.I. Ukolovoy, D.E. Kharitonovicha [Civilization on Trial : collection ; translation from English by V.I. Ukolova, D.E. Kharitonovich] / A.J. Toynbee. Moskva : Ayris press : Rolf — Moscow : Ayris press : Rolf, 2002. 588 s.
7. Khanna P. Konnektografiya: budushee globalnoy tsvivilizatsii ; perevod s angliyskogo E. Kondukovoy [Connectography: Mapping the Future of Global Civilization ; translation from English by E. Kondukova] / P. Khanna. Moskva : Mann, Ivanov i Ferber — Moscow : Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 427 s.
8. Hardt M. Imperiya ; perevod s angliyskogo ; pod obschey redaktsiyey G.V. Kamenskoy [Empire ; translation from English ; under the general editorship of G.V. Kamenskaya] / M. Hardt, A. Negri. Moskva : Praksis — Moscow : Praxis, 2004. 440 s.
9. Schmitt C. Ponyatie politicheskogo ; perevod s nemetskogo ; pod redaktsiyey A.F. Filippova [The Concept of the Political ; translation from German ; edited by A.F. Filippov] / C. Schmitt. Sankt-Peterburg : Nauka — Saint Petersburg : Science, 2016. 567 s.

Принципы права как средство разрешения онтологических коллизий естественных и позитивных начал правопонимания

Левчук Сергей Владимирович,
доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения
юридического факультета Института экономики управления и права (ИЭУП)
Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ),
кандидат юридических наук
levchuk65@gmail.com

В работе рассмотрены теоретические и практические основы онтологических коллизий естественных и позитивных начал правового регулирования и способы их преодоления.

В центре внимания автора — интерпретационная и доктринальная модель правового регулирования.

Ключевые слова: онтологические коллизии, правовой статус, юснатурализм, позитивизм, интерпретация, модель принципа, правовая доктрина.

Legal Principles as a Means of Solution of Ontologic Collisions of Natural and Positive Origins of Legal Consciousness

Levchuk Sergey V.
Associate Professor of the Department of Theory of Law and Comparative
Legal Studies of the Law Faculty of the Institute of Economics,
Management and Law (IEML) of the Russian State University for the Humanities
PhD (Law)

The paper discusses the theoretical and practical basis of ontological conflicts of natural and positive principles of legal regulation and ways to overcome them.

The author focuses on the interpretative and doctrinal model of legal regulation.

Keywords: ontological conflict, legal status, the jus-naturalism, positivism, interpretation, principle model, legal doctrine.

Специфика права в формах отражения действительности столь многогранна, что представленное в статье противостояние и возможное сближение позитивистской и естественно-правовой парадигмы — лишь один из аспектов его сущности.

В поисках новой постклассической парадигмы правопонимания многие авторы неизбежно возвращаются к первоисточникам — юснатурализму или юспозитивизму ввиду отсутствия у них опорного критерия, позволяющего обосновать варианты интегративной конвергенции. Соглашаясь с «теорией парадигм» Т. Куна¹, предпола-

гающей отказ от существующих классических стандартов, на примере профессиональной деятельности следует признать необходимость обоснования новой универсальной концепции права. Однако нельзя не согласиться с Б.А. Кистяковским, который полагал, что в иных науках не существует «столько противоречащих друг другу теорий, как в науке о праве»². И действительно это так; даже если ограничиться принятыми в науке определениями права, то они «четко распределяются по двум группам в зависимости от того, на какие традиции опирались их

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 2001. С. 9–268.

² Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 374.

авторы — естественного права или юридического позитивизма»³. Тем не менее отечественные правоведы не оставляют попыток обоснования универсальной парадигмы, отдавая предпочтение новым научным подходам. Все они базируются на неклассической рациональности — постмодернистских гносеологических установках, призванных преодолеть дихотомию традиционного правопонимания. Так, П.А. Оль под воздействием современных теоретических представлений о праве пришел к верному выводу о том, что «неэклетическое объединение исторически сложившихся концепций правопонимания возможно через выявление некоего центрального аспекта, связанного с социальным предназначением правового феномена»⁴. Другими словами, синтез различных трактовок права возможен лишь в рамках общего социально значимого критерия правопонимания. Социологический позитивизм, предлагающий наиболее широкое и всеобъемлющее видение права, вполне объективно оказывается в роли интегральной парадигмы, но по результатам и он привязан к порокам позитивизма, а значит, неудобен для компромисса. При этом социологический позитивизм позволяет быстро интегрировать различные формы проявления права — юридические тексты, правоотношения, правосознание и т.д. При этом за бортом такой интеграции оказываются все содержательные характеристики права, что порождает тенденциозность и неполноту правопонимания. Любая норма права объективируется в трех основных формах: как правоотношение, в рамках которого реализуется соответствующее правило поведения; как правосознание всех участников данного правоотношения и как юридический текст, фиксирующий ее содержание. В этом смысле интегральность являет-

ся имманентной целью любой теории «как неотделимо от нее стремление к совершенству, целостности и непротиворечивости, к объяснению всех существующих фактов, релевантных искомому предмету»⁵. Следует признать, что вся история теории права — история эволюции интегрального знания о праве. Но особое место занимает вопрос о том, можно ли интегрально соединить позитивизм и юснатурализм, без ущерба для сущности каждого из этих подходов? При использовании постклассических парадигм, на наш взгляд, это не представляется возможным в силу их ортодоксального противостояния. Более того, «приверженцам любой концепции права все иные теории видятся как неинтегральные, обладающие отчетливо выраженным качеством неполноты, нецелостности, неполноценности»⁶.

В современных концептуальных основах правопонимания имеет место инфляционная динамика, расширяющая интерпретационные границы сущности права. Разнообразные теории заполняют «правовые пустоты», но не сближают, а усугубляют расхождения между естественно-правовыми и позитивистскими интерпретациями его объективной оценки. Постклассическое «размывание» традиционных подходов хотя и позволяет выявить новые аспекты правопонимания, но не способно его интегрировать. Указанные обстоятельства определяют необходимость возвращения к научным корням в поисках парадигмы для интегральных теорий. Однако, как убедительно рассуждал И.Ю. Козлихин, под вывеской «интегративных» позиционируются самые разные представления о праве: и эклектичные, и вполне определенные,

³ Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 11.

⁴ Оль П.А. Правопонимание: от плюрализма к двудеиству. СПб., 2005. С. 175.

⁵ Поляков А.В. Интегральная теория: миф или реальность? // Философия права в России: история и современность : материалы Третьих философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца (г. Москва, 2—3 октября 2008 г.) : сб. науч. ст. / отв. ред. В.Г. Графский. М. : Наука, 2009. С. 236.

⁶ Там же. С. 235.

в конечном счете тяготеющие к одному из двух базовых типов правопонимания⁷.

Не вполне оправданной, на наш взгляд, является и позиция А.В. Полякова, полагающего, что проблему их противостояния «можно разрешить, или обосновав невозможность существования теории, снимающей противоречия дихотомической конструкции „позитивизм — юснатурализм“, или, наоборот, обосновав возможность существования такой синтетической теории в рамках новой гносеологии и онтологии»⁸.

Однако все неклассические интегральные теории правопонимания, несомненно, тяготеют к позитивизму и неизбежно диссонируют с иными подходами.

Одним из вариантов возвращения к истокам правопонимания и способом разрешения данной коллизии в правовой науке является признание правосознания индивида и общества в качестве первоисточника права, ибо нельзя игнорировать взаимодействие разнонаправленных мотивационных и ценностных обоснований при выработке правильной модели поведения в конкретном правоотношении. В этой связи представляется важной опора на правовую аксиологию как некий объединяющий эталон для целей правового регулирования. Отсюда онтологическая связь ценностной человеческой экзистенции и нормы права, хотя и нельзя полностью отождествлять волевую мотивацию и онтологическую сущность права. Именно поэтому поиск оптимальных, компромиссных начал в теориях правопонимания неизбежно подводит к самым универсальным ка-

тегориям — принципам, благодаря которым осуществляется фактическое и юридическое взаимодействие всех концептуальных начал в праве и правоприменительной практики. Принципы права всегда изобилуют абстракцией и неоднозначностью интерпретаций со стороны законодателя, а их априорный идеализм порождает феномен так называемого надпозитивного права. Именно в нем преломляется естественно-правовая парадигма с абстрактной и неоднозначной трактовкой смысла принципа в позитивистскую, где право приобретает формальную определенность в содержательную конструкцию посредством правовых норм для практической реализации. При этом любой принцип права имманентно содержит разные аспекты правосознания, включая естественно-правовой и позитивистский.

Объективную ценность естественно-го права признавал и многогранно интерпретировал В.С. Нерсесянц⁹, обосновавший либертарно-юридическую теорию права и государства, в которой сделана попытка использовать и объединить достижения как юснатурализма, так и позитивизма. Он проследил эволюцию проблемы их коллизионного взаимодействия во взглядах выдающихся теоретиков права, включая оригинальные воззрения Р. Марчича (и других представителей венской школы) относительно того, что «естественное право есть препозитивная основа позитивного права как абсолютная абсолютность; логически это не доказуемо, но онтологически обнаруживаемо феноменологическим путем»¹⁰. С точки зрения академика В.С. Нерсесянца, особое значение имеет практическое утверждение исторически достигнутой меры равенства, свободы и справедливости в форме пра-

⁷ Козлихин И.Ю. Интегральная юриспруденция: дискуссионные вопросы // *Философия права в России: история и современность*. С. 242–253.

⁸ Поляков А.В. Коммуникативная теория права как вариант интегрального правопонимания // *Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе (к 70-летию профессора В.Г. Графского)* : сб. ст. / отв. ред. Л.Е. Лаптева. М. : Nota Bene, 2008. С. 10.

⁹ Нерсесянц В.С. *Общая теория права и государств* : учебник для вузов. М. : Норма: ИНФРА-М, 2015. 560 с.

¹⁰ Marcic R. *Das Naturrecht als Grundnorm der Verfassung* // *Das Naturrecht in der Politischen Theorie* / Franz-Martin Schmölz. Wien : Springer, 1963. S. 85–86.

вового закона. Он считает, что его либертарно-юридический подход к праву не отрицает правового содержания, а, наоборот, развивает юридическое понимание нормативности права, «юридизирует» закон. Таким образом, либертарно-юридическая теория подтверждает необходимость стыковки интерпретации принципа формального равенства и нормы закона.

Обращаясь к издержкам юснатуризма, следует отметить признание им наличия объективного права в виде универсальных ценностей, имеющих лишь потенциально нормативный характер, но определяющих саму правомерность позитивного права как формы его одностороннего воплощения. Но при всей значимости и разнообразии современных естественно-правовых теорий и направлений (неотомистское, экзистенциальное, феноменологическое, герменевтическое, неогегельянское и др.) они сами изобилуют противоречиями и не способны без позитивного права обеспечить реальный механизм правового регулирования. Эти противоречия становятся явными в контексте дихотомии конфликтно-компромиссной онтологии права в концепции юснатуризма, где ставка на приоритетность прав и свобод граждан совершенно не корреспондируется с обязанностями, отданными на «откуп» позитивному праву. Выработанный ими принцип «разрешено все, что не запрещено» в полной мере оправдывает правовое закрепление однополых браков и аборт на разных сроках беременности, эвтаназию и иные порочные формы в осмыслении сущности права. Между тем хорошо известно, что нормы и принципы права не должны содержать противоречий и нарушать логику естества. Парадоксально, но именно в этом формате юснатуризм ведет к расколу права и морали. Нет сомнений и в том, что в юснатуризме искажается истинный смысл таких категорий, как «равенство» и «равноправие», которые разделены пропастью в философии права и в реальной жизни.

Но этого нельзя сказать о «равноправии», в котором реализуется формально юридическая основа бытия права в виде принципа по отношению к человеку и обществу. Однако «равноправие» как принцип — лишь начало «справедливости» как принципа права, но не его сущность, ибо «справедливость» определяется мерой получаемых материальных и нематериальных благ в соответствие с долей вложенных усилий. Именно категория «справедливости» в юснатуризме признается фундаментальной и значимой для его сущности и обоснования иных принципов права. Однако любая попытка поместить «большее» в «меньше» всегда порождает противоречие и, как следствие, конфликт. Так возникает противоречие между общей мерой справедливости, закрепленной законом, и возможностью ее реализации в конкретной ситуации. Решать эту проблему юснатуристы пытаются путем компромисса и подмены содержательной сущности категории «справедливость». Таким образом, эта категория вызывает правовой конфликт, заключающийся в количественном и качественном определении меры свободы и равенства для всех субъектов права. Как правильно отмечал В.С. Соловьев: «Справедливость — не просто равенство, а равенство, связанное с осуществлением должного и расплатой каждого за его поступки»¹¹. Однако и здесь есть множество противоречий, так как **формальное приложение принципа «равенства всех перед законом и судом» к неравным по статусу лицам в рамках государственной иерархии фактически цементирует неравенство и известный формализм юридической ответственности.**

Все это не может не отражаться на дуализме общественного правосознания российских граждан с элементами правового нигилизма и злоупотребления правом. Правоприменительная практика указывает на многочисленные

¹¹ Соловьев В.С. Право и нравственность. М.: АСТ, Минск: Харвест, 2001. С. 92–98.

«смягчающие обстоятельства», которые используются судами прямо пропорционально фактическому статусу виновного должностного лица. Именно это разрушает принцип справедливости и делегитимирует демократическую власть. А если добавить наличие в праве конституционных привилегий и преференций, в форме статусных бонусов (иммунитетов и индемнитетов), то формальная целесообразность в праве однозначно перевесит любую справедливость и любое равноправие. Исторически доказано, что любые правопривилегии — убийцы права и рост их содержательного объема так же опасен, как и расширение форм злоупотребления ими. Правовые ошибки и коллизии особенно заметны там, где и когда ими нарушается существующий порядок, но там, где они положены в основу порядка, их не замечают, что, несомненно, отражается в общественном сознании.

Таким образом, надпозитивные ценности права в таких категориях, как «справедливость», «свобода» и «равенство», настолько абстрактны и лишь потенциально нормативны, что их онтология превращается в некий собирательный смысловой эталон, по-разному интерпретируемый языком позитивного и естественного права, с учетом интересов государства, общества и личности. Но создание и функционирование интерпретационных моделей принципов права позволит учесть их «идейную надпозитивность» в законодательной практике. Важно признать, что любой принцип права «вечно собирается статьями», но не может быть определен и воплощен в них полностью. Но посредством интерпретации принципы права, отражающие абстрактную правовую ценность, получают закрепление в норме, регулирующей конкретные правоотношения. Тем самым действие права обеспечивает различие в интерпретации закрепленных в праве принципов, в зависимости от целей и задач правотворчества и условий его реализации.

Известно, что в праве отсутствует официальное толкование принципов права, а значит, смысловое содержание любого принципа детерминировано контекстом и требует доказательной базы. В их целесообразном толковании сосредоточена актуальная текущая юридическая практика, но не весь имманентный смысловой потенциал, что позволяет отметить необходимость их официального толкования законодателем. Без глубокого анализа принципов права не может быть решена проблема формирования единства «правового пространства» страны, обеспечена и сохранена преемственность в развитии правовой системы, единство теории и практики. Как правильно отмечает Е.В. Скурко, «в юриспруденции сложилось представление о принципах права как исходных идеях, установках, лежащих в основе развития и функционирования права и составляющих его нравственную и организационную основу, что делает их категорией крайне абстрактной. Поэтому их практическое использование затруднено, оно позволяет со ссылкой на принципы права осуществлять правоприменение произвольно либо не применять вовсе в силу их высокой абстрактности»¹². Их использование в рамках гражданского права при вынесении судами решений по аналогии, пожалуй, — одно из немногих оснований для их подлинного анализа.

Интересный анализ правопонимания и принципов права приведен профессором А.И. Бобылевым¹³, который, в частности, постулирует необходимость конвергенции трех основных подходов к правопониманию (естественно-правового, позитивистского и социологического). Очевидным решением проблемы, по мнению

¹² Скурко Е.В. Принципы права в современном нормативном правопонимании. М. : Юрлитинформ, 2008. С. 197.

¹³ Бобылев А.И. Правопонимание и принципы права // Право и государство. 2009. № 3. С. 6–12.

А.В. Нестерова¹⁴, представляется необходимость легитимизации принципов права в правовой доктрине РФ, которая должна быть утверждена высшим государственным органом. Воля законодателя и правоприменителя (когда речь идет о Конституционном Суде и Верховном Суде Российской Федерации) не может быть понятой в полном объеме без интерпретационных трактовок тех или иных аспектов принципа права применительно к конкретным правоотношениям. Тем самым интерпретация принципа порождает известный компромисс естественно-правовых и позитивистских начал его сущности, утверждая своего рода границы его реализации при имеющихся возможностях государства, включая финансовое обеспечение. Нет и не может быть прямого толкования принципа права как дефиниции, но его «надпозитивная» интерпретация, оформленная в позитивной форме, может и должна учитывать ценностные аспекты естественно-правовых основ, т.е. не противоречить морально-нравственным, этическим требованиям и устоям общества. Тем самым дух права ретранслируется в букву закона в нормотворческой деятельности компетентных органов высшей законодательной и судебной власти посредством интерпретационной модели принципа права. Подобная практика — фундаментальная основа для сближения позиций не только позитивизма и юснатурализма, но и иных разнонаправленных концепций правопонимания. Именно на законодательном уровне, при рассмотрении законопроектов в комиссиях Государственной Думы и Совета Федерации, необходимо акцентированно проверять соответствие норм законопроекта тем принципам права, которые положены в его основу, посред-

вом обоснования способа интерпретационной модели каждого принципа. Зачастую принцип права воспринимается формально, без анализа его модели, применимой к нормам конкретного законопроекта, что существенно снижает эффективность и полноту механизма правового регулирования. Конкретизация идейных основ принципа права и может быть формой его интерпретации для норм конкретного правового акта. Следовательно, представляется неизбежным создание механизма интерпретации принципов Федеральным Собранием Российской Федерации и Высшими судами, что обеспечит практическое сближение естественно-правовых и позитивистских начал правового регулирования.

Еще одним направлением для сближения юснатурализма и позитивизма видится ориентация на правовую доктрину, где неизбежным является взаимодействие и компромисс между ними. Именно в доктрине реализуется расширительный вариант интерпретации принципов права, порождающих логику и системность законодательства. Неслучайно этот вариант прослеживается еще со времени римского права, где в рамках кодификации Юстиниана прямо закреплено данное взаимодействие. Как отмечает Л.И. Петрова¹⁵, именно доктринальные основы Римского права, включающие Дигесты (или Пандекты), научные труды авторитетных римских юристов — Модестина, Павла, Юлиана, Ульпиана, Цельсия, Гая, Мела, Прокула, Помпония и др., ценностные принципы права, такие как *bond fides* (добросовестность) или *boni mores* (добрые нравы), или *deguistas* (равенство, справедливость, благородство), обеспечили объективацию и направленность всего позитивного права.

Таким образом, интерпретационная модель принципов права и правовая доктрина как тактическая и стратеги-

¹⁴ Нестеров А.В. О доктринах, концепциях и стратегиях // Конституция и доктрины России современным взглядом : материалы Всероссийской конференции (г. Москва, 17 марта 2009 г.) : сб. науч. ст. М. : Научный эксперт, 2009.

¹⁵ Петрова Л.И. О естественном и позитивном праве // Государство и право. 1995. № 2. С. 32–41.

ческая основа правообразования и правоприменения позволят, на наш взгляд, интегрировать разнообразные теории

правопонимания и обеспечить должное качество механизма правового регулирования.

Литература

1. Бобылев А.И. Правопонимание и принципы права / А.И. Бобылев // Право и государство. 2009. № 3. С. 6–12.
2. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б.А. Кистяковский. Москва : М. и С. Сабашниковы, 1916. 704 с.
3. Козлихин И.Ю. Интегральная юриспруденция: дискуссионные вопросы / И.Ю. Козлихин // Философия права в России: история и современность : материалы Третьих философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца (г. Москва, 2–3 октября 2008 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор В.Г. Графский. Москва : Наука, 2009. С. 242–253.
4. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун ; перевод с английского И.З. Налетов [и др.]. Москва : АСТ, 2001. 605 с.
5. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы / Г.В. Мальцев. Москва : Прометей, 1999. 419 с.
6. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства : учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2015. 560 с.
7. Нестеров А.В. О доктринах, концепциях и стратегиях / А.В. Нестеров // Конституция и доктрины России современным взглядом : материалы Всероссийской конференции (г. Москва, 17 марта 2009 г.) : сборник научных статей. Москва : Научный эксперт, 2009. 496 с.
8. Оль П.А. Правопонимание: от плюрализма к двуединству / П.А. Оль. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2005. 241 с.
9. Петрова Л.И. О естественном и позитивном праве / Л.И. Петрова // Государство и право. 1995. № 2. С. 32–41.
10. Поляков А.В. Интегральная теория: миф или реальность? / А.В. Поляков // Философия права в России: история и современность : материалы Третьих философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца (г. Москва, 2–3 октября 2008 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор В.Г. Графский. Москва : Наука, 2009. С. 234–242.
11. Поляков А.В. Коммуникативная теория права как вариант интегрального правопонимания / А.В. Поляков // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе (к 70-летию профессора В.Г. Графского) : сборник статей / ответственный редактор Л.Е. Лаптева. Москва : Nota Bene, 2008. С. 8–25.
12. Скурко Е.В. Принципы права в современном нормативном правопонимании / Е.В. Скурко. Москва : Юрлитинформ, 2008. 195 с.
13. Соловьев В.С. Право и нравственность / В.С. Соловьев. Москва : АСТ, Минск : Харвест, 2001. 192 с.
14. Marcic R. Das Naturrecht als Grundnorm der Verfassung / R. Marcic // Das Naturrecht in der Politischen Theorie / Franz-Martin Schmölz. Wien : Springer, 1963. S. 70–90.

References

1. Bobylev A.I. Pravoponimanie i printsipy` prava [Legal Consciousness and Legal Principles] / A.I. Bobylev // Pravo i gosudarstvo — Law and State. 2009. № 3. S. 6–12.
2. Kistyakovskiy B.A. Sotsialny`e nauki i pravo. Ocherki po metodologii sotsialny`kh nauk i obschey teorii prava [Social Sciences and Law. Sketches of the Methodology of Social Sciences and the General Law Theory] / B.A. Kistyakovskiy. Moskva : M. i S. Sabashnikovy` — Moscow : M. and S. Sabashnikovy, 1916. 704 s.

3. Kozlikhin I.Yu. Integralnaya yurisprudentsiya: diskussionny'e voprosy' [Integral Jurisprudence: Discussion Issues] / I.Yu. Kozlikhin // *Filosofiya prava v Rossii: istoriya i sovremennost : materialy' Tretiykh filosofsko-pravovy'kh chteniy pamyati akademika V.S. Nersesyantsa* (g. Moskva, 2–3 oktyabrya 2008 g.) : sbornik nauchny'kh statey ; otvetstvenny'y redaktor V.G. Grafskiy [Legal Philosophy in Russia: The History and Modern Times : files of the Third Philosophical and Legal Readings in the Memory of Academician V.S. Nersesyants (Moscow, October 2 to 3, 2008) : collection of scientific articles ; publishing editor V.G. Grafskiy]. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 2009. S. 242–253.
4. Kuhn T. Struktura nauchny'kh revolyutsiy ; perevod s angliyskogo I.Z. Naletov [i dr.] [The Structure of Scientific Revolutions ; translation from English by I.Z. Naletov [et al.]] / T. Kuhn. Moskva : AST — Moscow : AST, 2001. 605 s.
5. Maltsev G.V. Ponimanie prava. Podkhody' i problemy' [Legal Consciousness. Approaches and Issues] / G.V. Maltsev. Moskva : Prometey — Moscow : Prometheus, 1999. 419 s.
6. Nersesyants V.S. Obschaya teoriya prava i gosudarstva : uchebnik dlya vuzov [The General Theory of Law and State : textbook for higher educational institutions] / V.S. Nersesyants. Moskva : Norma: INFRA-M — Moscow : Norm: INFRA-M, 2015. 560 s.
7. Nesterov A.V. O doktrinach, kontseptsiyakh i strategiyakh [On Doctrines, Concepts and Strategies] / A.V. Nesterov // *Konstitutsiya i doktriny' Rossii sovremenny'm vzglyadom : materialy' Vserossiyskoy konferentsii* (g. Moskva, 17 marta 2009 g.) : sbornik nauchny'kh statey [A Modern View on the Russian Constitution and Doctrines : files of an all-Russian conference (Moscow, March 17, 2009) : collection of scientific articles]. Moskva : Nauchny'y ekspert — Moscow : Scientific Expert, 2009. 496 s.
8. Ol P.A. Pravoponimanie: ot plyuralizma k dvuedinstvu [Legal Consciousness: From Pluralism to Duality] / P.A. Ol. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2005. 241 s.
9. Petrova L.I. O estestvennom i pozitivnom prave [On Natural and Positive Law] / L.I. Petrova // *Gosudarstvo i pravo — State and Law*. 1995. № 2. S. 32–41.
10. Polyakov A.V. Integralnaya teoriya: mif ili realnost? [The Integral Theory: A Myth or Reality?] / A.V. Polyakov // *Filosofiya prava v Rossii: istoriya i sovremennost : materialy' Tretiykh filosofsko-pravovy'kh chteniy pamyati akademika V.S. Nersesyantsa* (g. Moskva, 2–3 oktyabrya 2008 g.) : sbornik nauchny'kh statey ; otvetstvenny'y redaktor V.G. Grafskiy [Legal Philosophy in Russia: The History and Modern Times : files of the Third Philosophical and Legal Readings in the Memory of Academician V.S. Nersesyants (Moscow, October 2 to 3, 2008) : collection of scientific articles ; publishing editor V.G. Grafskiy]. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 2009. S. 234–242.
11. Polyakov A.V. Kommunikativnaya teoriya prava kak variant integralnogo pravoponimaniya [The Communicative Law Theory as a Variant of Integral Legal Consciousness] / A.V. Polyakov // *Pravovy'e idei i instituty' v istoriko-teoreticheskom diskurse (k 70-letiyu professora V.G. Grafskogo)* : sbornik statey ; otvetstvenny'y redaktor L.E. Lapteva [Legal Ideas and Institutions in the Historical and Theoretical Discourse (on the 70th Anniversary of Professor V.G. Grafskiy) : collection of articles ; publishing editor L.E. Lapteva]. Moskva : Nota Bene — Moscow : Nota Bene, 2008. S. 8–25.
12. Skurko E.V. Printsipy' prava v sovremennom normativnom pravoponimanii [Legal Principles in Modern Normative Legal Consciousness] / E.V. Skurko. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2008. 195 s.
13. Solovyev V.S. Pravo i нравственность [Law and Morality] / V.S. Solovyev. Moskva : AST, Minsk : Kharvest — Moscow : AST, Minsk : Kharvest, 2001. 192 s.
14. Marcic R. Das Naturrecht als Grundnorm der Verfassung / R. Marcic // *Das Naturrecht in der Politischen Theorie ; Franz-Martin Schmölz*. Wien : Springer, 1963. S. 70–90.

Нация и этнос

Рымарь Светлана Викторовна,
доцент Муромского института (филиал)
Владимирского государственного университета,
кандидат филологических наук, доцент
svetlavir@mail.ru

В статье содержится критика мифических, в сущности, условных либеральных представлений о русской нации. В своей критике автор опирается на идеи выдающихся русских филологов, языковедов, писателей, философов, этнологов.

Ключевые слова: народ, народность, нация, племя, человечество, человек, идентичность, этнос.

Nation and Ethnos

Rymar Svetlana V.
Associate Professor of the Murom Institute (Branch) of the Vladimir State University
PhD (Philology), Associate Professor

The article contains a criticism of the mythical, in fact, conditional liberal ideas about the Russian nation. In his criticism the author relies on the ideas of outstanding Russian philologists, linguists, writers, philosophers, ethnologists.

Keywords: people, nationality, nation, tribe, humanity, man, identity, ethnos.

В современных публикациях на эту тему нет четкого понимания взаимоотношений понятий, обозначаемых данными терминами. Работы по этому вопросу носят преимущественно публицистический характер. В данных работах, как правило, не учитываются результаты классической науки в этой области знания. Создается впечатление, что автор, пишущий на данную тему, начинает с нуля, как бы соревнуясь с другими авторами своей оригинальностью. В результате в обсуждение этой темы вбрасываются в принципе методологически не различающиеся мифологемы, которые не отражают действительного положения вещей. Общей их чертой является заметно выраженное гелертерство, нередко восполняемое авторской амбицией. Но в этих публикациях, как подтекст, подспудно, присутствует зависимость от неолиберальных американских «концепций нации», или «идентичности».

Между тем в классической отечественной и европейской науке дав-

но утвердился взгляд на эти фундаментальные категории, на их историческую реальность, их сущность и дифференцированность в истории человечества.

В толковых словарях русского языка, в том числе и академических, составление которых основывается на многомиллионной словарной Картотеке из авторитетной художественной и специальной литературы, эти термины и соответствующие им понятия четко разграничены и определены.

Так, в лучшем академическом толковом «Словаре русского языка» (М.; Л., 1984) под редакцией лексикографа с мировой известностью А.П. Евгеньевой мы находим: «Этническая общность — исторически сложившаяся устойчивая социальная группировка людей (племя, народность, нация) (от греч. *edvikos* — племенной, народный)». Это определение с незначительными уточнениями повторяется в авторитетном «Словаре иностранных слов», выдержавшем более 20 изданий: «...этническая общность — иначе этнос —

исторически сложившаяся устойчивая социальная группировка людей — племя, народность, нация» (М., 1992).

Как известно, основательному исследованию этноса и его генеза посвящены капитальные труды Л.Н. Гумилева («Этногенез и биосфера Земли». Л., 1989; «Конец и вновь начало». М., 2001). Теория этноса Л.Н. Гумилева охватывает историческое движение многочисленных племен и народов всей Евразии и, по сути дела, весь ее исторический период, измеряемый многими столетиями и тысячелетиями. Автор оперирует этносом как предельно обобщенной формой человеческого существования на Земле, рассматривая эту форму преимущественно ретроспективно, со времени зарождения. Историческое движение этносов подчиняется биологическим, природным, географическим и культурным факторам. «...Социальные закономерности развития человечества, — писал он, — не „отменяют“ действия закономерностей биологических»¹.

Главными категориями в этом, прежде всего, биологическом и природном движении человечества является этнос, суперэтнос и субэтносы, гибко отражающие, по автору, взаимодействия народов на каждом таком уровне их исторического изучения. По Л.Н. Гумилеву, этнос — это «естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя таким же коллективам, исходя из ощущения комплементарности»², т.е. симпатий.

Путь существования человечества, возникновение и дифференциация этносов в этом предельно обобщенном процессе не могли не быть теснейшим образом связанными с биологическими, природными, географическими ус-

ловиями и, по утверждению автора, с космосом. «...Есть закон развития, относящийся к этносам, как к любым явлениям природы. Проявление его в многообразных процессах мы называем этногенезом»³. На основе изучения многих этносов на просторах Евразии как природных образований Л.Н. Гумилев устанавливает среднюю продолжительность их жизни — 1200—1500 лет⁴. Так, русский и турецкий этносы он считает приблизительно равными по возрасту. Этносы имеют этапы своего исторического движения: зарождение, пассионарность, затухание.

Л.Н. Гумилев не отрицает существования меньших форм жизни человечества: родовых союзов, племен, племенных союзов, народностей и, наконец, наций. «Народ, народность, нация, племя, родовой союз — все эти понятия означаются в этнологии одним термином этнос, раскрытию которого и посвящена настоящая книга»⁵.

Разумеется, при таком предельно обобщенном подходе к истории множества этносов Евразии на протяжении многих столетий и даже тысячелетий указанные выше формы существования человечества не могли стать предметом изучения автора. К тому же он признает, что в этих конкретных формах развития этноса участвуют общественные закономерности развития.

Заметим, что, во-первых, без этих форм существования человечества, не нарушающих тождества этноса, а, напротив, сохраняющих в историческом движении инвариантные его признаки, не могло быть и этноса как такового. И, во-вторых, исследование этих форм, где действуют преимущественно социальные, общественные закономерности развития, потребовало бы в каждом случае другой методологии.

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. С. 16.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 27.

⁴ Гумилев Л.Н. Записки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3. С. 20.

⁵ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 25.

Человек, как личность, является носителем и выразителем особенностей этноса, т.е. сообщества людей, отличающихся, по Л.Н. Гумилеву, от людей других этносов «стереотипом поведения». Однако это весьма общая характеристика; конкретно же человек существует в той или иной фазе, или форме этноса — племени, народности, нации. Исследование же личности, принадлежащих сообществу, находящемуся в определенной фазе этноса, например нации, требует многосторонних, детальных исследований антропологических, духовных, психологических, лингвистических, нравственных, этических и других качеств и особенностей конкретного народа, наконец, материальных условий жизни. В русской общественно-политической и философской мысли эта сторона жизни нации отражалась в категории и в соответствующем ей термине — народность⁶.

Возникновение общественных форм и этносов в истории человечества, по Л.Н. Гумилеву, не совпадает; это разные явления со своими закономерностями: «...Каждый человек является одновременно и членом общества, и представителем народности, но оба эти понятия не соизмеримы и лежат в разных плоскостях...»⁷. Это, в общем, верное утверждение, однако оно нуждается всякий раз в уточнении и конкретизации. Различные фазы развития этноса

обуславливают, в свою очередь, определенный тип общественной организации, особенно это касается высших форм движения этноса (ср. народность, нация).

К сожалению, комплексных, целенаправленных исследований различных форм движения этноса в настоящее время не имеет ни один народ. Существуют, как правило, разрозненные этнографические, лингвистические, исторические, психологические, страноведческие и другие исследования соответствующих сторон жизни народа (этноса в той или другой фазе его развития). Но примеров сведения этих сторон изучения жизни народа на определенном этапе его этнического развития в единую систему (= народность), отражающую онтологическую индивидуальность того или другого народа, нет. И неизвестно, когда такие комплексные, синтезирующие труды появятся.

Учение Л.Н. Гумилева об этногенезе, историческом движении этносов, последовательности составляющих фаз этого движения не противоречит представлениям отечественных ученых, преимущественно уделявших внимание позднейшим фазам движения этноса, в частности русского (ср. изучение восточнославянских родовых союзов, племен и племенных союзов, восточнославянских народностей и, наконец, русской нации). Учение Л.Н. Гумилева не противоречит концепциям Н.Я. Данилевского о национально-культурных типах, положениям о нации В.С. Соловьева, Н.Г. Леонтьева, А.А. Потебни, С.Н. Булгакова, Н.С. Трубецкого и других русских мыслителей. Иначе говоря, учение об этногенезе Гумилева представляется фундаментальным биологическим, антропологическим обоснованием формирования указанных сменяющих друг друга отдельных этапов развития этноса. При этом в учении о народности, активно разрабатывавшемся в русской общественно-политической, литературной и философской

⁶ Слово «народность» многозначно. В данной работе оно употребляется в значениях, которые определены в авторитетных словарях, а также авторами, специально изучавшими народность как онтологическую и философскую категорию, например, Даль В.И.: «Народность, совокупность свойств и быта, отличающих один народ от другого», Потебня А.А.: «Народность есть то, что отличает один народ от другого» (см.: Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. С. 192). «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой: «...1. Исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей, предшествующая нации... 2. Национальная, народная самобытность». См.: Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986. Т. 2. С. 389.

⁷ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 21.

мысли XIX в., органически согласуются и даже «сливаются» природные, физические, духовные, психологические, социальные, этические и другие признаки народа, живущего в определенных исторических условиях.

Надо, однако, отметить, что есть и другие представления о возрасте, условиях формирования и существования, в частности, русского этноса, предполагающие большую историческую глубину. Так, И.А. Ильин пишет: «Выдающийся русский антрополог нашего времени, пользующийся мировым признанием, профессор А.А. Башмаков, устанавливает замечательный процесс расового синтеза, осуществившегося в истории России и включившего в себя все основные народности ее истории и территории. В результате этого процесса получилось некое величавое органическое „единообразие в различии“». В этом единообразии в различии лежит ключ к русской загадке, которая сочетает эти два противоположные начала в единое устойчивое и умеряющее соотношение; в нем реализуется вся история этих девяти веков, разрешивших между Эвксинским Понтом и пятидесятой параллелью ту проблему, которую многие другие расы тщетно пытались разрешить и которая состояла в творческом закреплении человеческих волн, вечно обновляющихся и вечно распадавшихся»⁸.

Согласно А.А. Башмакову, этот русский успех там, где 100 различных рас потерпели неудачу, должен непременно иметь антропологический эквивалент, формулу, резюмирующую выражение этой исторической мощи, которая привела к успеху после тысячи лет приспособления славянской расы.

«Вот эта формула. Русский народ, славянский по своему языку, смешанный по крови и по множественной наследственности, роднящей его со все-

ми расами, сменявшимися друг друга до него на Русской равнине, — представляет собою в настоящее время некую однородность, ярко выраженную в черепноизмерительных данных и весьма ограниченную в объеме отклонений от центрального и среднего типа представляющей им расы. В противоположность тому, что все воображают, русская однородность есть самая установившаяся и самая ярко выраженная во всей Европе»⁹.

Антропологические данные, полученные А.А. Башмаковым и приведенные в его труде «Пятьдесят веков этнической эволюции вокруг Черного моря» (Париж, 1937), подтвердили американские антропологи в своих измерениях. А.А. Башмаков объясняет такой итог, в частности, тем, что на протяжении многих веков иноплеменники умыкали русских женщин, которые рожали им полурусских детей. В то же время русские строго придерживались национальной близости, не брали жен-иноплеменниц (чужой веры). Как пишет автор, «этот вековой процесс создал в русском типе пункт сосредоточения всех творческих сил, присущих народам его территории»¹⁰.

Нация — это общественно-природная форма существования этноса на определенном этапе его исторического движения. Образование наций в Европе преимущественно относится к новейшей ее истории. В современных условиях это высшая, самая представительная форма существования этноса, а следовательно, и человечества вообще.

Формирование наций было вызвано необходимостью создания крупных централизованных государств под воздействием мощных объективных в тех условиях центростремительных сил: исторических, политических, экономических, социальных, военных, духовных, религиозных и др. Это был этап жизни человеческих сообществ, когда

⁸ Ильин И.А. Наши задачи: историческая судьба и будущее России: статьи 1948–1954 гг. : в 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 237.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 238.

феодалная раздробленность себя исчерпала во всех отношениях, когда над обособленными феодальными владениями (племенами, союзами племен и даже народностями) нависла угроза порабощения, ассимиляции и даже физического уничтожения более сильными противниками. Поэтому близкородственные союзы племен сливались в народности, а затем под действием названных и других факторов создавали мощные государства — нации с единым центром (столицей), определенным государственным строем, экономикой, рынком, военной мощью и др. Важное значение в этом процессе имеет религия, формирующаяся национальная культура, государственная идеология. Одновременно с этими факторами консолидирующую роль в образовании нации — государства на завершающей стадии формирования играло образование национального языка, основой которого служил говор или диалект центра (столицы). Завершающим этапом в общественном и духовном сознании нации является создание в органической связи национального литературного языка и национальной реалистической литературы.

Но будучи наиболее развитой современной фазой движения этноса, нация не нарушает его тождества. Мы не отделяем себя от русского народа времен Нестора-летописца, митрополита Иллариона, князя Игоря, Дмитрия Донского, Сергия Радонежского, Ивана Грозного..., несмотря на то, что время князя Игоря относится к эпохе племенных союзов Киевской Руси. На протяжении всей своей истории этнос сохраняет свое тождество, свои инвариантные качества и признаки.

Мощный поток центростремительных сил при образовании нации увлекал и неродственные племена и народности, близкие по территории, экономическим, культурным и иным связям. Разумеется, в эту эпоху крупные централизованные государства образовывались и путем завоевания но-

вых территорий, расширения границ. Особенностью образования Русского государства явилось то, что неродственные племена и народности, влившиеся в него, не подвергались насильственной ассимиляции, как это было при образовании наций Западной Европы, а тем более не уничтожались, как это случилось с коренным населением при образовании США.

Напротив, многие малые народы избежали подобной участи в Российском государстве, сохранив национально-культурную автономию «под гранью дружеских штыков». При советской власти нации и народности получили установленные конституцией определенные формы государственности. Известную форму государственности имеют национальные образования и народности и Российской Федерации.

Для либералов признать такой ход человеческого развития, который доказан классической отечественной и европейской общественной наукой, а следовательно, согласиться с тем, что нация есть наиболее представительный в современных условиях этап движения этноса, — это значит отчасти признать и правоту марксистского подхода в оценке такого исторического движения этноса. Поэтому вместо научного подхода к этому сложнейшему процессу исторического развития человеческих сообществ либералы и неолибералы прибегают к мифам, к условным, конвенциональным определениям нации, что вполне согласуется с современными буржуазными течениями модернизма и постмодернизма с их условной, виртуальной действительностью.

Миф первый. Россия в настоящее время, т.е. после 70 лет советской власти, не представляет собой какого-то национального единства. Ее можно разделить на десятки (50–80) самостоятельных государств или штатов со своей государственностью, экономикой, денежной системой и проч. (Г. Попов, М. Гефтер, М. Салье, Г. Явлинский, Э. Россель и др.).

Миф второй. Нация понимается как гражданство, признаки которой определяет конституция, подобно «американской нации», или «американской идентичности» (Б. Ельцин, В. Путин, Д. Медведев, ряд «теоретиков», обеспечивающих либеральную национальную политику — В. Тишков, Э. Паин, Р. Абдулатипов и др., в том числе и заместитель главы администрации президента В. Сурков).

Миф третий. Полное отрицание нации как формы существования человечества, как этнического образования в определенных исторических условиях. Такой формы человеческого существования вообще нет в истории народов (А. Яковлев, А. Мелихов, И. Хакамада и др.).

Миф четвертый. Только с победой либеральной контрреволюции в России впервые создается нация. Ни в Россий-

ской империи, ни в СССР нации не было. Некоторые авторы добавляют, что создается так называемая политическая нация, при этом даже устанавливаются конкретные сроки этого создания — 10 лет (Т. Гурова¹¹ и др.).

В рассуждениях этих «теоретиков», авторов названных выше мифов нет даже упоминания о действительных нациях и народностях, образованных в результате исторического развития этноса, и в первую очередь о русской государствообразующей нации.

Мы привели нередко встречаемые, «засветившиеся» мифы. Но каждый либерал, пишущий на данную тему, как мы уже говорили выше, начинает с нуля, т.е. сочиняет очередной миф о своем понимании нации.

¹¹ Гурова Т. Братство в территориальных границах // Эксперт Юг. 2008. № 214. С. 8–11.

Литература

1. Гумилев Л.Н. Записки последнего евразийца / Л.Н. Гумилев // Наше наследие. 1991. № 3. С. 19–26.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев ; под редакцией В.С. Жекулина ; предисловие Р.Ф. Итса. 2-е изд., испр. и доп. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1989. 495 с.
3. Гурова Т. Братство в территориальных границах / Т. Гурова // Эксперт Юг. 2008. № 214. С. 8–11.
4. Ильин И.А. Наши задачи: историческая судьба и будущее России: статьи 1948–1954 гг. В 2 томах. Т. 1–[2] / И.А. Ильин ; составитель и автор вступительной статьи И.Н. Смирнов. Москва : Рарог, 1992. 616 с.
5. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. Киев : СИНТО, 1993. 192 с.

References

1. Gumilev L.N. Zapiski poslednego evraziytsa [Notes of the Last Eurasian] / L.N. Gumilev // Nashe nasledie — Our Heritage. 1991. № 3. S. 19–26.
2. Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli ; pod redaktsiyey V.S. Zhekulina ; predislovie R.F. Itsa. 2-e izd., ispr. i dop. [Ethnogenesis and the Biosphere ; edited by V.S. Zhekulin ; foreword by R.F. Its. 2nd edition, revised and enlarged] / L.N. Gumilev. Leningrad : Izd-vo LGU — Leningrad : Publishing house of the Leningrad State University, 1989. 495 s.
3. Gurova T. Bratstvo v territorialny`kh granitsakh [Brotherhood in Territorial Borders] / T. Gurova // Ekspert Yug — Expert South. 2008. № 214. S. 8–11.
4. Ilyin I.A. Nashi zadachi: istoricheskaya sudba i budushee Rossii: statyi 1948–1954 gg. V 2 tomakh. T. 1–[2] ; sostavitel i avtor vstupitelnoy statyi I.N. Smirnov [Our Tasks: The Historical Fate and the Future of Russia: Articles of 1948 to 1954. In 2 volumes. Vol. 1–[2] ; compiled and introductory article by I.N. Smirnov] / I.A. Ilyin. Moskva : Rarog — Moscow : Rarog, 1992. 616 s.
5. Potebnya A.A. My`sl i yazy`k [Thought and Language] / A.A. Potebnya. Kiev : SINTO — Kiev : SINTO, 1993. 192 s.

Хронологические собрания российского законодательства советского периода*

Ящук Татьяна Федоровна,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского,
доктор юридических наук
yashukomsu@mail.ru

Традиция составления хронологических собраний законодательства сложилась в Российской империи. В советский период такие издания выходили регулярно. Выделено несколько их типов. Во-первых, к хронологическим собраниям отнесены периодические издания, которые имели официальный статус и публиковали законы и нормативные акты. Основное назначение таких изданий заключалось не в упорядочении законодательства, а в обнародовании актов. Во-вторых, указаны различные перечни и сборники, составленные в порядке частной инициативы, но они также располагали отдельные акты в хронологическом порядке. В-третьих, выявлены и описаны все хронологические собрания законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Они были изданы в 1941, 1949 и 1959 гг. Рассмотрена деятельность по составлению Хронологических собраний законодательных актов и решений правительства СССР, хотя результаты данной систематизации не публиковались. Проведен сравнительный анализ объема, принципов отбора, содержания Хронологических собраний отдельных лет. Для иллюстрации выводов некоторые числовые данные приведены в таблице.

Ключевые слова: история права, советское право, систематизация законодательства, история законодательства, хронологические собрания законодательства.

Chronological Collections of Russian Laws of the Soviet Period

Yaschuk Tatyana F.
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Dostoevsky Omsk State University
LL.D.

The tradition of compiling chronological collections of legislation has developed in the Russian Empire. In the Soviet period, such publications were published regularly. There are several types of them. First, chronological collections include periodicals that had official status and published laws and regulations. The main purpose of such publications was not legislative harmonization; but publishing acts. Secondly, there are various lists and collections compiled by way of private initiative, but they also included acts in chronological order. Thirdly, all chronological collections of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Soviet and resolutions of the Government of the RSFSR have been identified and described. They were published in 1941, 1949 and 1959. The activity on the compilation of chronological collections of legislative acts and decisions of the USSR government was considered, although the results of this systematization were not published. A comparative analysis of the volume, principles of selection, the content of chronological collections of individual years has been carried out. Some numerical data are given in the table.

Keywords: history of law, Soviet law, systematization of legislation, history of legislation, chronological collections of legislation.

В истории систематизации законодательства хронологические собрания занимают важное место, однако в отличие от других результатов систематизации (сводов законов, отраслевых кодексов) они вызывают гораздо меньший интерес историков права. Хорошо изученным остается пока только «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ РИ),

составление которого велось под руководством М.М. Сперанского.

Упоминается в литературе «Собрание узаконений и распоряжений правительства» (СУ), издаваемое Правительствующим сенатом, которое выходило с 1 января 1863 г. Содержание обоих изданий частично совпадало, но при этом в ПСЗ РИ попадали акты, не обнародованные

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-011-00467.

Сенатом, а в СУ включались не только законы. Юристами высказывались предложения по преодолению отмеченного противоречия, вплоть до прекращения издания ПСЗ РИ. Авторы коллективного труда «Систематизация законодательства в Российской Федерации» более осторожны в оценках, полагая, что хотя ПСЗ РИ и СУ имели целью не систематизацию законодательства как таковую, а официальное опубликование актов, их «можно признать акцией систематизации»¹.

После Февральской революции 1917 г. ПСЗ РИ не утратило свою юридическую силу, хотя подготовка новых томов прекратилась. СУ трансформировалось в официальное издание Временного правительства. Внешнюю преемственность с дореволюционными собраниями узаконений демонстрирует «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства» (СУ РСФР), поскольку первоначально печаталось в сенатской типографии на тех же станках и тем же шрифтом².

Декрет Совнаркома от 30 октября 1917 г. обязывал помещать в Собрание акты, имеющие силу закона³. СУ РСФР издавалось до 1939 г., когда в связи с конституционной реформой 1936–1937 г. было заменено на «Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР», выпуск которого продолжался до 1992 г.

С образованием СССР с 1924 г. начался выпуск аналогичного собрания союзного уровня — «Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР» (СЗ СССР). Под таким названием оно выходило до 1937 г. Затем до распада СССР в 1991 г. выпускалось «Собрание постановлений Правительства СССР» (СП СССР).

Законы и акты нормативного характера, исходящие от Верховного Совета

СССР и его Президиума, международные договоры и некоторые другие документы публиковались в Ведомостях Верховного Совета СССР, издание которого продолжалось с 1938 по 1991 г., точнее с 7 апреля 1938 г. по 25 декабря 1991 г. Ведомости сходного содержания выпускали верховные советы всех союзных республик.

Однако Ведомости Верховного Совета РСФСР стали издаваться только с 1957 г. в соответствии с Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 сентября 1957 г. № 212/24 «Об издании "Ведомостей Верховного Совета РСФСР" — органа Верховного Совета РСФСР». Они выпускались еженедельно с 22 октября 1957 г. по 16 сентября 1993 г., в начале 1990-х гг. в связи формированием органов власти РФ дважды меняли название.

Правомерность отнесения периодических изданий, выпускаемых в виде газеты (например, первые номера «Ведомостей Верховного Совета СССР» имели газетный формат) или журнала, к систематизированным сборникам законодательства может вызывать вопросы. Если целью систематизации признается упорядочение законодательства по какому-либо одному принципу или совокупности принципов, то хронологические печатные издания имели иную основную цель, а именно обнародование акта, сам факт которого начал придавать ему юридической силы.

В то же время при разрешении практических вопросов проведения систематизации законодательства, чем занималась юридическая наука с конца 1950-х гг., предлагалось относить хронологические сборники разных видов к результатам инкорпорации⁴. При этом А.Ф. Шебанов выделял две разновидности такой инкорпорации: первый вид предусматривал включение всего отложившегося за определенный период нормативного материала, второй вид — только действующих актов. В целом хронологические

¹ Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 277.

² Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М.: Юридическая литература, 1994. Т. 9. С. 38.

³ Декрет СНК от 30 октября 1917 г. «О порядке утверждения и опубликования законов»// СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 12.

⁴ Шебанов А.Ф. Некоторые вопросы теории нормативных актов в связи с систематизацией советского законодательства// Советское государство и право. 1960. № 7. С. 141.

собрания считались «низшим, по сравнению с систематическим собранием (сборником), хотя и полезным результатом инкорпорации»⁵. Д.А. Керимов рассматривал создание полного хронологического собрания законодательных актов как важнейший этап кодификационных работ, поскольку только «после проведения хронологической „инвентаризации“ законодательного материала приступают к его расчистке»⁶. Даже в тех случаях, когда хронологическим изданиям отказывали в инкорпоративной природе⁷, все равно признавали их необходимость для последующего составления систематических собраний законодательства, сводов законов. При этом вопрос, чем же являлись сами хронологические собрания, зачастую оставляли открытым.

Полагаем, что данные издания являлись неотъемлемой частью общего массива разного рода систематизированных сборников законодательства советского периода. При их составлении использовались по меньшей мере два важных критерия, соблюдаемых при систематизации: отбор нормативных актов, подлежащих включению в издание, и расположение их в хронологическом порядке. Конечно, можно возразить, что составители не всегда строго отделяли законы от актов иной юридической силы, что особенно очевидно проявлялось, например, в СУ РСФСР. Ведомости Верховного Совета помимо нормативного материала включали информационные обзоры и иные сведения. В условиях тоталитарного режима, резко ограничившего доступ к правовой информации, многие акты имели ограничительные грифы, указание на узкий круг пользователей, открыто не публиковались.

⁵ Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А.Н. Мишутина. М. : Юридическая литература, 1969. С. 9.

⁶ Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. М. : Гос. изд-во юридической литературы, 1962. С. 79–80.

⁷ Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самошенко. М. : Юридическая литература, 1962. С. 26.

Однако при всех недостатках данные издания представляли наиболее полные собрания советского законодательства на каждом этапе его развития. Их наличие обеспечивало необходимые условия для проведения систематизации в иных формах, что и подтверждалось юридической практикой. Например, СУ РСФСР использовалось как основа при составлении Собрания действующих законов РСФСР 1929 г., в которое вошли законодательные акты, формально действовавшие на 1 января 1928 г. Предварительно анализу были подвергнуты около 8 тыс. актов, опубликованных в СУ РСФСР за первые 10 лет советской власти, то есть с 1917 по 1927 г.⁸ В итоге в Собрание действующих законов РСФСР 1929 г. вошло чуть более 2 тыс. Само Собрание представляло уже пример предметной систематизации.

Изменения политического режима в конце 1920-х — начале 1930-х гг. привело к прекращению работ по систематизации законодательства. Однако потребность в наличии сборников, которые бы содержали действующие нормы, оставалась высокой. Наиболее тесно связанный с правоприменительной деятельностью наркомат юстиции поддерживал инициативы своих сотрудников, готовых организовать такую работу. В итоге в 1930-е годы было выпущено несколько хронологических перечней, содержащих законы РСФСР или СССР⁹. Сами тексты законов в перечни не включались, давалась только отсылка к источнику официального опубликования.

Изменения в системе органов государственной власти, установленные Конституцией СССР 1936 г. и Конституцией РСФСР 1937 г., осложнили пользование законами, поскольку значительная часть действующих норм была опубликована в изданиях, выпуск которых уже пре-

⁸ Брандербургский Я.Н. Предисловие // Систематическое собрание законов РСФСР, действующих на 1-е января 1928 года (7 ноября 1917 г. — 31 декабря 1927 г.) : в 3 т. М. : Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1929. Т. 1. С. XI.

⁹ Хронологический перечень законов Союза ССР. 2-е изд. М. : Советское законодательство, 1935. 256 с.

кратился. С течением времени ситуация еще более усугублялась. Возникла острая потребность в наличии сборников, которые бы содержали аутентичные тексты законов.

В 1941 г. было издано десяти томное «Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР» по состоянию на 1 марта 1940 г. Тома с I по VIII содержали акты, помещенные в хронологическом порядке. Том IX имел особое содержание, поскольку включал только Конституцию, положение о выборах и кодексы. Том X имел специальное назначение, представляя алфавитно-предметный и хронологический указатели, он обеспечивал удобство пользования изданием.

Даже внешнее изучение Собрания позволяет сделать некоторые оценки об особенностях эволюции законодательства на отдельных этапах развития Советского государства. Том I включал акты 1917–1924 гг.; II — 1925–1927 гг.; III — 1928 г.; IV — 1929 г.; V — 1930 г.; VI — 1931 г.; VII — 1932–1933 гг.; VIII — 1934–1940 гг. Объяснимо объединение в первом томе актов за довольно продолжительный хронологический период, но содержание восьмого тома явно не отражало массив актуального нормативного материала. Значительная часть фактически применявшихся норм публично не оглашалась. Кроме того, можно выявить еще две причины, обусловившие малое количество актов за 1934–1940 гг. Во-первых, это переход нормативного регулирования от законодательных органов и правительства к отдельным наркоматам, акты которых данное собрание включать не могло. Во-вторых, в 1930-е годы, и особенно после принятия Конституции ССР 1936 г., усиливаются централистские начала во взаимоотношениях Союза и республик, идет перераспределение полномочия от республик к центру, сама федеративная природа СССР приобретает иное наполнение. Соответственно, наиболее значимые законодательные и иные решения принимались на уровне Союза.

Наркомат юстиции продолжал работу по составлению актуальных сборников законодательства. В итоге в 1949 г. было издано «Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и постановлений правительства РСФСР, действующих на 1 июля 1948 г.». Собрание состояло из пяти томов, сформированных по хронологическому принципу. I том содержал акты 1917–1927 гг.; II — 1928–1929 гг.; III — 1930–1934 гг.; IV — 1935–1945 гг.; V — 1946–1948 гг.

Решение об его издании было принято СНК РСФСР 5 апреля 1945 г., о чем читателям сообщено в предисловии к первому тому. Однако в томе, содержащем акты за 1945 г., данного постановления нет, и сам перечень актов за этот год очень скуден, что свидетельствует о его явной неполноте. Издание готовилось Министерством юстиции РСФСР, работа велась под общим руководством министра юстиции РСФСР И.А. Басавина. Во введении к «Хронологическому собранию» отмечалось, что в него не вошли кодексы и некоторые категории актов (относящиеся к административно-территориальному делению, переименованиям населенных пунктов и др.)¹⁰.

Вопрос о публикации законов, формально не отмененных, но противоречащих последующим актам, был решен следующим образом: они не воспроизводились полностью, но помещались в особый перечень с полным описанием внешних атрибутов акта, что при необходимости обеспечивало их поиск в СУ РСФСР.

Смена политического курса, объявленная руководством страны в середине 1950-х гг., предполагала повышение роли права в регулировании общественных отношений. Требовалось обновление законодательства, к чему нельзя было приступить без установления совокупности действующих норм с целью их адекватной оценки, выявления противоречий

¹⁰ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и постановлений правительства РСФСР: в 7 т. М.: Юридическое издательство министерства юстиции РСФСР, 1949. Т. 1. С. 3.

и пробелов, определения последующих шагов по их устранению. Хронологические собрания законодательства СССР в предыдущий период вообще не выпускались. Поэтому одной из основных задач созданной в 1956 г. Юридической комиссии значилось составление «Хронологического собрания законодательных актов и решений правительства СССР». Работу планировалось закончить к 1 июля 1957 г., а издание распространить только среди государственных органов¹¹. Таким образом, вопрос о создании собрания законодательства, необходимого гражданам, обеспечивающего доступ к актуальной правовой информации всем заинтересованным субъектам, не ставился. В итоге «Хронологическое собрание» вообще не было напечатано. Причины такого результата в научной литературе не освещаются. Однако отмечается допустимость ситуации, когда хронологическое собрание может не публиковаться, поскольку служит «рабочим материалом для составления систематического собрания»¹², которое считается более удобным в пользовании.

В отношении российского республиканского законодательства сохранилась традиция публикации «Хронологических собраний». В 1959 г. Министерство юстиции РСФСР выпустило очередное «Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений правительства РСФСР, действующих на 1 января 1958 г.». Оно состояло из шести томов: I том включал акты 1917–1928 гг.; II том — 1929–1939 гг.; III том — 1940–1947 гг.; IV том — 1948–1953 гг.; V том — 1954–1956 гг.; VI том — 1957 г. В предисловии составители поясняли принцип отбора материала, в частности, они не включили акты, «имеющие историческое значение и фактически не применяемые»¹³. Напри-

мер, в отличие от издания 1949 г. декреты, касающиеся национализации и конфискации имущества, были просто перечислены в приложении, а их полные тексты не приведены. В итоге объем первого тома, где содержались самые ранние акты Советского государства, существенно сократился, что подтверждается цифровыми данными, приведенными в таблице.

Таблица

Сравнение количества актов за отдельные годы, опубликованных в Хронологических собраниях законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР 1949 и 1959 гг. издания

Годы	Количество актов в «Хронологическом собрании» 1949 г.	Количество актов в «Хронологическом собрании» 1959 г.
1917	13	1
1918	59	20
1919	16	10
1920	7	2
1921	11	5
1922	18	7
1923	15	9
1924	25	11
1925	34	9
1926	26	18
1927	46	24
1928		30

В то же время обоснованность исключения ряда актов из «Хронологического собрания» 1959 г. вызывает сомнение. Представляется, что следовало бы сохранить такие документы, как Декрет о восьмичасовом рабочем дне, Декларацию прав народов России, Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов, которые содержали нормы-принципы, определяли основы общественного строя. Вместе с тем демократизация политического режима позволила обнародовать некоторые ранее не публиковавшие акты, что, безусловно, расширяло доступ к праву.

«Хронологические собрания» не имели официального статуса, что ограничи-

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-9514. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

¹² Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства. С. 10.

¹³ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений правительства РСФСР, действующих на 1 января 1958 г. : в 6 т. М. : Госюриздат, 1959. Т. 1. С. 3.

вало сферу их применения. Однако сам факт их издания следует оценивать положительно. Они готовились квалифицированными сотрудниками, публиковались достаточно большими тиражами, вклю-

чали многие значимые для субъектов правоотношений акты. Для современных исследователей они представляют ценный источник по истории отечественного права.

Литература

1. Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника / Д.А. Керимов. Москва : Гос. изд-во юридической литературы, 1962. 104 с.
2. Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под редакцией А.Н. Мишутина. Москва : Юридическая литература, 1969. 343 с.
3. Российское законодательство X—XX веков. В 9 томах. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / ответственный редактор О.И. Чистяков. Москва : Юридическая литература, 1994. 352 с.
4. Систематизация законодательства в Российской Федерации / под редакцией А.С. Пиголкина. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 382 с.
5. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под редакцией С.Н. Братуся, И.С. Самошенко. Москва : Юридическая литература, 1962. 575 с.
6. Шебанов А.Ф. Некоторые вопросы теории нормативных актов в связи с систематизацией советского законодательства / А.Ф. Шебанов // Советское государство и право. 1960. № 7. С. 139—151.

References

1. Kerimov D.A. Kodifikatsiya i zakonodatel'naya tekhnika [Codification and Legal Writing] / D.A. Kerimov. Moskva : Gos. izd-vo yuridicheskoy literatury' — Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1962. 104 s.
2. Podgotovka i izdanie sistematicheskikh sobraniy deystvuyushchego zakonodatelstva ; pod redaktsiyey A.N. Mishutina [The Preparation and Publication of Systematic Collections of Laws in Effect ; edited by A.N. Mishutin]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1969. 343 s.
3. Rossiyskoe zakonodatelstvo X—XX vekov. V 9 tomakh. T. 9. Zakonodatelstvo epokhi burzhuazno-demokraticheskikh revolyutsiy ; otvetstvenny'y redaktor O.I. Chistyakov [Russian Laws of the X to the XX Century. In 9 volumes. Vol. 9. Laws of the Epoch of Bourgeois-Democratic Revolutions ; publishing editor O.I. Chistyakov]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1994. 352 s.
4. Sistematizatsiya zakonodatelstva v Rossiyskoy Federatsii ; pod redaktsiyey A.S. Pigolkinna [The Systematization of Laws in the Russian Federation ; edited by A.S. Pigolkin]. Sankt-Peterburg : Yuridicheskii tsentr Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2003. 382 s.
5. Teoreticheskie voprosy' sistematizatsii sovetskogo zakonodatelstva ; pod redaktsiyey S.N. Bratusya, I.S. Samoschenko [Theoretical Issues of the Systematization of Soviet Laws ; edited by S.N. Bratus, I.S. Samoschenko]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1962. 575 s.
6. Shebanov A.F. Nekotory'e voprosy' teorii normativny'kh aktov v svyazi s sistematizatsiyey sovetskogo zakonodatelstva [Some Issues of the Theory of Statutory Acts and the Link to the Systematization of Soviet Laws] / A.F. Shebanov // Sovetskoe gosudarstvo i pravo — Soviet State and Law. 1960. № 7. S. 139—151.

Организационно-правовые аспекты регулирования оборонительных работ и противохимической защиты населения Ленинграда (осень 1941 — весна 1942 г.)

Колошинская Наталья Викторовна,
заведующая кафедрой теории права и гуманитарных дисциплин
Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова
филиала Российской таможенной академии,
кандидат юридических наук, доцент
nata_ivanova_75@mail.ru

В статье анализируются организационно-управленческие меры властей, касающиеся противохимической защиты населения Ленинграда в условиях режима военного положения и участия Управления оборонных работ УНКВД СССР по Ленинградской области в строительстве инженерных сооружений в интересах Ленинградского фронта осенью 1941 — весной 1942 г. Сделан вывод о том, что сосредоточение в руках Военного совета Ленфронта всей полноты власти позволило решить главные задачи обороны Ленинграда в этот период. В то же время ее избыточная концентрация сковывала инициативу местных властей, приводила к упущениям в управлении городом в условиях блокады.

Ключевые слова: военное положение, Военный совет фронта, нормативные правовые акты военного времени, противохимическая защита, Женевский протокол (1925), Управление оборонных работ УНКВД СССР по Ленобласти.

Organizational and Legal Aspects of the Regulation of Defense Works and Anti-Chemical Protection of the Population of Leningrad (Autumn of 1941 to Spring of 1942)

Koloshinskaya Natalya V.
Head of the Department of Theory of Law and the Humanities
of the V.B. Bobkov Saint Petersburg Branch of the Russian Customs Academy
PhD (Law), Associate Professor

The article analyzes organizational, managerial government measures relating to the personal protection of the population of Leningrad under the regime of military Affairs and Department of defense contractors NKVD of the USSR in Leningrad region in construction of engineering structures in the interest of the Leningrad front in the autumn 1941 — spring 1942. It is concluded that the concentration of the entire power in the hands of the Lenfront Military Council made it possible to solve the main tasks of the defense of Leningrad during this period. At the same time, its excessive concentration hindered the initiative of local authorities, led to omissions in the management of the city in the conditions of the blockade.

Keywords: martial law, military Council of the front, normative legal acts of wartime, anti-chemical protection, the Geneva Protocol (1925), the Department of defense works of the NKVD of the USSR in the Leningrad region.

Война, как чрезвычайное явление, всегда вызывает колоссальную нагрузку на государственно-правовую систему. Испытанию подвергаются все ее элементы. Приобретенный же опыт функ-

ционирования системы становится важной основой процесса осмысления многих перемен в общественных отношениях в этот период. Сказанное сполна отразилось на событиях, связанных

с обороной Ленинграда, в один из критических ее периодов: сентябрь 1941 — март 1942 г.

По оценкам военных, фронт на юго-западных и южных подступах к Ленинграду стабилизировался только к 30 сентября 1941 г.¹ Блокировку города с юга и юго-востока осуществили 33 немецкие дивизии и две пехотных бригады, общей численностью более 300 тыс. человек². Установленный Указом ПВС СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» режим предусматривал всеобъемлющий комплекс военно-организационных и иных мероприятий, одно из которых было связано с передачей органами государственной власти на местах значительной части своих полномочий Военным советам фронтов, как это и произошло в Ленинграде³.

В новых условиях заметно ограничивалась деятельность публичных институтов и прежних (легальных) процедур принятия решений⁴ в интересах, как признавалось, усиления централизации управления и оперативного разрешения внезапно возникающих задач и угроз. Одна из таких опасностей была связана с возможностью немецких войск осуществить химическое нападение на население Ленинграда и войска фронта.

По докладам советских разведорганов, опасность применения боевых отравляющих веществ немцами в полосе Ленфронта резко возросла в сентябре 1941 г.⁵ Эта угроза сохранялась и

в последующий период⁶. Еще накануне нападения Германии на Советский Союз в арсенале вермахта уже находилось 2 млн химснарядов для легких полевых гаубиц и 500 тыс. снарядов для тяжелой артиллерии. Их выпуск постоянно наращивался⁷. Гитлер не собирался ограничивать себя узами Женевского протокола (1925), запрещающего применение на войне удушающих, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств. В мае 1939 г. он заявлял, что договоры и право в условиях войны — абсолютно бесполезная ерунда и «любое оружие имеет решающее значение только тогда, когда его не имеет враг. Это относится к газам, подводному флоту и авиации»⁸.

Несмотря на наличие в РККА боевых химических веществ, даже в труднейшие периоды войны Ставка ВГК категорически воспрещала их применение против немецких войск. Это особенно наглядно отразилось в указании Ставки ВГК № 001980 от 15 сентября 1941 г. командующему войсками 51-й армии Ф.И. Кузнецову⁹. К выполнению мероприятий противохимической обороны в условиях начавшейся войны руководство страны обязывало и гражданское население. Правовой основой подготовки населения к ней выступили Постановление СНК Союза СССР от 2 июля 1941 г. «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне», Постановления

¹ 1941 год — уроки и выводы. М. : Военное издательство, 1992. С. 126.

² Сяков Ю.А. Срыв планов немецкого командования по созданию второго кольца блокады Ленинграда (октябрь — декабрь 1941 года) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. С. 12.

³ Белозеров Б.П. Фронт без границ. 1941—1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла северо-запада) : монография. СПб. : РДК-принт, 2001. С. 51.

⁴ Липатов Э.Г. Военное положение как способ нормативно-правовой организации общества // Государство. Право. Война: 60-летие Великой Победы : монография / под общ. ред. В.П.Сальникова, Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. СПб. : СПб. ун-т МВД России, 2005. С. 306.

⁵ Коршунов Э.Л., Рупасов А.И. «Зафронтной агент "Римский" докладывает...». «Чекистский» конт-

роль за состоянием противохимической защиты войск Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 // Военно-исторический журнал. 2014. № 3. С. 36.

⁶ Коршунов Э.Л. Опасность химического нападения в ходе блокады немецкими войсками Ленинграда // Военно-исторический журнал. 2010. № 1. С. 22—25.

⁷ Бабушкин А. Совершенствование химической службы в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1978. № 7. С. 87—95.

⁸ Нюрнбергский процесс : сборник материалов : в 8 т. М. : Юридическая литература, 1988. Т. 2. С. 229.

⁹ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне : сборник документов : в 6 т. М. : Русь, 2000. Т. 2. Кн. 2. С. 104—105.

СНК РСФСР от 2 июля 1941 г. «О порядке подготовки населения к противовоздушной обороне и порядке организации групп самозащиты на территории РСФСР» и от 10 июля 1941 г. «Об организации МПВО в городах и населенных пунктах РСФСР»¹⁰.

Летом и осенью 1941 г., весной 1942 г. штаб МПВО г. Ленинграда выпустил серию памяток для населения: «Умей пользоваться противогазом», «Как приспособить бомбоубежище под газоубежище», «Памятка по противохимической защите», «Как пользоваться противогазом»¹¹. Военный совет Ленфронта, в свою очередь, повысил требовательность к войскам по линии их противохимической защиты, приняв только в октябре 1941 г. Постановления «О контрмероприятиях на случай применения противником отравляющих веществ» и «Об обеспечении войск Ленинградского фронта средствами противохимической защиты»¹².

Управление НКВД СССР по Ленинградской области к марту 1942 г. подготовило в адрес Военного совета Ленфронта «Справку о состоянии противохимической защиты города Ленинграда»¹³, отдельные факты из которой свидетельствовали о серьезных недоработках городских властей и недооценке ими этого направления обороны Ленинграда.

Так, выяснилось, что на март 1942 г. обеспеченность взрослого населения, способного носить противогазы, составила лишь около 50%. Причем из 1,5 млн противогазов у неорганизованной части населения города числилось только 677 тыс. штук. Остальные находились у бойцов и командиров МПВО. Детскими противогазами было обеспе-

чено 10–12% детского населения города. Подробная информация коснулась и объектов коллективной защиты (убежища II категории, подвалы, приспособленные под укрытия, закрытые земляные щели), в которых, по расчетам, могло укрыться всего 40% от общего числа жителей города¹⁴.

Вскрылись обстоятельства, при которых стала понятной реальная степень готовности специальных дегазационных формирований в городе. Фактически на весь блокадный Ленинград приходился всего лишь один инженерный противохимический полк НКВД и формирования МПВО города общей численностью почти 26 тыс. человек, 60% из которых были признаны хронически больными¹⁵. На начало марта 1942 г. имелось всего 1,7 тыс. кг хлорной извести (основного дегазирующего вещества), которая хранилась с 1938 по 1939 г. без освежения. Процент активного хлора в ней не превышал 30%. В 96 лабораториях, оборудованных для анализа на отравляющие вещества, не было реактивов и электрического тока¹⁶. Не был выполнен и план 1941 г. по строительству в городе газоубежищ и укрытий.

Военному совету Ленфронта совместно с ГКО предстояло в короткие сроки принимать решительные меры по обеспечению надлежащим образом противохимической защиты населения Ленинграда, но в полном объеме они так и не были осуществлены вплоть до окончания войны.

Другой, не менее важной задачей для Военного совета фронта и местных органов власти стало с начала июля 1941 г. оборудование инженерных сооружений на внешней и внутренней полосах обороны города. Исследователи и участники этих событий высоко оценивали проделанную работу по их созданию, полагая, что это повлияло на срыв планов группы армий «Се-

¹⁰ Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1942. С. 45–50.

¹¹ Сборник указов, постановлений, распоряжений и приказов военного времени. Л. : Лениздат, 1942. С. 118–130.

¹² Коршунов Э.Л. Указ. соч. С. 25.

¹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 1322. Л. 27–32.

¹⁴ Там же. Л. 28.

¹⁵ Там же. Л. 29.

¹⁶ Там же. Л. 31.

вер» с ходу овладеть Ленинградом и Краснознаменным Балтийским флотом¹⁷.

Действительно, сам ход ленинградской стратегической оборонительной операции потребовал от Военного совета Ленфронта и руководства города проведения мероприятий по строительству крупных оборонительных узлов, особенно на южной и северной сторонах Ленинграда. Организационно-правовой основой проведения этих работ стало постановление Военного совета Ленфронта от 29 августа 1941 г. о строительстве новых оборонительных рубежей (по ситуации на конец лета 1941 г.) и Приказ войскам Ленфронта от 13 октября 1941 г. № 00115, в которых помимо Отдела укрепрайонов Штаба Ленфронта и Военно-инженерного управления, Управления строительства № 1 (с 28.06.) и 8-го Военно-полевого строительства фронта ответственным исполнителем становилось еще и 2-е Управление оборонных работ (УОР) УНКВД ЛО¹⁸.

2-му УОР УНКВД ЛО было поручено с 1 сентября 1941 г. осуществить в сравнительно короткие сроки огромный объем работ, положив таким образом конец практике, когда строительство рубежей производилось по случайным заданиям отдельными организациями разрозненно, не обеспечивая в целом общего решения обороны Ленинграда. Особенно наглядно это проявилось в практике привлечения к строительству оборонительных сооружений заклю-

ченных УИТЛК УНКВД ЛО в июле — августе 1941 г.¹⁹

По докладу начальника 2-го УОР УНКВД капитана госбезопасности А.К. Михайлова заведующему отдела строительства и городского хозяйства ГК ВКП (б) С.Е. Карасеву, с 1 сентября 1941 г. Управление приступило к созданию узлов обороны Ленинграда в Слуцко-Колпинском, Красногвардейском, Красносельском и Приморском секторах, а также позиций: Рыбацкое-Пулковско-Стрельна; Невской и Шлиссербургской; Осиновецкой и Дубровской, Токсовского рубежа с отсечной Колтушской позиций.

Таким образом, по наиболее опасному южному крылу обороны Ленфронта 2-е УОР УНКВД выполняло работы: по 1-й линии для 42-й и 55-й армий; по 2-й линии для войск 42-й армии; по 3-й (южно-городской) оборонительной полосе; по 6-ти батальонным районам (батрайонам) правого берега и 3-м предместным батрайонам левого берега, а также по 4-й оборонной полосе (13 батрайонов) по правому берегу Невы от Галерной гавани до Малой Охты²⁰.

Основательно укреплялись узлы обороны и по северному флангу фронта. Здесь инженерные работы шли по переднему краю Северного обвода Ленинграда с оборудованием опорных пунктов промежуточного рубежа: совхоз Кудрово, колхоз 1-го Мая, Новое Ковалево, совхоз Приютинно, Медвежий стан, совхоз Бугры, оз. Суздальское, совхоз Каменка, Ольгино²¹.

К 25 февраля 1942 г. Центральная приемная комиссия (ЦПК) Ленфронта закончила оформление приемки всех сооружений по каждому из 178 опорных

¹⁷ 900 героических дней : сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941—1944 гг. / сост. и авт. введ. Х.Х. Камалов, Р.В. Серднук, Ю.С. Токарев. М. : Л. : Наука, 1966. 424 с. ; Оборона Ленинграда. 1941—1944. Воспоминания и дневники участников / отв. ред. А.М. Самсонов. Л. : Наука, 1968. 791 с. ; Ленинград в осаде : сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941—1944. СПб. : Лики России, 1995. 640 с. ; Ленинград. Война. Блокада. Город фронт : материалы и исследования / сост. П.В. Игнатьев, Э.Л. Коршунов, А.И. Рупасов. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : ГАЛАРТ, 2019. 528 с. ; и др.

¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 990. Л. 32.

¹⁹ Иванов В.А., Резникова Л.В. Учреждения пенитенциарной системы Ленинграда в 1941—1944 гг. / Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады : материалы и исследования / сост. П.В. Игнатьев, Э.Л. Коршунов, А.И. Рупасов. СПб. : ГАЛАРТ, 2019. С. 468.

²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 990. Л. 32 ; Д. 1322. Л. 36, 37.

²¹ Там же. Л. 32.

пунктов, 66 из которых получили высокую оценку²².

Этот гигантский объем работ выполнили вошедшие в конце августа — начале сентября на период строительства в состав 2-го УОР УНКВД: 12 строительных батальонов (7 тыс. чел.); стройтресты № 16 и 53 (3 тыс. человек); стройтресты Наркомстроя № 35, 38, 40, 55 и Союзэкскавация (2,5 тыс. человек); Ленинград. Окружн. ВСУ (2 тыс. человек); строительство № 5-НКПС (3 тыс. человек); трест 2 УНКВД ЛО (1 тыс. человек) и УИТЛК УНКВД ЛО (6 тыс. человек). К этому временному штатному количеству 2-го УОР ежемесячно придавалось с сентября 1941 по февраль 1942 г. от 12 до 113,5 тыс. человек из числа мобилизованного населения (сентябрь — 99,5 тыс., октябрь — 113,3 тыс., ноябрь — 70 тыс., декабрь — 36,3 тыс. и январь 1942 г. — 12 тыс. человек)²³. В созданном автопарке находилось около 2,3 тыс. грузовых автомобилей и всего 27 автокранов и экскаваторов.

Ленфронту к весне 1942 г., таким образом, были сданы сооружения полевого заполнения, противотанковые и противопехотные препятствия, огневые точки (в том числе броневые) и прочие сооружения. Достаточно сказать, что к этому времени было сооружено полностью почти 121 тыс. погонных метров противотанковых рвов и завершилось создание еще 83 тыс. погонных м. Всего, по подсчетам историков, во время битвы за Ленинград за июль — декабрь 1941 г. ленинградцы соорудили 626 км противотанковых рвов, 406 км экскарпов и контрэкскарпов, 300 км лесных завалов и 635 км проволочных заграждений²⁴. Силами только 2-го УОР УНКВД на северных и южных флангах обороны Ленфронта было подготовле-

но и установлено мин на почти 30,5 тыс. погонных м²⁵. К февралю фронту были сданы 1173 пулеметных ДЗОТа и ДОТа и 1083 аналогичных сооружения для 45 мм, 76 мм и 122 мм пушек, более 2 тыс. минометных позиций, 349 землянок, сооружено почти 130 мостов и др.

Существенный вклад в эти показатели внесли подразделения ленинградской милиции: паспортные столы, Доротделения милиции желдорго, сотрудники ОРУД, постовые и участковые уполномоченные²⁶. Именно им приходилось последовательно исполнять Решение Исполкома Ленгорсовета от 27 июня 1941 г. (прот. 46, п. 33) «О привлечении граждан к трудовой повинности в Ленинграде, Пушкине, Колпино, Петергофе и Кронштадте», по которому уклоняющиеся граждане могли быть лишены свободы в административном порядке сроком до 6 месяцев или подвергнуты штрафу до 3 тыс. руб.²⁷

К марту 1942 г. выяснилось, что часть сооружений на участках недооборудованы как в силу авиаартиллерийского воздействия противника, так и по причине срыва поставок материалов, техники и рабочей силы. Последнее обстоятельство вынудило Исполком Ленгорсовета 31 мая 1942 г. (прот. 68, п. 69) принять специальное решение «О мобилизации населения гор. Ленинграда для выполнения, в порядке трудовой повинности, работ на оборонительных рубежах», обязав местные районные власти в срок до 4 июня 1942 г. провести мобилизацию населения (согласно приложению) для завершения оборонных работ²⁸. Так, из 48 сдаваемых сооружений подразделениями 2-го УОР УНКВД ЛО 20 были не завершены. Тех же ДЗОТов и ДОТов

²² Там же. Д. 1322. Л. 44.

²³ Там же. Л. 40.

²⁴ Ковальчук В.М. Битва за Ленинград // Ленинградская эпопея. Организация обороны и население города / В.М. Ковальчук, Н.А. Ломагин, В.А. Шишкин. СПб. : Санкт-Петербургский филиал Ин-та российской истории РАН, 1995. С. 16—17.

²⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 1322. Л. 38.

²⁶ Панфилец А.В. Органы и войска НКВД на Северо-Западе СССР в годы Великой Отечественной войны : монография. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 2016. С. 42—43.

²⁷ Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1941. № 26. С. 10.

²⁸ Ленинградская правда. 1942. 3 июня.

пулеметных оказалось недооборудованных 669 объектов. «Больной» в буквальном смысле стала проблема своевременной разработки специальной документации и схем, изготавливаемых консультантами Инженерного управления Ленфронта и др.²⁹

В этих условиях как нельзя кстати могла подключиться уже упомянутая нами выше ЦПК, состоящая из руководителей города и соответствующих ведомств³⁰, но следы такого взаимодей-

ствия 2-го УОР с нею в архивных материалах не просматриваются, хотя промежуточные и итоговые отчетные документы готовились на имя руководителей города (в том числе А.А. Кузнецова, председатель этой комиссии).

Таким образом, осенью 1941 — зимой 1942 г. были выполнены важнейшие решения Военного совета Ленфронта и руководства города по созданию прочной военно-инженерной обороны, что также повлияло на попытки врага окончательно разгромить войска Ленинградского фронта и уничтожить Ленинград.

²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 990. Л. 33, 34.

³⁰ Ленинград в осаде. С. 40, 42, 51.

Литература

1. 900 героических дней : сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941—1944 гг. / составители и авторы введения Х.Х. Камалов, Р.В. Серднак, Ю.С. Токарев. Москва ; Ленинград : Наука, 1966. 424 с.
2. Бабушкин А. Совершенствование химической службы в годы Великой Отечественной войны / А. Бабушкин // Военно-исторический журнал. 1978. № 7. С. 87—95.
3. Белозеров Б.П. Фронт без границ. 1941—1945 гг.: историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла северо-запада : монография / Б.П. Белозеров. Санкт-Петербург : РДК-принт, 2001. 320 с.
4. Иванов В.А. Учреждения пенитенциарной системы Ленинграда в 1941—1944 гг. / В.А. Иванов, Л.В. Резникова // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады : материалы и исследования / составители П.В. Игнатъев, Э.Л. Коршунов, А.И. Рупасов. Санкт-Петербург : ГАЛАРТ, 2019. 468 с.
5. Ковальчук В.М. Битва за Ленинград / В.М. Ковальчук // Ленинградская эпопея. Организация обороны и население города / В.М. Ковальчук, Н.А. Ломагин, В.А. Шишкин. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский филиал Ин-та российской истории РАН, 1995. С. 16—17.
6. Коршунов Э.Л. «Зафронтной агент "Римский" докладывает...». «Чекистский» контроль за состоянием противохимической защиты войск Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 / Э.Л. Коршунов, А.И. Рупасов // Военно-исторический журнал. 2014. № 3. С. 36—40.
7. Коршунов Э.Л. Опасность химического нападения в ходе блокады немецкими войсками Ленинграда / Э.Л. Коршунов // Военно-исторический журнал. 2010. № 1. С. 22—25.
8. Ленинград в осаде : сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941—1944 / ответственный редактор А.Р. Дзенискевич. Санкт-Петербург : Лики России, 1995. 640 с.
9. Ленинград. Война. Блокада. Город фронт : материалы и исследования / составители П.В. Игнатъев, Э.Л. Коршунов, А.И. Рупасов. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : ГАЛАРТ, 2019. 528 с.
10. Липатов Э.Г. Военное положение как способ нормативно-правовой организации общества / Э.Г. Липатов // Государство. Право. Война: 60-летие Великой Победы : монография / под общей редакцией В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова,

- Н.С. Нижник. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. 655 с.
11. Нюрнбергский процесс : сборник материалов. В 8 томах. Т. 2 / составители М.Ю. Рагинский, К.С. Павлищев ; научные редакторы Н.С. Лебедева, В.Д. Ежов. Москва : Юридическая литература, 1988. 672 с.
  12. Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников / ответственный редактор А.М. Самсонов. Ленинград : Наука, 1968. 791 с.
  13. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне : сборник документов. В 6 томах. Т. 2. Кн. 2. Начало 1 сентября — 31 декабря 1941 года / авторы-составители В.П. Ямпольский [и др.]. Москва : Русь, 2000. 699 с.
  14. Панфилец А.В. Органы и войска НКВД на Северо-Западе СССР в годы Великой Отечественной войны : монография / А.В. Панфилец. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2016. 213 с.
  15. Сяков Ю.А. Срыв планов немецкого командования по созданию второго кольца блокады Ленинграда (октябрь — декабрь 1941 года) : автореферат диссертации кандидата исторических наук / Ю.А. Сяков. Санкт-Петербург, 2003. 22 с.

References

1. 900 geroicheskikh dney : sbornik dokumentov i materialov o geroicheskoy borbe trudyaschikhsya Leningrada v 1941–1944 gg. ; sostaviteli i avtory` vvedeniya Kh.Kh. Kamalov, R.V. Serdnak, Yu.S. Tokarev [900 Heroic Days : collection of documents and files on the heroic fight of Leningrad workers in 1941 to 1944 ; compilers and authors of the introduction Kh.Kh. Kamalov, R.V. Serdnak, Yu.S. Tokarev]. Moskva ; Leningrad : Nauka — Moscow ; Leningrad : Science, 1966. 424 s.
2. Babushkin A. Sovershenstvovanie khimicheskoy sluzhby` v gody` Velikoy Otechestvennoy voyny` [The Improvement of the Chemical Service in the Years of the Great Patriotic War] / A. Babushkin // Voенно-istoricheskiy zhurnal — Military Historical Journal. 1978. № 7. S. 87–95.
3. Belozеров В.Р. Front bez granits. 1941–1945 gg.: istoriko-pravovoy analiz obespecheniya bezopasnosti fronta i ty`la severo-zapada : monografiya [A Front Without Borders. 1941 to 1945: A Historical and Legal Analysis of Ensuring Security of the North-Western Front and Rear : monograph] / В.Р. Belozеров. Sankt-Peterburg : RDK-print — Saint Petersburg : RDK-print, 2001. 320 s.
4. Ivanov V.A. Uchrezhdeniya penitentsiarnoy sistemy` Leningrada v 1941–1944 gg. [Institutions of the Penitentiary System of Leningrad in 1941 to 1944] / V.A. Ivanov, L.V. Reznikova // Leningrad. Voyna. Blokada. Snyatie osady` : materialy` i issledovaniya ; sostaviteli P.V. Ignatyev, E.L. Korshunov, A.I. Rupasov [Leningrad. War. Blockade. Lifting of the Siege : files and research ; compilers P.V. Ignatyev, E.L. Korshunov, A.I. Rupasov]. Sankt-Peterburg : GALART — Saint Petersburg : GALART, 2019. 468 s.
5. Kovalchuk V.M. Bitva za Leningrad [The Battle for Leningrad] / V.M. Kovalchuk // Leningradskaya epopeya. Organizatsiya oborony` i naselenie goroda [The Leningrad Saga. Organization of Defense and the Population of the City] / V.M. Kovalchuk, N.A. Lomagin, V.A. Shishkin. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskiy filial In-ta rossiyskoy istorii RAN — Saint Petersburg : Saint Petersburg Branch of the Institute of Russian History of the RAS, 1995. S. 16–17.
6. Korshunov E.L. «Zafrontovoy agent "Rimskiy" doklady` vaet...». «Chekistskiy» kontrol za sostoyaniem protivokhimicheskoy zashchity` voysk Leningradskogo fronta v gody` Velikoy Otechestvennoy voyny` 1941–1945 [“Agent on the Enemy Territory Rimskiy Reports...”. The Counter-Intelligence Control over the Status of the Anti-Chemical Protection of Troops of the Leningrad Front in the Years of the Great Patriotic War

- of 1941 to 1945] / E.L. Korshunov, A.I. Rupasov // *Voенно-istoricheskiy zhurnal — Military Historical Journal*. 2014. № 3. S. 36–40.
7. Korshunov E.L. Opasnost khimicheskogo napadeniya v khode blokady` nemetskimi voyskami Leningrada [The Danger of a Chemical Attack in the Course of the Siege of Leningrad by German Troops] / E.L. Korshunov // *Voенно-istoricheskiy zhurnal — Military Historical Journal*. 2010. № 1. S. 22–25.
  8. Leningrad v osade : sbornik dokumentov o geroicheskoy oborone Leningrada v gody` Velikoy Otechestvennoy voyny` 1941–1944 ; otvetstvenny`y redaktor A.R. Dzeniskevich [Leningrad in Siege : collection of documents on the heroic defense of Leningrad in the years of the Great Patriotic War of 1941 to 1944 ; publishing editor A.R. Dzeniskevich]. Sankt-Peterburg : Liki Rossii — Saint Petersburg : Russian Faces, 1995. 640 s.
  9. Leningrad. Voyna. Blokada. Gorod front : materialy` i issledovaniya ; sostaviteli P.V. Ignatyev, E.L. Korshunov, A.I. Rupasov. 2-e izd., ispr. i dop. [Leningrad. War. Siege. City-Front : files and research ; compiled by P.V. Ignatyev, E.L. Korshunov, A.I. Rupasov. 2nd edition, revised and enlarged]. Sankt-Peterburg : GALART — Saint Petersburg : GALART, 2019. 528 s.
  10. Lipatov E.G. Voенное polozhenie kak sposob normativno-pravovoy organizatsii obschestva [Martial Law as a Means of the Statutory Organization of the Society] / E.G. Lipatov // *Gosudarstvo. Pravo. Voyna: 60-letie Velikoy Pobedy` : monografiya ; pod obschey redaktsiyei V.P. Salnikova, R.A. Romashova, N.S. Nizhnik* [State. Law. War: The 60th Anniversary of the Great Victory : monograph ; under the general editorship of V.P. Salnikov, R.A. Romashov, N.S. Nizhnik]. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii — Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, 2005. 655 s.
  11. Nyurnbergskiy protsess : sbornik materialov. V 8 tomakh. T. 2 ; sostaviteli M.Yu. Raginskiy, K.S. Pavlischev ; nauchny`e redaktory` N.S. Lebedeva, V.D. Ezhov [The Nuremberg Trials : collection of files. In 8 volumes. Vol. 2 ; compiler M.Yu. Raginskiy, K.S. Pavlischev ; scientific editors N.S. Lebedeva, V.D. Ezhov]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1988. 672 s.
  12. Oborona Leningrada. 1941–1944. Vospominaniya i dnevniki uchastnikov ; otvetstvenny`y redaktor A.M. Samsonov [The Defense of Leningrad. 1941 to 1944. Recollections and Memoirs of Participants ; publishing editor A.M. Samsonov]. Leningrad : Nauka — Leningrad : Science, 1968. 791 s.
  13. Organy` gosudarstvennoy bezopasnosti v Velikoy Otechestvennoy voyne : sbornik dokumentov. V 6 tomakh. T. 2. Kn. 2. Nachalo. 1 sentyabrya — 31 dekabrya 1941 goda ; avtory`-sostaviteli V.P. Yampolskiy [i dr.] [State Security Agencies in the Great Patriotic War : collection of documents. In 6 volumes. Vol. 2. Book 2. The Beginning. September 1 to December 31, 1941 ; compilers V.P. Yampolskiy [et al.]]. Moskva : Rus — Moscow : Rus, 2000. 699 s.
  14. Panfilets A.V. Organy` i voyska NKVD na Severo-Zapade SSSR v gody` Velikoy Otechestvennoy voyny` : monografiya [NKVD Agencies and Troops in the North-West of the USSR in the Years of the Great Patriotic War : monograph] / A.V. Panfilets. Sankt-Peterburg : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii — Saint Petersburg : Publishing house of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, 2016. 213 s.
  15. Syakov Yu.A. Sry`v planov nemetskogo komandovaniya po sozdaniyu vtorogo koltsa blokady` Leningrada (oktyabr — dekabr 1941 goda) : avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk [The Frustration of Plans of the German Command to Create the Second Circle of the Siege of Leningrad (October to December 1941) : author's abstract of thesis of PhD in History] / Yu.A. Syakov. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 2003. 22 s.

Правовое регулирование иммиграционной политики США в 1950-е годы

Овсянников Павел Юрьевич,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Сибирского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
paulovsyannikov@yandex.ru

Автором статьи проведен анализ правовых норм законов США от 23 сентября 1950 г. «О внутренней безопасности» и от 27 июня 1952 г. «Об иммиграции и гражданстве». Указанные нормативно-правовые акты стали правовой основой расово-национальной иммиграционной политики США в 1950-е годы, которая значительным образом изменила этнический состав иммигрантов того времени.

Ключевые слова: иммиграция, иммиграционная реформа, иммиграционная политика, закон, гражданство, США, иммигрант, иммигранты в США.

The Legal Regulation of the U.S. Immigration Policy in the 1950s

Ovsyannikov Pavel Yu.
Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines
of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
PhD (Law)

The author of the article analyzes the legal norms of the US laws of Internal Security Act of September 23, 1950 and Immigration and Nationality Act of June 27, 1952. These acts became the legal basis of the racial and national immigration policy of the United States in the 1950s, which significantly changed the ethnic composition of immigrants of that time.

Keywords: immigration, immigration reform, immigration policy, law, citizenship, the USA, immigrant, US immigrants.

Государственно-политические события, происходившие в США в 1950-х гг., олицетворяли политику маккартизма, названную так в честь сенатора Джозефа Рэймонда Маккарти. 9 февраля 1950 г. тогда еще малоизвестный в стране сенатор Маккарти сделал заявление о том, что располагает списком из 205 фамилий коммунистов, работавших в Государственном департаменте США. Маккарти привлек к себе пристальное внимание средств массовой информации, особенно телевидения, которое становилось популярным в то время. Заручившись поддержкой стремящихся к власти республиканцев, Маккарти призвал страну покончить с «двадцатилетием измен» — так был назван период пребывания демократов у власти.

Кабелл Филлипс¹, автор фундаментального труда о периоде администрации

президента Гарри Трумена, писал: «Маккартизм был злобной демагогией, которая на десятилетия разрушила политическую жизнь нации. Он поддерживался как циничными людьми, которые им манипулировали, так и лицемерными, которые могли его уничтожить, но не сделали этого. Маккартизм не достиг полного размера раковой опухоли, пока не закончился срок полномочий президента Трумэна, но болезнь началась и вышла из-под контроля, когда он находился в Белом доме».

Массовая чистка государственного аппарата от коммунистов и других неблагонадежных лиц повлекла принятие Конгрессом США 23 сентября 1950 г. закона «О внутренней безопасности»², или закона «Маккарена-Вуда», названного так в честь его авторов — сенатора Патрика

¹ Phillips C. The Truman Presidency: The History of a Triumphant Succession. New York: Macmillan, 1966. P. 354.

² Internal Security Act of September 23, 1950 (64 Statutes-at-Large 987). URL: http://tucnak.fsv.cuni.cz/~calda/Documents/1950s/Inter_Security_50.html (дата обращения: 12.06.2020).

Энтони Маккарена и члена палаты представителей Джона Стивенса Вуда.

Основные положения закона «О внутренней безопасности» представляли собой следующее:

— существовавшее или текущее членство в коммунистической партии или любой другой тоталитарной партии или ее филиалах являлось основанием для отказа в праве на въезд в США;

— иностранцы, находившиеся на территории США и не соответствующие положениям данного закона, подлежали депортации, независимо от продолжительности их пребывания в стране;

— министр юстиции был лишен свободы в принятии решений о допуске на короткий или длительный срок «нежелательных» иностранцев;

— министр юстиции имел право не допускать и депортировать без рассмотрения дела иностранца, въезд которого мог бы нанести ущерб государственным интересам, если решение первого было основано на конфиденциальной информации, разглашение которой могло бы нанести ущерб государственным интересам США;

— министр юстиции был уполномочен контролировать депортацию иностранцев, находящихся в ожидании высылки, в том числе определять страну для депортации. Депортация была запрещена в страны, в которых иностранцы могли быть подвергнуты физическому гонению;

— любой иностранец, подлежавший депортации как нарушитель уголовного закона, который умышленно не покинул США в течение шести месяцев после издания приказа о депортации, привлекался к уголовной ответственности и мог быть лишен свободы на срок свыше 10 лет;

— каждый иностранец, проживавший и зарегистрированный в США, был обязан сообщать о своем месте жительства в Службу иммиграции и натурализации по месту проживания в течение десяти дней после 1 января каждого года.

Таким образом, «нежелательные» иммигранты подвергались депортации из страны, а в случае уклонения подлежали уголовной ответственности. Кроме того, министру юстиции был предоставлен достаточно широкий круг полномочий, а именно: право определения «нежелатель-

ных» иммигрантов и решения вопроса о стране их депортации. А.Н. Шлепаков отмечал, что нормы данного закона создали «почву для всякого рода произвола». В подтверждении этого исследователь привел список «находившихся тогда под арестом и подлежавших депортации 160 лиц. Среди них оказались 30 профсоюзных деятелей, 2 афроамериканских лидера, 3 представителя еврейской общины и более 100 активных деятелей национальных меньшинств. Всего было выслано за пределы страны 12 253 иммигранта»³.

27 июня 1952 г. принимается закон США «Об иммиграции и гражданстве»⁴, известный как закон «Уолтера-Маккарена». Первоначальная редакция закона включала в себя основные положения нормативно-правовых актов, действовавших в первой половине XX в. Значительным образом подверглась изменению процедура допуска иностранных граждан на территорию страны. Данный закон с изменениями и дополнениями регулирует иммиграционные правоотношения в США в настоящее время.

В количественном ограничении данный закон продолжил политику 1920-х гг., за основу были взяты данные переписи 1920 г. Ежегодная квота составляла менее 0,17% от количества лиц той национальности, которые находились на территории США в 1920 г. Такие меры были направлены, прежде всего, на сохранение определенного национально-расового состава населения страны. С 1 января 1953 г. устанавливалась ежегодная квота в размере 154 657 человек для стран восточного полушария⁵.

В распределении квот приоритеты были расставлены следующим образом. Странам Западной и Северной Европы отдавалось не менее 85% от общей ежегодной квоты, из которой 60% получили Великобритания, Германия и Ирландия, а для Италии Греции и Испании выделе-

³ Шлепаков А.Н. Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма. М.: Мысль, 1966. С. 380–381.

⁴ Immigration and Nationality Act of June 27, 1952 (INA) (66 Statutes-at-Large 163). URL: <http://library.uwb.edu/guides/usimmigration/66%20stat%20163.pdf> (дата обращения: 12.06.2020). (Далее — Закон 1952 г.)

⁵ Филиппов С.В. США: иммиграция и гражданство (политика и законодательство). М., 1973. С. 56.

но менее 4%⁶. Страны Южной и Восточной Европы получили 15% от всей европейской квоты.

Так, например, в 1963 г. общий размер квоты был установлен на уровне 156 987 человек. Доля Великобритании из этого количества составляла 65 361, Германии — 25 814, Ирландии — 17 756. В то же время Италии было отдано 5 655 человек, Греции — 308, Турции — 225 человек⁷.

Существенным нововведением стала система преференций, включающая в себя 4 категории иностранцев, которым отдавалось предпочтение при разрешении вопроса об их допуске в страну.

Первой категории предназначалось 50% квоты, выделяемой для отдельной страны. Самое высокое предпочтение было отдано иммигрантам с «высоким уровнем образования, технической подготовкой, профессиональным опытом или исключительными способностями, которые могли бы быть полезными для Соединенных Штатов»⁸. Очевидно, что такое основание было направлено на получение человеческих ресурсов и удовлетворение потребностей рынка труда.

Вторая категория включала родителей граждан США и устанавливалась в размере 30% квоты плюс визы, не использованные в первой и третьей категориях.

К третьей категории принадлежали супруги и дети постоянных жителей США. Им предназначалось 20% квоты плюс визы, не использованные первыми двумя категориями.

Четвертую категорию представляли состоявшие в браке дети граждан США, дети старше 21 года, братья и сестры граждан США. Они могли получить 25% виз, не использованных первыми тремя категориями. Следовательно, въезд на территорию США иностранцев, отнесенных к данной категории, был маловероятен.

Кроме этого, законом 1952 г. была введена еще одна группа, которой также выделялось 25% виз, не использованных всеми четырьмя группами преференций.

Соответственно, у лиц, принадлежащих к данной группе, шансов на иммиграцию в США было еще меньше, чем у четвертой категории системы преференций⁹.

Закон 1952 г. ужесточил качественные требования к иммигрантам. Так, например, от кандидатов на въезд требовались знания английского языка (разговорная речь, чтение и понимание прочитанного, письмо), основ истории, принципов и форм правления США. Стоимость иммиграционной визы была установлена на уровне 20 долл. Причем данная сумма не являлась барьером для иммигрантов (в 1917 г. визовый сбор составлял 8 долл.)¹⁰.

Отдельного внимания заслуживает раздел 212 Закона 1952 г. Он содержал 31 категорию иностранцев, которые не имели права на получение визы и, соответственно, не могли быть допущены в страну. К ним относились: практически все иностранцы, которым был запрещен въезд в страну до принятия закона: лица, принадлежавшие к коммунистическим партиям и организациям; рабочие — квалифицированные и неквалифицированные, если, по мнению министра труда и министра юстиции, таковых к данному моменту достаточно в США; рабочие в том случае, если их трудоустройство может повлиять на заработную плату и условия труда рабочих США¹¹.

Как отмечалось выше, основное предпочтение и половина всех доступных виз предназначались иммигрантам с высоким уровнем образования, технической подготовкой, профессиональным опытом или исключительными способностями, необходимыми рынку труда. Но с 1952 по 1965 г. в действительности только около 1% иностранцев от общего количества иммигрировали как первые привилегированные иммигранты. Причины заключались в том, что, во-первых, ни система преференций, ни количественное ограничение иммиграции не касались иммигрантов или членов их

⁶ Шамшур О.В. «Золотые двери» иммиграции: что кроется за ними? Харьков: Прапор, 1987. С. 37.

⁷ Annual Report of the Immigration and Naturalization Service. Washington, D.C. 1963. P. 30.

⁸ Briggs V.M. Mass Immigration and the National Interest. New York: M.E. Sharpe, Inc., 1992. P. 100.

⁹ United States Immigration Laws. General Information. United States Department of Justice: Immigration and Naturalization Service, 1952. P. 8–9.

¹⁰ Ручкин А.Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века: монография. М., 2007.

¹¹ Шлепаков А.Н. Указ. соч. С. 386.

семей, находившихся в странах западного полушария. Во-вторых, в странах восточного полушария, обладавших наибольшим количеством квот (например, в Великобритании), множество квот оставались неиспользованными. В результате система преференций работала неэффективно.

Вместе с тем лишь некоторые государства, расположенные в восточном полушарии, имели квалифицированных рабочих, желавших иммигрировать в США. Значительное количество иммигрантов въезжало в США не на основе потребностей рынка труда. Следовательно, идея того, что главная цель иммиграционной системы должна состоять в том, чтобы удовлетворять потребности рынка труда, разрушалась.

Действие Закона «Об иммиграции и гражданстве» 1952 г. значительно изменило расовый и социальный состав иммигрантов. Увеличилось количество иммигрантов из стран Азии и Латинской

Америки, которые являлись в то время основными «поставщиками» иммигрантов в США. Так, к 1960 г. доля иностранцев из указанных стран достигла значение в 75% от всех проживавших на территории США иммигрантов, а в 1950 г. данный показатель был ниже 50%¹².

Закон 1952 г. стал первым кодифицированным нормативно-правовым актом, включившим в себя пересмотренные нормы иммиграционных законов, действовавших до 27 июня 1952 г. Следовательно, указанная дата в иммиграционной истории США является отправной точкой в формировании современного иммиграционного законодательства США.

¹² Demographic Impact of Immigration on the United States: Hearings before the Subcommittee on Census and Population of the Committee on Post Office and Civil Service, House of Representatives, Ninety-Ninth Congress, First Session. Washington : U.S. Government Printing Office, 1985. III. P. 16.

Литература

1. Ручкин А.Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века : монография / А.Б. Ручкин. Москва, 2007. 446 с.
2. Филиппов С.В. США: иммиграция и гражданство (политика и законодательство) / С.В. Филиппов. Москва : Наука, 1973. 203 с.
3. Шамшур О.В. «Золотые двери» иммиграции: что кроется за ними? / О.В. Шамшур. Харьков : Прапор, 1987. 172 с.
4. Шлепаков А.Н. Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма / А.Н. Шлепаков. Москва : Мысль, 1966. 501 с.
5. Шлепаков А.Н. Рабочий класс и национальный вопрос в странах Западной Европы и Северной Америки 60–80-е гг. / А.Н. Шлепаков [и др.]. Киев : Наукова думка, 1985. 160 с.
6. Briggs V.M. Mass Immigration and the National Interest / V.M. Briggs. New York : M.E. Sharpe, Inc., 1992. 278 p.
7. Phillips C. The Truman Presidency: The History of a Triumphant Succession / C. Phillips. New York : Macmillan, 1966. 463 p.

References

1. Ruchkin A.B. Russkaya diaspora v Soedinenny'kh Shtatakh Ameriki v pervoy polovine XX veka : monografiya [The Russian Expatriate Community in the United States of America in the First Half of the XX Century : monograph] / A.B. Ruchkin. Moskva — Moscow, 2007. 446 s.
2. Filippov S.V. SSHA: immigratsiya i grazhdanstvo (politika i zakonodatelstvo) [The USA: Immigration and Citizenship (Politics and Legislation)] / S.V. Filippov. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1973. 203 s.
3. Shamshur O.V. «Zoloty'e dveri» immigratsii: chto kroetsya za nimi? [The 'Golden Doors' of Immigration: What Is Hiding Behind?] / O.V. Shamshur. Kharkov : Prapor — Kharkov : Prapor, 1987. 172 s.
4. Shlepakov A.N. Immigratsiya i amerikanskiy rabochiy klass v epokhu imperializma [Immigration and the American Working Class in the Epoch of Imperialism] / A.N. Shlepakov. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1966. 501 s.
5. Shlepakov A.N. Rabochiy klass i natsionalny'y vopros v stranakh Zapadnoy Evropy' i Severnoy Ameriki 60–80-e gg. [The Working Class and the Ethnic Problem in Countries of Western Europe and North America in the 1960s to the 1980s] / A.N. Shlepakov [i dr.]. Kiev : Naukova dumka — A.N. Shlepakov [et al.]. Kiev : Scientific Thought, 1985. 160 s.
6. Briggs V.M. Mass Immigration and the National Interest / V.M. Briggs. New York : M.E. Sharpe, Inc., 1992. 278 s.
7. Phillips C. The Truman Presidency: The History of a Triumphant Succession / C. Phillips. New York : Macmillan, 1966. 463 s.

Аксиология трудового права: традиции и современность

Лескина Элеонора Игоревна,
старший преподаватель кафедры трудового права
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук
elli-m@mail.ru

Аксиология права — сравнительно молодое направление научной мысли. Однако в то же время на протяжении веков и даже тысячелетий люди пытались выявить те идеалы, к которым нужно стремиться в различных сферах деятельности, в частности и в юриспруденции. Трудовое право, сформировавшись в качестве самостоятельной отрасли в конце XIX в., должно отвечать высшим и общезначимым ценностям, быть аксиологически наполненным. В то же время само понятие трудово-правовой ценности остается неизученным. И в этом смысле следует обратиться к философским учениям, значительный массив которых посвящен исследованию понятия ценностей, значимостей, идеалов и смыслов. В статье сквозь призму философских учений рассматривается нормативное закрепление трудово-правовых ценностей и выводится понятие последних.

Ключевые слова: ценности, аксиология, трудово-правовые ценности, справедливость, безопасность, философия.

Labor Law Axiology: Traditions and the Modern Times

Leskina Eleonora I.
Senior Lecturer of the Department of Labor Law of the Saratov State Law Academy
PhD (Law)

The axiology of law is a relatively young line of scientific thought. However, at the same time, for centuries and even millennia, people have tried to identify those ideals to which one should strive in various fields of activity, in particular, in jurisprudence. Labor law, formed as an independent industry in the late XIX century, must meet higher and universally valid values, be axiologically filled. At the same time, the very notion of labor-law value remains unexplored. And in this sense one should turn to philosophical teachings, a significant array of which is devoted to the study of the concept of values, significances, ideals and meanings. In the article, through the prism of philosophical doctrines, is considered the normative consolidation of labor-law values.

Keywords: values, axiology, labor rights, justice, security, philosophy.

Применение философских подходов к познанию сущности права в целом занимало умы ученых с давних времен. К концу XX в. распространение получили исследования, носящие во многом междисциплинарный характер, когда методы, разработки и опыт философии применялись уже к изучению отдельных отраслей права. Направления философской мысли проецировались на правовые нормы, по-новому освещая их сущность и предназначение. В этом плане аксиология как самостоятельное философское направление, изучающее ценности, разделяя реальность и ценность, способно продуцироваться на отдельные элементы познания, в частности юриспруденцию. В этом смысле индивиды и их общности

пытались установить определенные нормы, эталоны, критерии и цели своего развития. Изучением таких явлений занимались представители религии, философии, науки, в частности юриспруденции. Однако именно об аксиологии права можно говорить лишь с начала XX столетия. Неслучайно, удовлетворяя потребность в аксиологическом осмыслении права, учения о ценностях, соответствующую методологию применяют и к отдельным юридическим отраслям.

Уже более 20 лет прошло со времени предложения Е.Б. Хохлова об изучении трудового права с философских позиций. Представляется, что, говоря о сущности трудового права, о его целях, задачах, принципах, необходимо возвра-

тяться к истокам трудового права, к его ценностям.

В отношении трудового права данное направление актуально в силу нескольких причин.

Во-первых, оптимальная корреляция правовых и нравственных норм имеет большое значение в трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношениях. Забота о материнстве (отцовстве), установление минимальных социальных гарантий, поддержка лиц, испытывающих затруднение в поиске работы, защита работников в плане охраны труда и т.д., — все это срез и правовых, и моральных норм.

Во-вторых, нахождение баланса интересов работников и работодателей, как одна из основных задач трудового законодательства, немыслимо без учета ценностей, лежащих в сфере трудовых отношений. Установление баланса интересов сторон трудовых отношений — неотъемлемое условие социального мира, а следовательно аксиологические аспекты в данной сфере очень влиятельны.

И наконец, в-третьих, динамика развития социально-экономических отношений обуславливает отражение соответствующих процессов в правовой политике государства. Трудовые отношения в этом аспекте являются одним из индикаторов соответствующей политики, поскольку в них преломляются социальные, экономические, политические, демографические и иные аспекты. Следовательно, претворение в жизнь трудовозрастных ценностей является целью и атрибутом социального и правового государства, каким и является Российская Федерация.

Аксиология трудового права успешно развивается в Украине¹, Беларуси².

Представляется необходимым переосмысление отечественных трудовозрастных норм в аспекте их ценностного содержания.

Рассмотрим понимание ценностей в трудовом праве России сквозь призму философских учений.

Классическая концепция (Платон, Гегель, К. Маркс) рассматривает ценности в качестве объективно существующих явлений, представляющих собой совершенство, цель человека. Причем в данной концепции ценности понимаются и в материалистическом смысле, и в идеалистическом.

В трудовом праве России данная концепция также нашла свое отражение. Что касается идеалистического направления классической концепции, то здесь большое внимание уделялось истине (у Гегеля — Абсолютная Истина). Однако в трудовом праве истина не может пониматься в абсолютном значении. Защита трудовых прав работников осуществляется посредством гражданского судопроизводства, в котором действуют свои презумпции и фикции. Состязательная модель правосудия позволяет достичь лишь относительной истины. Примерами в сфере трудового права могут являться дела об увольнении подп. «б» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ³, особенно если примут норму о презумпции нахождения работника в состоянии алкогольного опьянения при отказе сотрудника от медицинского освидетельствования⁴.

В отношении материалистического направления классической концепции ценности получили нормативное закрепление в трудовом законодательстве. Так, в материалистическом смысле понимаются ценности в Постановлении Правительства РФ от 1 сентября 2012 г.

¹ Панасюк О.Т. Аксиологические аспекты в трудовом праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1994. 25 с. ; Тамашэўскі К.Л. Уводзіны ў філязофію працоўнага права // Праўнік. 2006. № 1 (2). С. 26–33 ; Хохлов Е.Б. Некоторые актуальные проблемы теории и практики современного российского трудового права // Правоведение. Известия вузов. 2006. № 4. С. 50–51 ; Занфірова Т.А. Аксиологічно-нормативні засади філософії трудового права : монографія. Запоріжжя, 2010. 300 с.

² Томашевский К.Л. Аксиология трудового права как учение о ценностях в сфере труда // Российский журнал правовых исследований. 2017.

№ 1 (10). С. 220–228 ; Его же. Очерки трудового права: история, философия, проблемы систем и источников. Минск : БГУ, 2009.

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть 1). Ст. 3.

⁴ Законопроект № 358830-7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Официальный сайт государственной Думы Российской Федерации. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=358830-7](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=358830-7)

№ 875⁵, в котором говорится о деятельности, создающей риск причинения вреда охраняемым законом ценностям в сфере труда. Трудовой кодекс РФ также содержит много примеров указанной трактовки понимания ценностей: ценный подарок (ст. 191 ТК РФ), денежные и товарные ценности (ст. 244 ТК РФ), недостача ценностей (ст. 243 ТК РФ) и т.д. Указанные трудовые нормы понимают ценности объективно существующими в реальности, независимыми от сознания человека, предметными явлениями.

Неклассическая философская концепция (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) понимает ценности как категорию значимости тех или иных явлений для индивидов или их общностей. Причем данная концепция подразделяется также на материалистическую (ценности как потребности) и идеалистическую (ценности как проявление сознательной воли человека). Идеалистическое понимание ценностей в неклассическом их понимании впервые предложил И. Кант, затем данное направление было развито в баденской школе неокантианства. Кант писал: «Ценность может заключаться только в принципе воли безотносительно к тем целям, какие могут быть достигнуты посредством... поступка»⁶.

Для изучения трудовых ценностей большое значение имеют работы В. Виндельбанда о понятии общезначимых ценностей. Философ рассматривал ценности как цели, как самодостаточные категории, как идеалы, носителем которых является сознание, трансцендентальный субъект. Виндельбанд выделял, в частности, такие ценности, как истина, порядок, любовь и т.д. И действительно, мировые ценности сообщества зиждутся на основных, общезначимых ценностях. В этом смысле будет уместно привести позицию Конституционного Суда РФ,

который понимает трудовые ценности как значимость для сообщества. Так, Конституционный Суд РФ рассматривает труд педагогических работников сквозь призму значимости и ценности для общества и государства⁷.

Экзистенциализм в ряду ценностей на первое место поставил отдельную личность. Его жизнь, его права, свободы провозглашаются в качестве высшей ценности. То есть в данном понимании ценности не являются объективно существующими явлениями, но неразрывно связаны с жизнью конкретного человека, с его природой. Данная позиция соотносится со ст. 2 Конституции РФ⁸, где человек, его права и свободы провозглашены как высшая ценность. Так, уже более века назад Т. Карлейль провозгласил труд высшей социальной ценностью, в связи с чем право на труд признавалось важнейшим неотъемлемым правом человека⁹. В рамках рассматриваемого философского направления понимается и ценность безопасности. Как трудовая ценность безопасность рассматривается как характеристика условий труда (ст. 22 ТК РФ), безопасность работников в процессе трудовой деятельности — как цель охраны труда, как техника безопасности,

Наконец, обратимся к постнеклассической философии, в которой основные категории и понятия переосмысливаются путем сложения и сближения тоталь-

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 3 июня 2004 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений подпунктов 10, 11 и 12 пункта 1 статьи 28, пунктов 1 и 2 статьи 31 Федерального закона „О трудовых пенсиях в Российской Федерации“ в связи с запросами Государственной Думы Астраханской области, Верховного Суда Удмуртской Республики, Биробиджанского городского суда Еврейской автономной области, Елецкого городского суда Липецкой области, Левобережного, Октябрьского и Советского районных судов города Липецка, а также жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2004. № 24. Ст. 2476.

⁵ Постановление Правительства РФ от 1 сентября 2012 г. № 875 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» (ред. от 22.11.2017) // СЗ РФ. 2012. № 37. Ст. 4995.

⁶ Кант И. Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 235.

⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁹ Брокгайм С. Чартистское движение в Англии. М., 1905.

ных противоположностей. В отношении ценностей можно сказать о единстве понимания идеалистических и материалистических, объективных и субъективных ипостасей ценностей (В.А. Василевский, П.М. Рабинович, И.С. Нарский). «Ценности существуют диспозиционно, а их роль исполняют социальные отношения, социальные и личностные состояния и свойства. Это решение вопроса противоположно как объективно- и субъективно-идеалистическим, так и с метафизически-материалистическим теориям ценностей...»¹⁰. Разные стороны единого понятия ценностей — именно так следует понимать и соответствующие трудовые правовые категории. Ценности, особенно в трудовом праве, имеют и материалистическое, и идеалистическое содержание, и объективное, и субъективное. Субъективное содержание выражается в значимости для человека, общества, государства определенного явления. Объективное же обуславливается потребностями человека и способностью ценностей удовлетворять такие потребности.

Обратимся, например к ст. 22 ТК РФ, устанавливающей обязанность работодателя обеспечивать работникам равную оплату за труд равной ценности. В данном случае ценность может пониматься и как объективно существующая (показатели выполнения норм труда, конкретная должность, рабочее время — в материалистической концепции, сложность, напряженность работы — в идеалистической концепции), и в неклассическом понимании (значимость определенной сферы деятельности), и в трактовке экзистенциалистов (как неотъемлемое право работников). Однако правильнее интерпретировать данную категорию в постнеклассическом понимании — как срез субъективных потребностей и прав работников и одновременно значимости и задачи государства с учетом материального и идеалистического содержания.

В постнеклассической трактовке следует понимать и ценность справедливости

в трудовом праве. В Международном пакте ООН об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. провозглашается право на **справедливые** и благоприятные условия труда, включая **справедливую** заработную плату¹¹. Во Всеобщей декларации прав человека содержится право на **справедливое** и удовлетворительное вознаграждение¹². В Филадельфийской декларации «О целях и задачах Международной организации труда» от 10 мая 1944 г. указано на **справедливое** распределение плодов прогресса в области оплаты труда, рабочего времени и прочих условий труда¹³. Как видим, справедливость здесь понимается и как значимость для работников, как их неотъемлемое право. В то же время справедливость необходимо воспринимать как идеал трудового законодательства и как цель для государства в регулировании трудовых и непосредственно связанных с ними отношений. В этом смысле более 100 лет назад О. Цвиденек-Зюденгорст справедливо выделял такой вопрос государственного воздействия на регулирование трудовых отношений, как достижение общего блага и справедливости¹⁴.

Таким образом, трудовые ценности — это объективно существующие идеальные или материальные по своей природе явления, субъективное отношение к которым выражается в особой значимости для индивида или общностей людей в сфере трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений.

¹⁰ Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969. С. 225.

¹¹ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 5 апреля.

¹³ Декларация Международной организации труда «О целях и задачах Международной организации труда» (принята в г. Филадельфии 10.05.1944 на 26-й сессии Генеральной конференции МОТ) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Цвиденек-Зюденгорст О. Теория и практика заработной платы, особенности исследования вопроса об установлении минимума заработной платы. М., 1905. С. 149–173.

Литература

1. Брокгайм С. Чартистское движение в Англии / С. Брокгайм. Москва : Книгоиздательство Е.Д. Мягкова «Колокол», 1905. 87 с.
2. Занфірова Т.А. Аксиологічно-нормативні засади філософії трудового права : монографія / Т.А. Занфірова. Запоріжжя, 2010. 300 с.
3. Кант И. Сочинения. В 6 томах : перевод с немецкого / И. Кант ; под общей редакцией В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 4. Ч. 1 / редактор и автор вступительной статьи В.Ф. Асмус. Москва : Мысль, 1965. 544 с.
4. Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания / И.С. Нарский. Москва : Наука, 1969. 246 с.
5. Панасюк О.Т. Аксиологические аспекты в трудовом праве : автореферат диссертации кандидата юридических наук / О.Т. Панасюк. Киев, 1994, 25 с.
6. Тамашэўскі К.Л. Уводзіны ў філязофію працоўнага права / К.Л. Тамашэўскі // Праўнік. 2006. № 1 (2). С. 26–33.
7. Томашевский К.Л. Аксиология трудового права как учение о ценностях в сфере труда / К.Л. Томашевский // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 220–228.
8. Томашевский К.Л. Очерки трудового права: история, философия, проблемы систем и источников / К.Л. Томашевский. Минск : БГУ, 2009. 335 с.
9. Хохлов Е.Б. Некоторые актуальные проблемы теории и практики современного российского трудового права / Е.Б. Хохлов // Правоведение. Известия вузов. 2006. № 4. С. 50–51.
10. Цвиденек-Зюденгорст О. Теория и практика заработной платы, особенности исследования вопроса об установлении минимума заработной платы / О. Цвиденек-Зюденгорст ; перевод с немецкого Б. Авилова. Москва : Изд. С. Скимунта, 1905. 525 с.

References

1. Brokgaym S. Chartistskoe dvizhenie v Anglii [The Chartist Movement in England] / S. Brokgaym. Moskva : Knigoizdatelstvo E.D. Myagkova «Kolokol» — Moscow : E.D. Myagkov's book publishing house Bell, 1905. 87 s.
2. Занфірова Т.А. Аксиологічно-нормативні засади філософії трудового права : монографія / Т.А. Занфірова. Запоріжжя, 2010. 300 с.
3. Kant I. Sochineniya. V 6 tomakh : perevod s nemetskogo ; pod obschey redaktsiyei V.F. Asmusa, A.V. Gulyga, T.I. Oyzermana. T. 4. Ch. 1 ; redaktor i avtor vstupitel'noy statyi V.F. Asmus [Writings. In 6 volumes : translation from German ; under the general editorship of V.F. Asmus, A.V. Gulyga, T.I. Oyzerman. Vol. 4. Part 1 ; editor and author of the introductory article V.F. Asmus] / I. Kant. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1965. 544 s.
4. Narskiy I.S. Dialekticheskoe protivorechie i logika poznaniya [The Dialectic Inconsistency and the Logic of Cognition] / I.S. Narskiy. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1969. 246 s.
5. Panasyuk O.T. Aksiologicheskie aspekty` v trudovom prave : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Axiological Aspects in Labor Law : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / O.T. Panasyuk. Kiev — Kiev, 1994. 25 s.
6. Тамашэўскі К.Л. Уводзіны ў філязофію працоўнага права / К.Л. Тамашэўскі // Праўнік. 2006. № 1 (2). С. 26–33.
7. Tomashevskiy K.L. Aksiologiya trudovogo prava kak uchenie o tsennostyakh v sfere truda [Labor Law Axiology as a Doctrine About Labor Values] / K.L. Tomashevskiy // Rossiyskiy zhurnal pravovy`kh issledovaniy — Russian Journal of Legal Research. 2017. № 1 (10). S. 220–228.
8. Tomashevskiy K.L. Ocherki trudovogo prava: istoriya, filosofiya, problemy` sistem i istochnikov [Sketches of Labor Law: History, Philosophy, Issues of Systems and Sources] / K.L. Tomashevskiy. Minsk : BGU — Minsk : BSU, 2009. 335 s.
9. Khokhlov E.B. Nekotory'e aktualny'e problemy` teorii i praktiki sovremennogo rossiyskogo trudovogo prava [Some Relevant Issues of the Theory and Practice of Modern Labor Law of Russia] / E.B. Khokhlov // Pravovedenie. Izvestiya vuzov — Legal Studies. News of Higher Educational Institutions. 2006. № 4. S. 50–51.
10. Zwiedineck-Südenhorst O. Teoriya i praktika zarabotnoy platy`, osobennosti issledovanie voprosa ob ustanovlenii minimuma zarabotnoy platy` ; perevod s nemetskogo B. Avilova [The Theory and Practice of Salary, in Particular, Research on the Issue of the Establishment of the Salary Minimum ; translation from German by B. Avilov] / O. Zwiedineck-Südenhorst. Moskva : Izd. S. Skirmunta — Moscow : S. Skirmunt's publishing house, 1905. 525 s.

Правовая охрана материнства и детства в сфере трудовых отношений в России во второй половине XIX — начале XX в.

Мун Виктория Анатольевна,
соискатель кафедры истории государства и права
Саратовской государственной юридической академии
mun.viktoriya@mail.ru

В статье рассматриваются основные нормативно-правовые акты, регулировавшие труд детей, беременных женщин, женщин-матерей в России во второй половине XIX — начале XX в. Исследуются наиболее актуальные по отношению к указанным лицам вопросы: 1) возраст допущения до работы детей; 2) нормирование труда женщин и детей; 3) школьное образование детей; 4) страхование материнства. Выявляются особенности российского законодательства по охране материнства и детства в сравнении с зарубежным законодательством.

Ключевые слова: охрана материнства, охрана детства, нормирование труда женщин и детей, школьное образование детей, страхование материнства.

Legal Protection of Motherhood and Childhood in Labor Relations in Russia in the Second Half of the XIX to the Early XX Century

Mun Viktoria A.
Degree-Seeking Student of the Department of History of State and Law
of the Saratov State Law Academy

The article deals with the main legal acts regulating the work of children, pregnant women, women-mothers in Russia in the second half of the XIX — early XX centuries. The most relevant issues in relation to these persons are studied: 1) the age of admission to work of children; 2) the regulation of labor of women and children; 3) school education of children; 4) maternity insurance. Features of the Russian legislation on protection of motherhood and childhood in comparison with the foreign legislation are revealed.

Keywords: maternity protection, child protection, regulation of labor of women and children, school education of children, maternity insurance.

Становление и развитие правовой охраны материнства и детства в области трудовых отношений в России во второй половине XIX — начале XX в. происходили главным образом в сфере промышленного и ремесленного производства, исключая государственную службу, сферу управления или иной труд, требующий высшего и специального образования. Во многом это объясняется тем, что «женщины испытывали дискриминацию во всех профессиональных группах»¹. В то же время активное вовлечение женщин и детей в промышленность способ-

ствовало зарождению в России законодательства по охране материнства и детства.

Наиболее обсуждаемыми вопросами при принятии первых законов, регулирующих труд детей, беременных женщин, женщин-матерей, были: 1) возраст допущения до работы детей; 2) нормирование труда женщин и детей; 3) школьное образование детей; 4) страхование материнства.

Вопросы о минимальном возрасте допущения детей к труду, об ограничении труда малолетних, а также организации школьного образования детей неоднократно обсуждались в правительственных кругах, начиная со второй половины XIX в., однако законодательного оформления вплоть до конца XIX в. не находили.

¹ Ворошилова С.В. Правовое положение женщин в России в XIX — начале XX вв. : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. С. 313.

Во многом указанное объясняется тем, что необходимости охранять жизнь детей и общепризнанную ценность репродуктивных функций женщины противостояло стремление государства к преодолению конкуренции и экономических конфликтов между фабрикантами.

Законом от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах»² был запрещен труд детей до 12 лет. Работа малолетних в возрасте от 12 до 15 лет ограничивалась 8 час. в сутки, не более 4 час. подряд. Запрещалось применение труда малолетних в ночную смену, а также в воскресные и праздничные дни. В случае если работающие малолетние не имели хотя бы одноклассного образования, им предоставлялась возможность посещать учебные заведения не менее 3 час. ежедневно или 18 час. в неделю.

Одновременно с изданием закона 1882 г. Министерством финансов был утвержден список особо опасных производств и отдельных отраслей промышленности, наносящий вред здоровью, на которых было запрещено использовать труд малолетних детей, не достигших 15-летнего возраста³. Указанный список не распространялся на женщин.

В дополнение Закона 1882 г. был издан Закон «О школьном обучении малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах, о продолжительности их работы и о фабричной инспекции» от 12 июня 1884 г., согласно которому «владельцам фабрик, заводов и мануфактур предоставляется открывать при оных школы для первоначального обучения малолетних рабочих»⁴.

Отсутствие правовой нормы, обязывающей фабрикантов создавать условия для получения детьми школьного образования, приводило к тому, что даже при наличии школы дети вместе с родителями в учебное время уходили на работу. Кроме того, фабриканты, которые по собственному желанию и на свои финансы открывали школы при фабриках, жаловались на отсутствие законодательной обязанности по обустройству школ для всех промышленников, что ставило бы их в равное положение⁵.

Стоит отметить положительный опыт европейских стран, которые помимо вопросов минимального возраста работы детей и продолжительности работы детей законодательно регулировали вопрос обязательного получения школьного образования детьми, занятыми в промышленном производстве.

Так, в Германии дети до 14-летнего возраста могли работать только при условии трехчасового ежедневного посещения школы, одобренной высшей администрацией. В Австро-Венгрии дети до 12 лет могли работать только при посещении общественной или фабричной школы. Во Франции работа детей до 12 лет обуславливалась посещением публичной или частной школы, если школа была при промышленном заведении, дети должны проводить в ней не менее 2 час. в день⁶. В Англии в 1862 г. был издан закон, обязывающий детей до 13 лет обучаться в школе не менее 3 час. ежедневно⁷.

В конце XIX в. в России наблюдался экономический кризис, особенно отразившийся на мануфактурной промышленности. Указанные события сопровождались сокращением производства и увольнением рабочих. Петербургские фабриканты в 1884 г., озабоченные конкуренцией фабрик и производительностью труда, подали прошение градоначальнику, в котором указывалось, что ма-

² Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» // Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. 3. Т. II. СПб., 1882. № 931.

³ Элияссон Л.С. Законы об отношениях между предпринимателями и рабочими в области фабрично-заводской промышленности. СПб., 1908. С. 320—323.

⁴ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 12 июня 1884 г. «О школьном обучении малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах, о продолжительности их работы и о фабричной инспекции» // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. IV. СПб., 1884. № 2316.

⁵ Михайловский Я.Т. О деятельности фабричной инспекции: Отчет за 1885 год главного фабричного инспектора Я.Т. Михайловского. СПб., 1886. С. 93.

⁶ Федоров А.Ф. Фабричное законодательство цивилизованных государств: О работе малолетних и женщин на фабриках. СПб., 1884. С. 51—52.

⁷ Английское фабричное законодательство / под ред. И.И. Янжул. М., 1880. С. XXIV.

нуфактурная промышленность в России достигла за последние годы развития, при котором кризис неизбежен, и что единственным средством его устранения является повсеместное воспрещение ночных работ⁸. В первую очередь это касалось труда женщин и детей.

Другой причиной, вызвавшей необходимость законодательного регулирования труда, стало рабочее движение, участвовавшее с конца XIX в., в котором активное участие принимали работающие женщины и подростки.

3 июня 1885 г. был издан Закон «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах»⁹, запрещающий в виде опыта на три года, начиная с 1 октября 1885 г., ночные работы женщинам и подросткам, не достигшим 17-летнего возраста, на хлопчато-бумажных, полотняных и шерстяных фабриках. Министру финансов было предоставлено право распространять действие закона 1885 г. и на другие отрасли промышленности. Постепенно, между 1885 и 1897 г., ему были подчинены все производства по обработке волокнистых веществ. Тем самым закон 1885 г. создал крайне неодинаковые условия для женщин и подростков в различных отраслях промышленности. В текстильном и спичечном производствах ночной труд женщин и подростков был воспрещен, а в других был дозволен¹⁰.

Законы 1882 г. и 1885 г. носили временный характер и были введены в виде опыта на определенный срок. Поскольку срок действия временных правил истек, вновь подлежали выяснению вопросы о допущении к работе детей и женщин в промышленных заведениях.

24 апреля 1890 г. был издан Закон «Об изменении постановлений о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе

и обучении малолетних на ремесленные заведения»¹¹. Малолетним в возрасте от 12 до 15 лет разрешалось работать в течение 6 час. в день. Ранее запрещенная ночная работа малолетних детей теперь допускалась в стеклянном производстве.

Следует отметить, что в России отсутствовали специальные нормы, посвященные вопросу ограждения труда беременных женщин и женщин-матерей в особенно вредных производствах в интересах потомства. Установленные ограничения применения труда женщин затрагивали лишь некоторые производства. Так, в Уставе о промышленности (издание 1893 г.) появляется статья, запрещающая женщинам заниматься подземными работами в рудниках, коях и каменоломнях в губерниях Царства Польского (ст. 126)¹². В 1906 г. был установлен запрет для лиц слабого здоровья, женщин и лиц моложе 15 лет работать по уходу за цинкоплавильными печами¹³.

Вместе с тем в Западной Европе уже в середине XIX в. стали появляться законы в сфере труда, охраняющие положение беременных женщин и кормящих матерей. Так, в Англии женщина, работающая на фабрике, находилась под особой охраной всю свою жизнь, с 1845 г. женщинам запрещен любой ночной труд¹⁴. В Швейцарии женщины исключены из ночной и воскресной работы, избавлены от чистки и смазки машин во время их действия. Беременные женщины, кормящие матери, замужние женщины имели право на обед в полтора часа, тогда как для остальных предусмотрен один час¹⁵. Также в западноевропейских странах уже с 30-х гг. XIX в. стали создаваться специальные детские учреждения, в которых женщи-

⁸ Быков А.Н. Фабричное законодательство и развитие его в России : лекции. СПб., 1909. С. 153.

⁹ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 3 июня 1885 г. «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. V. СПб., 1885. № 3013.

¹⁰ Быков А.Н. Указ. соч. С. 156–157.

¹¹ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 24 апреля 1890 г. «Об изменении постановлений о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения» // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. X. СПб., 1890. № 6742.

¹² Элияссон Л.С. Указ. соч. С. 105.

¹³ Быков А.Н. Указ. соч. С. 208.

¹⁴ Янжул И.И. Детский и женский фабричный труд // Янжул И.И. Очерки и исследования : сб. ст. по вопросам народного хозяйства, политики и законодательства : в 2 т. М., 1884. Т. 2. С. 126.

¹⁵ Там же.

ны-работницы могли оставлять своих детей¹⁶.

Отечественное законодательство по охране материнства и детства в сфере труда середины XIX — начала XX в., в отличие от зарубежного законодательства, не содержало подобных мер, направленных на охрану материнства и детства. По мнению М.И. Туган-Барановского, В.В. Берви-Флеровского, основная причина отсутствия законов, охраняющих труд женщин и детей России, заключается в низком уровне культурного развития общества¹⁷. А.Ф. Федоров отмечал, что развитие крупной промышленности в России началось позднее, чем в странах Западной Европы. В то же время более раннее развитие крупного производства, например в Англии, привело к тому, что уже в середине XIX в. там были проведены многочисленные исследования условий работы детей и женщин в различных отраслях промышленности, вызывавшие всеобщие сострадание и требования законного вмешательства¹⁸. Л.С. Таль, К.А. Пажитнов отмечали, что фабричное законодательство в России рассматриваемого периода носило в основном «полицейский характер» и было подвержено одностороннему давлению со стороны капитала¹⁹.

Другим положительным примером европейского законодательства по охране материнства и детства было введение института страхования материнства еще в 80-х гг. XIX в. Так, предусматривалась материальная поддержка застрахованным беременным работницам, а также освобождение от работы беременных женщин в течение определенного срока до и после родов с сохранением занимаемого ими рабочего места. Подобные законы были изданы в Швейцарии (1877 г.)²⁰, Германии (1883 г.), Венгрии (1884 г.)²¹ и др.

¹⁶ Федоров А.Ф. Указ. соч. С. 36–37.

¹⁷ Берви-Флеровский В.В. Положение рабочего класса в России: наблюдения исследования. СПб., 1869. С. 361–362.

¹⁸ Федоров А.Ф. Указ. соч. С. 131–132.

¹⁹ Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России : в 3 ч. 2-е изд., доп. и испр. СПб., 1908. Ч. 1. С. 2 ; Таль Л.С. Очерки промышленного права. М., 1916. С. 4.

²⁰ Янжул И.И. Детский и женский фабричный труд. С. 126.

²¹ Браун Л. Охрана материнства. СПб., 1909. С. 11–12.

Впервые институт страхования материнства в России был закреплен в Законе от 23 июня 1912 г. «Об обеспечении рабочих на случай болезни»²², который запрещал допуск рожениц, состоящих в качестве участника больничных касс, к работам по найму ранее 4 недель после родов.

Врачебная помощь оказывалась за счет владельцев предприятий в виде первой помощи во время беременности, больничного (коечного) лечения. Врачебная помощь сопровождалась бесплатной выдачей лекарств, перевязочных средств и других необходимых медицинских принадлежностей (ст. 8, 44). Денежная помощь выдавалась за счет больничных касс и оказывалась по случаю родов — беременным и роженицам в размере от половины до полного заработка участниц касс. Такое пособие выдавалось беременным в течение двух недель до родов, а роженицам — в течение четырех недель после родов (ст. 9, 53, 56).

Однако действие закона не распространялось на представительниц наемного труда других отраслей народного хозяйства: торговли, домашней индустрии, сельского хозяйства, прислуги и т.д. Кроме того, на практике оказалось, что двухнедельный срок пособия имел факультативный характер. Если бы оказалось, что роды наступят ранее двух недель после прекращения работы, то пособие выдавалось за этот меньший промежуток времени. Если же роды наступали после двух недель, то пособие выдавалось только за 2 недели²³.

Таким образом, широкое вовлечение женщин и детей в сферу промышленного и ремесленного производства было продиктовано кардинальными изменениями, происходившими в российском обществе. Правовая охрана материнства и детства в сфере труда в России во второй половине XIX — начале XX в. заключалась в сохранении и поддержании здоровья беременных женщин, женщин-матерей и

²² Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон от 23 июня 1912 г. «Об Обеспечении рабочих на случай болезни» // ПСЗРИ. Собр. 3. СПб., 1915. Т. XXXII. № 37446.

²³ Литвинов-Фалинский В.П. Как и для чего страхуются рабочие. СПб., 1913. С. 21.

детей путем ограничения и нормирования их труда, предоставлении возможности детям получать образование и обучаться профессиональному труду, а также обеспечении возможности женщинам успешно совмещать функции материнства с трудом.

Российское законодательство в отличие от зарубежного оставило без внимания такие важные аспекты охраны труда, как создание необходимых условий для кормящих матерей, предоставление для них дополнительного перерыва, устройство яслей на предприятиях, предоставление беременным женщинам легкого режима труда, а также перевод их на работу, исключающую воздействие вредных условий. Причины данных пробелов в российском праве усматриваются, с одной стороны, в отставании отечественного промышленного производства по сравнению с западноевропейскими странами, что предопределило политику государства в сфере трудовых отношений, в основе которой лежали полицейские и финансовые соображения, при этом социальным проблемам отводилась второстепенная роль. С другой стороны, необразованность и низкий уровень культурного развития

общества не позволили создать благоприятную почву для создания и развития правовых институтов по охране материнства и детства в России до середины XIX в. Обществу только предстояло прийти к пониманию и осознанию важности государственно-правовой охраны материнства и детства.

Особенность российского права по охране материнства и детства заключалась в том, что меры, предпринимаемые законодателем, были вызваны, с одной стороны, стремлением к преодолению конкуренции и экономических конфликтов между фабрикантами, с другой стороны, связаны с необходимостью охраны общепризнанной ценности репродуктивных функций женщины, равно как и жизни детей. Примечательно, что сами фабриканты в новых социально-экономических условиях были заинтересованы в квалифицированном труде, грамотных специалистах, а конкуренция между предпринимателями приводила к закономерному сокращению труда женщин и детей. Эти факторы в совокупности с активным участием женщин и подростков в забастовочном движении привели к законодательной охране материнства и детства в сфере труда в России.

Литература

1. Английское фабричное законодательство / под редакцией И.И. Янжула. Москва : Тип. «Ведомости Московской городской полиции», 1880. 167 с.
2. Берви-Флеровский В.В. Положение рабочего класса в России: наблюдения и исследования / В.В. Берви-Флеровский. Санкт-Петербург : Н.П. Поляков, 1869. 494 с.
3. Браун Л. Охрана материнства / Л. Браун ; перевод с немецкого И. Кунина ; под редакцией В.В. Битнера. Санкт-Петербург : Вестник знания, 1909. 32 с.
4. Быков А.Н. Фабричное законодательство и развитие его в России : лекции / А.Н. Быков. Санкт-Петербург : Тип. «Правда», 1909. 282 с.
5. Ворошилова С.В. Правовое положение женщин в России в XIX — начале XX вв. : диссертация доктора юридических наук / С.В. Ворошилова. Саратов, 2011. 406 с.
6. Литвинов-Фалинский В.П. Как и для чего страхуются рабочие : популярное изложение законов 23 июня 1913 г. о страховании рабочих с прил. 1) Полного текста страх. законов, 2) Нормального устава больничных касс / В.П. Литвинов-Фалинский. 2-е изд. Санкт-Петербург : Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1913. 179 с.
7. Михайловский Я.Т. О деятельности фабричной инспекции : отчет за 1885 год главного фабричного инспектора Я.Т. Михайловского / Я.Т. Михайловский. Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1886. 217 с.
8. Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. В 3 частях. Ч. 1 / К.А. Пажитнов. 2-е изд., доп. и испр. Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Общественная польза», 1908. 306 с.
9. Таль Л.С. Очерки промышленного права / Л.С. Таль. Москва : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. 127 с.

10. Федоров А.Ф. Фабричное законодательство цивилизованных государств: О работе малолетних и женщин на фабриках / А.Ф. Федоров. Санкт-Петербург : Тип. Г. Дюнтца, 1884. 402 с.
11. Элияссон Л.С. Законы об отношениях между предпринимателями и рабочими в области фабрично-заводской промышленности / Л.С. Элияссон. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. 581 с.
12. Янжул И.И. Детский и женский фабричный труд // Янжул И.И. Очерки и исследования : сборник статей по вопросам народного хозяйства, политики и законодательства. В 2 томах. Т. 2. Москва : Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1884. С. 1–212.

References

1. Angliyskoe fabrichnoe zakonodatelstvo ; pod redaktsiyey I.I. Yanzhula [English Factory Laws ; edited by I.I. Yanzhul]. Moskva : Tip. «Vedomosti Moskovskoy gorodskoy politzii» — Moscow : News of the Moscow City Police printing office, 1880. 167 s.
2. Bervi-Flerovskiy V.V. Polozhenie rabochego klassa v Rossii: nablyudeniya i issledovaniya [The Position of the Working Class in Russia: Observations and Research] / V.V. Bervi-Flerovskiy. Sankt-Peterburg : N.P. Polyakov — Saint Petersburg : N.P. Polyakov, 1869. 494 s.
3. Braun L. Okhrana materinstva ; perevod s nemetskogo I. Kunina ; pod redaktsiyey V.V. Bitnera [The Protection of Motherhood ; translation from German by I. Kunin ; edited by V.V. Bitner] / L. Braun. Sankt-Peterburg : Vestnik znaniya — Saint Petersburg : Knowledge Bulletin, 1909. 32 s.
4. Bykov A.N. Fabrichnoe zakonodatelstvo i razvitie ego v Rossii : lektsii [Factory Laws and Their Development in Russia : lectures] / A.N. Bykov. Sankt-Peterburg : Tip. «Pravda» — Saint Petersburg : Pravda printing office, 1909. 282 s.
5. Voroshilova S.V. Pravovoe polozhenie zhenshin v Rossii v XIX — nachale XX vv. : dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [The Legal Position of Women in Russia in the XIX to the Early XX Century : thesis of LL.D.] / S.V. Voroshilova. Saratov — Saratov, 2011. 406 s.
6. Litvinov-Falinskiy V.P. Kak i dlya chego strakhuyutsya rabochie : populyarnoe izlozhenie zakonov 23 iyunya 1913 g. o strakhovanii rabochikh s pril. 1) Polnogo teksta strakh. zakonov, 2) Normalnogo ustava bolnichny'kh kass. 2-e izd. [How and Why Workers Get Insured : popular presentation of laws of June 23, 1913 on insurance of workers with the attachment of the 1) full text of insurance laws, 2) Normal Statute of Health Insurance Funds. 2nd edition] / V.P. Litvinov-Falinskiy. Sankt-Peterburg : Tip. t-va A.S. Suvorina «Novoe vremya» — Saint Petersburg : Printing office of A.S. Suvorin's partnership New Time, 1913. 179 s.
7. Mikhaylovskiy Ya.T. O deyatelnosti fabrichnoy inspeksii : otchet za 1885 god glavnogo fabrichnogo inspektora Ya.T. Mikhaylovskogo [On Operations of the Factory Inspectorate : report for 1885 of chief factory inspector Ya.T. Mikhaylovskiy] / Ya.T. Mikhaylovskiy. Sankt-Peterburg : Tip. V. Kirshbauma — Saint Petersburg : V. Kirshbaum's printing office, 1886. 217 s.
8. Pazhitnov K.A. Polozhenie rabochego klassa v Rossii. V 3 chastyakh. Ch. 1. 2-e izd., dop. i ispr. [The Position of the Working Class in Russia. In 3 parts. Part 1. 2nd edition, enlarged and revised] / K.A. Pazhitnov. Sankt-Peterburg : Tip. t-va «Obschestvennaya polza» — Saint Petersburg : Printing office of the Common Good partnership, 1908. 306 s.
9. Tal L.S. Ocherki promy'shlennogo prava [Sketches of Industrial Law] / L.S. Tal. Moskva : Tip. G. Lissnera i D. Sobko — Moscow : Printing office of G. Lissner and D. Sobko, 1916. 127 s.
10. Fedorov A.F. Fabrichnoe zakonodatelstvo tsivilizovanny'kh gosudarstv: O rabote maloletnikh i zhenshin na fabrikakh [Factory Laws of Civilized States: On the Work of Minors and Women on Factories] / A.F. Fedorov. Sankt-Peterburg : Tip. G. Dyunttsa — Saint Petersburg : G. Dyuntts' printing office, 1884. 402 s.
11. Eliyasson L.S. Zakony` ob otnosheniyakh mezhdru predprinimatel'nyami i rabochimi v oblasti fabrichno-zavodskoy promy'shlennosti [Laws on Relations Between Entrepreneurs and Workers in the Factory Sector] / L.S. Eliyasson. Sankt-Peterburg : Tip. M.M. Stasyulevicha — Saint Petersburg : M.M. Stasyulevich's printing office, 1908. 581 s.
12. Yanzhul I.I. Detskiy i zhenskiy fabrichny'y trud [Child and Female Factory Labor] // Yanzhul I.I. Ocherki i issledovaniya : sbornik statey po voprosam narodnogo khozyaystva, politiki i zakonodatelstva. V 2 tomakh. T. 2 [Sketches and Research : collection of articles on national economy, politics and legislation. In 2 volumes. Vol. 2]. Moskva : Tip. A.I. Mamontova i K° — Moscow : Printing office of A.I. Mamontov and Co, 1884. S. 1–212.